

18+

АЛЕКСАНДРА ХАДРИД

ХРОНИКИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА

КНИГА 3. СЫН БЕЗДНЫ

Александра Хадрид
ХРОНИКИ
ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА.
Книга 3. Сын Бездны

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704481
ISBN 9785005160720*

Аннотация

Кори живет и учится в Москве, тщетно пытаясь забыть Кая, погибшего три года назад. Внезапно она получает анонимное письмо: кейнар жив и больше не Ищейка. Как ему удалось выжить? Из-за чего Кай потерял свою стихию, и почему эти же вопросы интересуют древний Орден Знающих? В поисках ответа друзья столкнутся с прошлым и задумаются о будущем, которое перевернет жизнь всего мира. Ведь легенды никогда не врут, и они сами – часть нечто гораздо большего, чем просто пыль и песок...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	49
ГЛАВА 5	67
ГЛАВА 6	74
ГЛАВА 7	99
ГЛАВА 8	116
ГЛАВА 9	148
ГЛАВА 10	156
ГЛАВА 11	169
ГЛАВА 12	183
ГЛАВА 13	194
ГЛАВА 14	216
ГЛАВА 15	229
Конец ознакомительного фрагмента.	250

ХРОНИКИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА Книга 3. Сын Бездны

Александра Хадрид

© Александра Хадрид, 2020

ISBN 978-5-0051-6072-0 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-6418-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всякая свеча горит для того, чтобы погаснуть – только форма стекшего воска бывает разной...

ПРОЛОГ

Океан. Синяя толща, окутанная маревом безмятежности. Береговая линия тянулась далеко, унося за собой ветер. Она мчалась сквозь несуществующее время и пространство, прокладывая дорожки через миры и их грани. А неугомный океан обрушивал на песок всю свою лазурную мощь, всю неподвластную разуму силу. Он управлял ветрами. Управлял погодой. Управлял течением жизни.

Но здесь не было ни ветра, ни погоды. На острове посреди миров не было времени. И не было пространства. Только холмистая суша с окружающим ее океаном Межмирья.

По берегу мчался черноволосый мальчик с небольшими серыми крыльями. Он бежал, расставив руки в стороны, ловя несуществующий ветер. Песок вылетал из-под босых пяток, щекоча голени. В голубых глазах светился восторг, а губы расплылись в радостной улыбке. Мальчик был счастлив.

Вдруг он резко остановился, взметнув песчаное облако, и посмотрел на лесной массив, ведущий вглубь острова. Потом снова на океан. Он еще к нему вернется, как делал уже много раз.

Подобрав крылышки, мальчик направился в тень деревьев. Он не чувствовал жара или прохлады – в этом месте их не существовало. Мальчик ощущал влагу травы под пальцами, гладкое дерево корней и сладость плодов только пото-

му, что хотел. Небольшие ручейки, рассекающие лес, покрытые мхом берега и потрескивание раскидистых крон на ветру – все это мальчик возвел вокруг себя, словно замок, который в любой момент мог достроить или разрушить. Он был не в силах повлиять лишь на океан, уходящий в бесконечность сквозь измерения и грани.

Сорвав несколько желтых ягод с ветви, он свернул к ручью и прыгнул на толстое бревно, служившее переправой. Мальчик давно облюбовал это место. Широкая плоская поверхность позволяла удобно устроиться, съесть ягоды или покидать в воду камешки. Но главное, словно через туннель, сквозь зелень леса проглядывал берег. Он мог часами смотреть, как огромные валы обрушиваются на песок. И уносят мельчайшие частички в синий, не имеющий дна мир.

Мальчик подобрал камушек и кинул в ручеек. Потом еще один. И еще. Он ни о чем не думал. Ему не надо было размышлять, есть или спать. Он просто жил и наслаждался.

Прошло несколько минут, а, может, несколько лет, когда его плеча коснулась холодная рука:

– Пора.

Мальчик обернулся и увидел перед собой белую женщину в странном одеянии. Она нежно смотрела на него и улыбалась.

– Но я не хочу, – ответил он. – Здесь так хорошо.

– Ты нужен там, сынок. Это место подождет.

Мальчик отвернулся и снова бросил взгляд на океан.

И с ужасом понял, что смотрит на него в последний раз. Он больше не взглянет на это чудо. И не потрогает рукой бесконечную водную синеву.

– Я еще увижу его? – тихо спросил мальчик.

Женщина ласково усмехнулась и прислонила ладони к его вискам:

– Конечно, мой сладкий. Когда-нибудь – обязательно.

ГЛАВА 1

Свет упал на лицо, проникая сквозь закрытые веки. Я поморщился. Подождал немного. Понял, что темнее не станет.

Открыв глаза, уперся в дубовый потолок. Перевел взгляд на стену и часы, показывающие девять утра... Осторожно пошевелившись, сел.

И слегка опешил. Я сидел на кровати, в своей родной комнате в Аскатрале. Свет лился через панорамное окно, рассеянно освещая оружие на стенах и пыль. Она летала в воздухе и толстым слоем покрывала мебель. Кашлянув, я стряхнул ее с лица и рук. Меня морозило. Подняв брови, отметил, что одет в черные штаны и белую накрахмаленную рубашку. Странно, очень странно. В Аскатрале я редко так одеваюсь.

Не до конца понимая, кто я и что здесь делаю, неспешно встал и подошел к окну. Открыв его, глотнул свежего воздуха. И замер.

В Аскатрале росла сочная зеленая травка с желтыми и синими крапинками цветов. Ветер гонял свежий аромат раннего лета и горной прохлады. Только вдалеке, на самых вершинах, искрились на солнце пласты снега, который никогда не тает. Благодать. Такая погода здесь бывает только в июне.

Окончательно запутавшись, я оглянулся и осмотрел комнату. Пахло деревом, пылью и затхлостью. Когда-то на тумбе стояли цветы, о которых напоминали лишь высохшие палки.

Рядом лежал конверт. Я направился в тот угол комнаты, отмечая странную ломоту в мышцах. Как будто бы не двигался недели две.

Проходя мимо зеркала, решил остановиться. Моргнул. Присмотрелся. Еще раз моргнул. Не помогло.

Сначала я себя не узнал. Черные волосы отрасли, и отдельные пряди в беспорядке доставали до бледного, почти воскового подбородка, заросшего щетиной. Только на виски двумя белоснежными перьями легла седина. И глаза. Они были голубые.

– Что за...

Смахнув с гладкой поверхности пыль, я приблизил лицо к зеркалу. Да, и вправду. Около минуты я рассматривал эти жутко незнакомые, но в то же время родные глаза. Даже тронул пальцем, но радужка не изменилась. Не голубые... а синие.

Ничего не понимаю. Что произошло? Как должен был перевернуться мир, чтобы Ищейка ходил синеглазый?

Недоумевая, я сел обратно на кровать. Заметил конверт. На нем что-то лежало.

Пальцы коснулись холодного серебра. Я уставился на маленького дракончика с обсидиановым глазом, которого подарила Кори... Аккуратно положив его обратно, я взялся за конверт. Он оказался просто листком, сложенным пополам.

«Кай,

Если ты читаешь это, значит, ты жив. А может быть, нет, и строки проглядывает твоя душа в каком-нибудь другом мире. Я не знаю. Ты убил себя по всем правилам. И умер по всем правилам. Твое «а вдруг я вернусь», скорее всего, было попыткой успокоить меня. Я не стану спрашивать, зачем ты это сделал, потому что все понимаю. Смешно получилось, правда? Полмира хотело тебя убить, а ты взял и всем назло умер сам. Да. Где бы ты ни находился, просто знай, что я жива. Со мной все хорошо, и я ощущаю себя как нормальный кейнар... понесший тяжелую утрату.

Твое наследство перешло ко мне, но я ничего не трогала и не буду. Будь спокоен.

Если ты каким-то чудом остался жив или вдруг можешь выйти на контакт, дай мне знать. Ты в курсе, где искать.

А если нет... То покойся с миром.

Кори

15.02.2021»

Я перечитал письмо еще раз. И еще.

А потом вспомнил все. И обрывки догадок встали на свои места, как сложившейся пазл.

Хатон использовал мое незавершенное заклинание и переселился в Саманту Бриз, внушив Кори вонзить в меня кинжал, отправляющий к демонам. Они, в свою очередь, решили отобрать человечность в качестве наказания. Впоследствии я ввел Кори сыворотку, подавляющую светлую сторону кейнара. И не рассчитав, понял, что ввел смертельную до-

зу. Мы пошли искать лекарство, и у нас... получилось?

Я помню, как девушка умерла у меня на руках. После этого я свихнулся и совершил самоубийство... Но Кори выжила. В тумане я помнил, как она говорила, что лекарство подействовало. А дальше темнота. И немножко холод.

Стоп.

Тогда какого дьявола я жив?!

Вскочив с кровати, я принялся расхаживать по комнате. Возможно, Кори права, и слова «а вдруг я вернусь» были лишь попыткой ее успокоить. Не знаю. Это подсознательная мысль, высказанная вслух, не имела никаких доводов к исполнению. И все же я жив. Даже вторая рука отросла.

Потирая седые виски (еще одна загадка), я усердно пытался вспомнить хоть что-нибудь, повлиявшее на воскрешение. Ничего.

Но глянув на подвешенные кинжалы, кое-что нашел. Это давняя и очень загадочная история, которую я не оглашал просто потому, что сам не до конца ее понимал. Клинок, которым можно убить кейнара, приносит его конь спустя сорок дней после рождения или обращения. Все так, Люцифер еще неказистым жеребенком пришел к крыльцу нашего дома с увесистым ножом на шее. Лезвие было больше двухмесячного младенца, для которого и предназначалось.

Спустя сотню лет меня забрали Ищейки. И в один прекрасный день Люцифер исчез больше чем на сутки, а вернулся со вторым – уже черным – клинком. Сначала я решил,

что, раз теперь я Ищейка, так и должно быть. Как оказалось, не очень, и все мои собратья спали только с одним клинком. Окончательно запутавшись, я поцарапал себя обоими. Больше боли доставляло черное лезвие. Некоторое время спустя я решил найти упоминание о таком странном явлении в книгах. Где-то упоминалось, что один клинок якобы убивает тело, а другой душу. Я не стал разбираться и при первой возможности выкинул черный клинок в море.

Невольно из груди вырвался смешок. Раз мое тело живет и дышит, стало быть, я убил душу? Но как я без нее?..

Глубоко задумавшись, я рассеянно зажег свечку. Не почувствовав тепла, обернулся. Кусок воска стоял, покрытый слоем пыли, без огня.

Я попробовал еще раз. Да ну, фокус для новичков! У меня не получилось. Я почувствовал себя одним из тех недоумков, что стоят, упорно смотрят на свечу и пытаются зажечь ее взглядом.

Так. Спокойно, Кай. Без паники. Крылья вроде есть, значит, я еще кейнар. И магия должна быть.

Попробуем выделить воду из атмосферы, проще говоря, вызывать дождь. Фокус третьего уровня.

Фиг вам. Я подключил руки. Как идиот, стоял и недоуменно пытался что-то достать из воздуха. Да что с моей магией, черт возьми?!

Ладно. Земля. Родовая стихия всех Энгельгардтов. Положив руку на пол, я мысленно заставил его дрожать. Хотел

заставить. Ничего не вышло.

Чувствуя опасное головокружение, я осторожно поднялся на ноги. И уже ни на что не надеясь, вызвал маленький сквознячок.

Окно резко распахнулось, ударившись о стену. Поток ветра хлынул в комнату, как цунами, опрокинув вазу и стулья, сорвав шторы и разбив пару склянок с препаратами.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Я стоял, открыв рот. Воздух? Воздух?!

Я попытался нащупать в себе пятую стихию, хотя не стоило и пробовать. Я не чувствовал ее также остро, как внезапно понял всю странность своего состояния.

Я больше не Ищейка.

Мысль доходила медленно и тягуче. Просто думать о таком было тяжело. Это невозможно, хотя все увиденное доказывало обратное.

Зачем-то я посмотрел на свои руки. Я не Ищейка. Я больше не Ищейка, а самый обычный, нормальный кейнар...

Я рассмеялся. Громко и искренне. Хотелось кричать от счастья на весь Аскатрал. Подумать только, я не Ищейка! Клинок убил душу Ищейки! Ай да я! Нашел все-таки способ снять эту обузу, при этом не находясь в подчинении другого и сохранив жизнь и честь! Ай да я! Ай да Кай!

Синеглазый парень не совсем трезвого вида стоял перед зеркалом и глупо улыбался сам себе.

Я нормальный кейнар. Кори здорова. Жизнь прекрасна.

ГЛАВА 2

– Доминантный аллель обуславливает развитие признака как у гомозигот, так и у гетерозигот. Как вы можете видеть, рецессивные аллели вызывают развитие признака только в гомозиготном состоянии. Разные аллельные формы генов возникают в результате... Солаверова, не спать!

Профессор нудно читал лекцию. Если кому-то и было интересно, то я им искренне сочувствую.

– Я не сплю, – буркнула я.

– Я вижу, – посмотрев на меня так, будто я проповедовала сатанизм в церкви, он хмуро продолжил читать.

Однообразные, серые будни тянулись целую вечность. На третьем курсе медицинского университета не сильно весело, особенно накануне сессии. Все лето, как и прошлые три, и следующие три, пропадет насмарку и утонет в бесконечных московских облаках...

Прохладный ветерок прорывался сквозь открытое окно, обдувая лицо. Уныло положив голову на руки, я толкала пальцем карандаш. Он катился вверх. А потом вниз. Толчок, и он катится вверх... а потом вниз.

Прошло три года со смерти Кая. Три самых унылых и серых года в моей жизни, в прямом смысле. Погода внезапно свихнулась и забыла, что такое солнце. И выпускала его случайно, на два-три дня в месяц.

Стени советовала забыть кейнара. Подруга говорила, что глупо горевать по человеку, которого уже нет. Меня даже к психологу водили, и толстый дядька в фиолетовых очках сказал то же самое. Забыть. Я отвечала: «Да, конечно, будем стараться». А про себя желала всем спуститься в бездну, потому что они меня не понимали. Я хваталась всеми силами за глупую надежду, за последние слова Кая. Ну как он может вернуться?! Как?!

Никак.

Мне уже двадцать один. Кай так и не вернулся.

– Карина!!! – прогремело над ухом.

Я глубокомысленно посмотрела на профессора:

– Иван Палыч. Спросите Никиту, – и ткнула пальцем в открытую книгу. – Я и так все знаю.

Светловолосый парень с аккуратно подстриженной бородкой и одним наушником смотрел на меня с другого конца аудитории, как на предательницу. Я мило улыбнулась в ответ.

Профессор что-то проворчал и отошел. В лицо дунул особенно сильный порыв, всколыхнул пряди и сдвинул листки. Мой несчастный карандаш отлетел к Стени. Я потянулась за ним, но увидев круглые глаза подруги, остановилась:

– Что? Только не говори, что у меня опять...

– Посмотри туда, – чуть ли не задыхаясь, прошептала она.

Я послушалась. Взгляд уперся в белоснежный конверт, лежащий на страницах учебника.

– Конверт, – зачем-то сказала я.

И осеклась. Зажмурилась, моргнула. Письмо? Откуда?.. Дрожащими руками я потянулась к бумаге. Адрес получателя – медицинский университет, вплоть до номера аудитории и ряда, за которым мы сидели. Обратного адреса нет.

«Приезжай. Будем праздновать день рождения».

Стени выругалась. Я боялась сделать вдох. Этот каллиграфический почерк я узнаю из тысячи.

– Он... жив? – изумленно спросила подруга.

– Кто жив? – весело донеслось сверху.

– Кай жив, – прошептала я и повторила громче: – Кай живой!

Резко встав из-за стола, я бросилась к дверям, на ходу раскидав бумаги и учебники. Аудитория наполнилась шумом.

– Кори, ты куда?!

– Солаве... – недоговорил ошеломленный преподаватель. – Карина!!!

Хлопнули двери. Я пронеслась через пустые коридоры, лестницы, испугала охранника и выбежала на улицу. В лицо дунул холодный ветер. Издалека увидела, как нужный автобус уже причаливает к остановке. Черт! Плюнув на все, я телепортировалась, прыгнув на ступеньку перед самым закрытием.

Автобус двинулся. Переведя дыхание, протолкнулась к водителю, и смотря через зеркало ему в глаза, тихо сказала:

– До Тропарёво довезете?

– Девушка, это не в ту сторону. Вам нужен другой автобус.

– Довезете?

Мужик молча кивнул. Все еще пытаюсь отдышаться, я села к окну и закрыла глаза, мысленно связавшись с Арагоном.

Автобус круто развернулся на перекрестке. Люди недоуменно переглянулись и заворчали про изменение маршрута. Через пятнадцать минут машина остановилась, и я выскочила на тротуар перед забором лесопарка.

Мы часто бродили здесь после пар. Сейчас же по узким гравийным дорожкам гуляли только мамы с колясками и школьники. Двадцать шестого мая никто не хочет учиться.

Отойдя от основной дороги, я углубилась в лес, и через десять минут увидела любимого коня. Он уже все знал, и радостно заржав, подставил спину. Этот парк Арагон изведать хорошо, а также то, что он плавно перетекает в большой лес и поле, где находится граница с параллельным миром.

Мы промчались мимо стражи. Единственное, что я услышала – недовольный окрик в спину. За эти три с лишним года я ни разу не пересекала границу, да и зачем? А сейчас испытывала смешанные ощущения.

Мы выскочили на гористой равнине, залитой солнцем. Здесь погода была явно лучше, чем в Москве. Свежую травку ворошил теплый ветер, оттачивал каменные наросты и несся дальше, к деревушке на горизонте. Там я спросила про ближайший телепорт в Аскатральскую общину кейнаров, забыв с непривычки снять маскировку с крыльев. Доб-

рая вампирша усмехнулась и махнула рукой на грунтовую дорогу:

– По ней часа два, и будете в Гарраке. Оттуда телепортируйтесь в Брист, а там и до общины недалеко.

Путь до Гаррака мы одолели за час, а через два Арагон петлял по горному серпантину. Над головой мелькала снежная вершина Аскатрала, а чуть вдалеке сверкал на солнце шпиль Башни Телепортации. Вылетев из-за очередного поворота, я увидела долгожданный городок. И большой дом с панорамными окнами на возвышенности. Сердце екнуло, в душу на мгновения закрались сомнения. А что, если это чья-то злая шутка?

Когда я покидала Аскатрал, ворота плотно заперли. А сейчас их открыли настежь. Сомнения тут же исчезли.

Два кейнара у ворот и не подумали меня остановить. Счастливые и радостные лица прохожих вселяли уверенность. На домах висели флажки, многие смеялись и улыбались друг другу. Арагон перемахнул мостик через горную речку, процокал по площади с церковью, лавками и кофейнями... Тут прямо царила праздничная атмосфера. Преодолев главные улицы, мы нырнули в раскидистую тень вершины и остановились перед домом.

Внутри было пусто. Пыль мертвым слоем покрывала мебель и витала в душном воздухе. Мда. Если Кай и ожил, то прибраться точно не удосужился.

В комнате кейнара также не оказалось. Увидев пустую

кровать, на которой лежал труп, я окончательно поверила в происходящее. И ужаснулась. Как? Ну как такое возможно?

Понадобилось еще минут десять, чтобы отдышаться и понять, где находится Кай. Ну, конечно же. Сосредоточившись, я представила вершину Аскатрала. А через секунду в лицо подул свежий ветер, принося запах снега в летний день.

Он стоял, сложив руки за спиной, и смотрел на горы. Потоки воздуха поддевали черные перья на распахнутых крыльях и летели дальше, вороша темные пряди.

– Кай!

Кейнар обернулся.

Несколько мгновений потребовалось, чтобы понять, что его глаза голубые, а не черные. Еще малость, чтобы отметить седину на висках.

А там и секунда кончилась.

– Кори!!!

Я бросилась к нему, обняв так крепко, словно боялась, что кейнар сейчас растворится.

– Кай, ты жив! Господи, ты жив, не могу поверить, ты жив!.. – бормотала я, уткнувшись в него лицом.

– Жив, девочка моя, – просипел Кай, зарывшись в волосы. – И ты здорова. Хвала всем небесам, у нас таки получилось...

– Да... – всхлипнув, я отстранилась, продолжая удерживать его за руки. По щекам текли слезы.

Если в его черных глазах можно тонуть, то в этих вовсе нет дна. Они были почти синего, глубочайшего небесного цвета. Нереально красивые глаза, которые очень заманчиво сочетались с черными волосами. Проведя ладонью по седым вискам, я шмыгнула носом... и не выдержав, разрыдалась.

Кай улыбнулся и притянул к себе.

– Ты не представляешь, что мне стоило пережить эти три года! Не вздумай так больше делать, слышишь, если ты еще раз так умрешь... – я откровенно рыдала, повиснув на кейнаре и покрывая все лицо солеными поцелуями. А потом засмеялась. – Как? Как тебе удалось? А вообще, неважно... я люблю тебя. И только попробуй куда-нибудь исчезнуть! О, у тебя рука выросла, смотри...

Он тоже засмеялся, громко и искренне, и отлепив мое тело от себя, закружил:

– Я люблю тебя больше, чем ты думаешь, – усмехнулся Кай, поставив меня на снег. И тихо добавил: – Я больше не Ищейка, Кори.

Я опешила, даже шагнула назад от неожиданности.

– Что?..

На лице кейнара возникло подобие недоумения.

– Я больше не Ищейка, – терпеливо повторил он. – А самый обычный кейнар.

– И какая же твоя стихия?

Кай с любовью оглядел горы, встряхнул крыльями и улыбнулся:

– Воздух!

Я готова была разорваться на тысячи мелких кусочков от радости, что бурлила внутри.

– Это же прекрасно! – воскликнула я и бросилась ему на шею.

Кай не удержался, и мы упали в снег.

– Мы сделали это, – нежный поцелуй. – Ты здорова. Я не Ищейка. Это не укладывается в голове!

– Ты думаешь, уместается у меня?

– Но, главное, – он провел рукой по моей щеке, – это находиться рядом с тобой. Я полюбил это больше счастья не быть Ищейкой.

– Подлиза, – по-доброму пробурчала я.

– ...И где же сейчас этот клинок? – спросила я после дикуватого рассказа Кая о двух кинжалах.

Кейнар усмехнулся:

– Я выкинул его в море.

Мы сидели на самом краю, как далекие четыре года назад, и смотрели на горную панораму. Первый раз он привел меня сюда, чтобы показать родовой меч с красной лентой. Сейчас дырка от него зияла в камне рядом с правым коленом. Кай рассказал красочную легенду, а потом мы «дрались» на клинках и упали в снег... как давно это было. Сейчас я прижалась к кейнару, положив голову на плечо. Мягкие перья накрыли спину. Теплые пальцы держали ладони. Я подняла лицо и улыбнулась:

– Может, ты у нас мутант?

– А бездна его знает. Я не хочу об этом думать. Так хорошо, как сейчас, мне было только года в три. Когда удалось стащить печеньку у Саманты Бриз.

Легкая, воздушная радость пронеслась над головами и упорхнула в безоблачное небо. Мне почудилось или запахло имбирным печеньем?

– Как там она, кстати?

– Саманта? Когда мы приехали в Москву, она полностью оправилась от вторжения Хатона и сейчас по-прежнему занимается со Стени. Она круто колдует. Намного лучше, чем я.

Кай усмехнулся:

– В отличие от тебя, ее сэнсэй был на месте.

Повисла тишина, которую я быстро нарушила:

– Ты что-нибудь помнишь?..

Кай долго молчал. И тихо ответил:

– Твое лицо. Некоторые слова. Боль в правом легком. А потом темнота взяла свое. Когда я начинаю о ней думать, становится холодно. И болят виски, – он невольно коснулся седых прядей.

– Это все так странно.

Снизу вырывался ветер, вороша перья и периодически выкидывая черных птичек с желтыми клювиками. Щебеча, они ловили потоки, облетали вершину и уносились дальше.

– Оставим странность для другого, – кейнар вдруг резко

перевел тему. – Как там владычица Иштар?

– На троне теперь новый правитель. Иштар неожиданно заболела и скончалась.

Кай, казалось, сейчас начнет светиться, а улыбка действительно достанет до ушей.

– Ты не шутишь? – спросил он с той же интонацией, с какой маленькие дети говорят про пряник: «это мне?»

– Нет! В газетах написано: «Смертельно заболела».

Кай неожиданно расхохотался:

– Ха! Вампир? Заболела? Какой-то очень добрый человек ее убрал. Или мое проклятье сработало.

Я лишь закатила глаза.

– Да ладно тебе, – он обнял меня уже рукой, а не крылом, и тихо спросил: – Как ты жила все эти годы?

Я грустно улыбнулась:

– Не блеск. Солнце кто-то треснул по голове, и оно забыло, для чего находится на небе. За месяц выдается примерно два-три солнечных дня, а лето холодное, сырое и мерзкое. А так... я сдала экзамены, поступила в медицинский. Третий курс заканчиваю. Жутко интересно и также сложно. Выходных нет вообще, в свободное время работаю в кофейне.

– На пельмени хватает?

Я рассмеялась и звонко хлопнула его по плечу:

– И не только! Я...

И тут я кое-что вспомнила. Уровень настроения начал стремительно падать.

– Я? – настороженно подбодрил Кай.

– Я живу... жила... Короче, не у себя. Поближе к институту. С одним человеком. Мы вместе на жизнь зарабатываем. Или зарабатывали...

– И кто же он?

Я беззвучно выругалась. Вот о чем я не думала, так это о возможной ревности Кая.

– Его зовут Толя. Он хороший. Убьешь его – я убью тебя.

Кейнар недобро усмехнулся и отмахнулся:

– Сегодня слишком чудесный день для твоего Толи. Мы с ним еще разберемся, – с души как камень свалился. – На счет погоды... должен извиниться. Существует очень интересное явление. Когда умирает особенно сильный маг, его магия не исчезает, а растворяется в атмосфере. И выливается в виде непогоды. Не обязательно в мире, где он умер.

– Но ты же не умер.

– Я потерял четыре стихии. Это немыслимое количество.

Мне показалось, или это прозвучало грустно?

– Ты жалеешь?

– О чем?

– Об утраченной силе. Могуществе. Власти.

Кай снова замолчал, на этот раз надолго. Я начала сомневаться, что кейнар вообще собирается отвечать, как он придушенно ответил:

– Да.

И быстро добавил:

– Но я готов заплатить эту цену за свободу от сущности Ищейки. В бездну силу, могущество и власть... Конечно, жаль. Очень жаль. Все труды, связанные с пятой стихией, которые я писал, заклинания, мной придуманные, алтари в подвалах, артефакты, что я собирал столетиями... Кому они теперь нужны? Я не в силах прочесть мысли вампира. Не могу зажечь свечку. Я очнулся вчера утром, а вечером пришлось идти покупать спички!.. Зато теперь я смело могу сказать, что не причиню вреда людям. Пообещать им это не кривя душой. Ради избавления от бесконечных преступов, резни, ужаса в глазах прохожих... я готов заплатить такую цену. И я ее заплатил.

Я вздохнула, повернула его лицо и прислонилась лбом:

– Я горжусь тобой, – и после недолгого молчания спросила: – Чем теперь будешь заниматься?

– Надо уладить дела с моим внезапным воскрешением. Проведать нового владыку и Ищеек. А главное – съездить в человеческий мир и подарить ему солнце.

– Ты подаришь ему только ветер!

– Который разгонит тучи, – улыбнулся Кай и добавил: – Ты голодна?

Я рассмеялась и рухнула в снег. Хочу ли я есть? Да я сожгла больше половины всех калорий в организме, пока бежала сюда!

– Черт. Еды нет.

Кай угрюмо стоял напротив открытого холодильника. Я

отпихнула его и заглянула внутрь.

– А это что? – чихнув, указала на громадный кусок мяса. – Не еда?

– По-моему, этот кролик сдох года три назад.

– А вчера ты питался воздухом? – захлопнув дверцу, я отправилась потрошить шкафы.

– Добрые жители Аскатрала накормили меня от всего сердца. Даже завтракать не пришлось.

На кухне было пыльно, тоскливо и пусто. И пахло так, будто кролик сдох в холодильнике живьем.

– Чего стоишь?! – прикрикнула я на кейнара. – Посмотри в погребе!

– Там только алкоголь.

Ответом Каю явилось выразительное молчание. Вдруг он подскочил, затем также резко опустился на корточки и залез в ящик под раковиной, только ноги торчали. Раздался победный клич. Выбрался он оттуда с помятой пачек макарон.

– Это стратегический запас на случай ядерной войны? – скептически протянула я. В животе тоскливо забурчало. За окном темнело. – Ладно. Давай сюда. Я старалась не задумываться, сколько десятков или сотен лет этой пачке макарон, но они получились довольно вкусными. Кай соизволил выйти на улицу купить яиц и соуса на завтрак. Вышел вполне себе неплохой ужин.

Когда я отложила вилку, часы показывали десять вечера.

– Интересно, – зевнув, я отправилась искать чай. – Здесь

осталась моя одежда? Даже переодеться не во что, я неслась сюда как на пожар.

– Спи без одежды, я не против, – протянул кейнар, закинув ногу на ногу и с интересом изучая газету.

Проигнорировав его реплику, я молча прошла мимо полка с чаем и поднялась на второй этаж, в комнату, где когда-то жила десять дней. Там ничего не изменилось. Картины, плетеная мебель, большая кровать, панорамное окно. В очередной раз я вздохнула, поражаясь, что жизнь наконец-то повернулась ко мне лицом. Открыв шкаф, я поняла, что такое счастье. Вся одежда висела на месте. Умывшись прохладной водой, натянула легкую футболку, шортики из мягкого материала и толстые носки. Получилась неплохая пижама.

Спустившись в гостиную, я нашла кейнара в том же положении, что и десять минут назад. Открыла знакомый чай и вытащила банку с травами:

– Кай, а это не яд?

Он оторвался от газеты и посмотрел на меня. Взгляд на несколько секунд замер на шортах:

– Я не держу на кухне яды.

– Из этого можно заварить чай? – я потрясла банку.

– Да, но ничего вкусного не получится, – Кай отложил газету, подошел и достал другую банку: – Понюхай.

– М-м-м...

– Вот его и завари.

Вскипел чайник, я залила травы, помешивая их ложкой. Кай что-то говорил. Ложка мерно стучалась о глину, а вода кружилась, кружилась, кружилась...

Вместе с водой закружилась голова, а чайник медленно расплылся и полетел вверх.

Кажется, я упала.

ГЛАВА 3

Как же надо устать, чтобы отрубиться, заваривая чай?!

Вздохнув, я убрал газету, нежно взял девушку на руки и отнес к себе. Положив на кровать, подбил подушку и укрыл одеялом.

А через несколько часов лег рядом. В комнате горела единственная свечка, бросая огненный блик на окно. За ним густилась темнота. Только снежные шапки искрились в лунном свете, да ветер покачивал густые массивы елей. Из всех звуков доносились только его протяжное завывание, да мирное сопение Кори за спиной.

Закрыв глаза, я вспомнил мгновения перед смертью. И тут же остро ощутил, как дорога жизнь. И каждые, даже самые ничтожные ее секунды.

Повернувшись на другой бок, я посмотрел на девушку. Спутанные белые локоны забились под тонкие пальцы, угловатый подбородок и подушку. А она повзрослела. Черты лица стали глубже. Взгляд – осознанней. Я лежал и сравнивал ее с той девчонкой, что привез в Аскатрал четыре года назад. Вспоминал все, что мы прошли и пережили с того момента. Сколько пережила *она*.

Улыбнувшись сам себе, потянулся и заправил одну прядь за ухо. Провел тыльной стороной ладони по щеке. И почувствовал себя счастливым.

...Утром мы сидели в местной кофейне и завтракали блинчиками, запивая их чаем. Кори не очень удивилась, проснувшись в моей постели. Такой расслабленной и гармоничной я не видел ее давно. Сладко потянувшись, она кинула в меня подушкой и объявила, что идет заедать вчерашние макароны.

– Что будем делать? – спросила девушка, нанизывая блинчик на вилку.

– Я поеду в Ардам, – в отличие от нее, я успел все как следует обдумать. – Вернусь вечером. Ты со мной?

Вилка на мгновение зависла в воздухе.

– Что мне там делать? Потеть за тебя перед владыкой? – Кори усмехнулась и отправила блинчик в рот. – Я позвоню Стени и пороюсь в библиотеке. Мне нужно найти заклинание, помогающее закачивать знания в голову.

– Сессия?

Она кивнула:

– Есть такое?

– Безусловно. Я покажу. Ты высидишь в библиотеке целый день?

Кори глянула с укором, доела последний кусок, отхлебнула кофе и сказала:

– Мне надо усвоить *очень* много информации.

Я не стал спорить. Когда тарелки и чашки остались пустыми, мы расплатились и вышли. В Аскатрале царило прохладное горное утро, наполненное запахом хвои и свежей выпеч-

ки. Население медленно выползло на улицы. Кто-то направлялся к церкви для ранней молитвы, кто-то шел на работу или в горы. Ребятишки беззаботно прогуливали последние уроки перед летом, или встречали приезжающих на каникулы родственников. Все шло своим чередом.

Показав Кори нужные книги в библиотеке, я оставил ее там. А сам оделся подобающе, свистнул Люцифера и поехал к Башне Телепортации. Как рассказывали жители, конь прибежал сюда после моей смерти. Его периодически видели в лесах, даже пытались привести в город, но у них ничего не вышло. Люцифер не давался. А позавчера я вышел на задний двор и увидел у кромки леса крылатого брата.

Шпиль Башни сверкал на солнце, как что-то неземное. Я гордился ей. И поднявшись на круглую площадку, телепортировался в Ардам.

Точнее, к воротам Ардама. А если еще точнее, прямо на мост перед пропускным пунктом. Я обреченно вздохнул. Надо отладить систему.

Кто хоть раз в жизни бывал в Империи, знает, что главный вход в ее столицу находится на широкой реке, которая через пару сотен метров обрывалась водопадом. В середине, прямо на мосту, построили небольшой такой замок, служивший пунктом досмотра. Вторая половина моста упиралась прямо в ворота массивных городских стен, являвшихся в Ардаме отдельным произведением искусства.

Я хорошо знал и не любил этот город. Поэтому решил

исчезнуть снова, внезапно появившись перед лицом ошарашенного стражника.

Но в последний момент передумал. Я ведь теперь добропорядочный гражданин Империи, даже паспорт с собой взял. И мне нужно к владыке. А добропорядочные граждане попадают к верхушке единственным путем – через стражу.

– Добрый день! – я махнул рукой, стараясь перекричать шум реки.

Не дождавись ответа, подошел. Присмотревшись внимательнее, лицо стражника быстро стало скучным. Без всякого интереса он протянул руку для паспорта. А чему здесь удивляться? На Ищейку я непохож, нормально одет, тонны оружия не ношу, морда явно незлобная. Многие знали меня по рассказам, но в лицо – только избранные.

– Куда направляемся? – промурлыкал солдатик, пролистывая паспорт.

– К владыке.

Вампир усмехнулся. Правда, дойдя до имени, усмешка сползла с его лица также стремительно, как появилась.

– Что за чушь... – он быстро глянул на меня. Паспорт был настоящий. – Откуда это у тебя?

Я не смог сдержать улыбки:

– Насколько я помню, там прилагается фотография. Или у тебя глаза на заднице?

Вампир побледнел. Моргнул, побледнел еще сильнее. И неуверенно ответил:

– Стой здесь.

Спустя минуту он вернулся с тремя товарищами. Глянув на паспорт и на меня, они сначала заржали:

– Парень, удачный маскарад. Но с таким в Ардаме появляться опасно. Кто ты и что забыл в городе?

Я обреченно вздохнул и откинулся на седле:

– Я Кай Энгельгардт. А вы одни из немногих, кто держит в руках мой настоящий паспорт. Проведите меня к владыке или уйдите с дороги.

Самый толстый из них наконец-то задумался:

– Энгельгардт умер три года назад, парень. Мы с женой даже отметили.

– Поздравляю. Следующим она будет отмечать твои похороны.

Тот, что все это время хранил серьезное молчание, вдруг пробасил:

– Пошли, шутник. Будешь пудрить мозги Арактуре, если его владычество соизволит. Слезай.

Я спешил и повел коня на поводу. Вокруг шли пятеро стражников, постоянно причитая и прикалываясь. Я хранил священное молчание, лишь улыбаясь про себя.

Мы пересекли мост, и шум реки начал постепенно затихать, сменившись гвалтом густонаселенных окраин города. Ворота, которые я снес давным-давно, отстроили заново, как, впрочем, и весь Ардам. Моей давней мечтой было сравнять его с землей, как сосредоточение всей грязи и мерзости

верхушки имперского общества. Хорошая мечта, но она так и не сбылась.

В недрах стены раскинулась целая улица, шумная и яркая. Из свеженьких таверн как ни в чем не бывало играла музыка, между кольями решеток снова натянули разноцветные флажки. И так почти по всему городу. Носились люди, повозки поднимали тучи пыли, мелькали клыкастые улыбки. Вскоре я стянул куртку, не выдержав жары. Дети окрикивали меня, кто-то даже бросил камень – им не особо важно, кого ведут, главное, что под стражей. С рынков шел целый набор ароматов, сливающихся в одну, сбивающую с ног вонь большого города.

Мы шли медленно. И когда, пробираясь через толпу, наконец-то ступили в тень дворцовой площади, я с облегчением выдохнул. Последний раз так жарко мне было только в Алае. От фонтана с обелиском веяло прохладой, но мы прошли мимо – прямо к воротам.

Пока ребята с моста обсуждали меня со стражей дворца, от нечего делать я принялся считать, сколько раз проходил через эти огромные створки. Получилось семь, из которых три я даже посидел на троне. Неплохо.

– ... Утверждает, что он – Кай Энгельгардт.

– Я спрошу, – хмыкнули в ответ.

Прошло еще минут двадцать, пока меня не передали в руки другому конвою – уже королевскому, в красных плащах и с золотыми цепочками на груди. Коня вежливо попросили

оставить на улице. Похлопав Люцифера по шее, я направился за стражей в спасительную прохладу дворца.

– Тебе повезло, что владыка не занят, – вдруг сказал один из них. – Многие ждут неделями.

– Чувствую, я бы считал дни за решеткой, – пробормотал я.

Мы свернули на узкую лестницу, даже не достигнув основного зала, и начали подниматься, пока не вышли в отделанную зеленым бархатом комнату ожидания.

Владыка появился внезапно – поднявшись ровно с противоположной лестницы в сопровождении двух вампиров. Увидев меня, он нахмурил густые брови. Бледные губы сжались в тонкую линию, зеленые глаза смотрели внимательно. Новоиспеченный владыка был молод. Если бы вампир ослабил лицо, оно могло показаться добрым и даже симпатичным.

Прежде чем я открыл рот, мой охраняющий громко сказал:

– Этот кейнар называет себя Каем Энгельгардтом, ваше владычество. Паспорт это подтверждает, но точно неизвестно, откуда он у него.

Во взгляде владыки появилось сомнение:

– И зачем ты пришел?

– Чтобы ответить на ваши вопросы, сир, – вежливо поклонился я.

– Если ты действительно тот, кем себя называешь, то да:

у меня возникло много вопросов. Прошу, пройдемте.

Кинув торжествующий взгляд на охрану, я последовал за владыкой в комнату. Два стражника встали в углах. Позолоченная дверь захлопнулась.

Комнатой это помещение назвать сложно. Владыка присел на диван в небольшом круглом зале с витражным куполом вместо потолка. Здесь царил полумрак и прохлада, что хорошо действовало на нервы. В стенных нишах стояли мраморные статуи, изображающие воинов и богов. Пол был выложен мозаикой, изображая какое-то сражение.

Я сел за небольшой кофейный столик. Владыка сложил руки домиком и опер на них подбородок:

– Знаешь, почему я не сомневаюсь в правдивости твоих слов? – у владыки был зычный, громкий голос. – Я видел тебя. А у меня хорошая память на лица.

Я вздохнул с облегчением:

– Рад это слышать.

– Принесите нам кофе! – выкрикнул владыка, и один из стражников вышел. Увидев мой настороженный взгляд, правитель пояснил: – Можете не опасаться. У них нет языков. Но дерутся хорошо.

Кофе появилось неожиданно быстро. Отпив немного, Арактур усмехнулся и развел руками:

– У меня лишь один вопрос, Кай. Какого черта ты жив, сидишь сейчас здесь и пьешь мой кофе?

Стало интересно, откуда он взялся. На благородную кровь

владыка явно не похож. Манера разговора с бывшим террористом поражала.

Я рассказал ему историю про два клинка, один из которых растворился, а второй покоится на дне морском.

– Стало быть, ты больше не Темный кейнар?

– Самый обычный, ваше владычество. И не собираюсь далее причинять вреда Империи.

Взгляд вампира стал настороженным:

– На тебя было открыто большое государственное дело. Моя покойная тетушка посадила тебя в Касхат, но ты сбежал, и с тех пор числился в уголовном розыске. Пару раз тебя находили, но ты уничтожал отряды подчистую. После смерти дело закрыли, но тут ты являешься ко мне живой и здоровый. И что же мне сделать? Помиловать тебя, принять твои слова за истину? Или предать смертной казни? Как думаешь?

Я вежливо отставил чашку:

– На вашем месте я предпочел бы первое. Как вы поняли, убить меня насильственным способом теперь нельзя. А так, я просто не советую возобновлять дело, – я лучезарно улыбнулся: – Ничем хорошим лично для вас это не кончится.

Стражники в глазах напряглись.

– Не угрожайте мне, Кай, – тихо произнес Арактур, и после недолгого молчания добавил: – Это надо обсудить в Совете. Что я и сделаю.

– Когда он будет созван?

– Не раньше чем через неделю. Государственные дела – штука медленная, здесь требуется терпение. Скорее всего, твоя явка будет обязательна – чтобы подтвердить «невладение» пятой стихией, – владыка усмехнулся.

– А что насчет прав и имущества?

– Я пришлю нужных людей. Они оформят все на вас.

– Благодарю, сир.

Я собрался встать, но тут владыка спросил:

– Кай, ты знаешь, где сейчас Ищейки?

– Где?.. – мне не понравился тон вопроса.

Арактур выразительно топнул:

– В Черных Камнях. Прямо под сердцем Ардама.

Увидев мое лицо, владыка расхохотался. Мне было не до смеха. Черные Камни, вампирская тюрьма? Какой позор.

– И что же они там делают?

– Ищейки решили поохотиться в Ардаме, – безмятежно ответил владыка. – У них не получилось. Белена и обсидиан сделали свое.

Я нахмурился и неожиданно выдал:

– Я могу помочь. Договорится с ними на условия, которые вам выгодны.

Вампир заинтересованно привстал:

– Было бы неплохо. Я буду первым владыкой, который прекратит Охоты в Империи!

– А если беглец на вашей территории?

– А это так важно?

Теперь настал мой черед смеяться:

– Арактур, Орден Ищеек и его законы намного древнее, чем Вампирская Империя. Первые Ищейки устраивали Охоты еще до Раскола, около десяти тысяч лет назад. Один из первых законов предписывает, что на какой бы территории ни находилась Жертва, власти не вправе останавливать Охоту. Но, – я выразительно посмотрел на сникшего владыку. – Вы можете запретить массовые убийства и нанесение ущерба.

– То есть?

– Ищейки будут преследовать и убивать только Жертву, не трогая других жителей.

Арактур одобрительно покачал головой:

– Разумно. Этот вопрос также будет оглашен на Совете. Если собираешься навещать Ищеек, передай им. Хотя им все равно не выбраться из Черных Камней.

– Простите за наглость, сир. Я сидел там, и через три дня властям пришлось отстраивать новые Камни. Выпустите их. Также, если вы захотите уничтожить Ищеек как Орден, у вас ничего не выйдет. Ищейка рождается каждые пятьсот лет, поэтому рано или поздно Орден образуется снова, такое уже было. К тому же они – хранители равновесия, и сама Бездна, или как вам угодно, Вселенная, не позволит им исчезнуть.

Арактур хмыкнул. Он больше напоминал мне кабацкого мужика, чем владыку Империи.

– Подержите их до созыва Совета. А потом возьмите клятву и отпустите.

– Я подумаю.

– У меня есть просьба. О том, как я выжил, должно быть известно только вам. Сочините какую-нибудь сказку, чтобы именно ее писали в газетах. Истина должна оставаться в тайне.

Владыка кивнул:

– Если тебе так угодно, пожалуйста.

Я встал и поклонился:

– Я могу поговорить с Ищейками?

Он отпустил меня ленивым жестом:

– До встречи, мистер Энгельгардт.

Пока я спускался по темной лестнице вслед за стражником с фонарем, успел о многом подумать. Нынешний владыка отличался от Иштар лишь сговорчивостью и манерами. Где его откопали, непонятно. Хотя с ним у меня явно больше шансов выбраться из последствий жизни Ищейкой, чем с Иштар.

– Осторожно, здесь низкий потолок, – предупредил стражник.

Я пригнулся. Мы продолжали спускаться, и теперь я пожалел о куртке, которую оставил с Люцифером. Здесь было холодно, как в любом подземелье, и темно.

Черные Камни – это тюрьма с неприятной особенностью:

внутри располагался пыточный центр всей Империи. Все государственные изменники и шпионы проходили через подземелья Ардама. Но семьсот лет назад это не помешало мне выбраться отсюда. Тогда не существовало антимагических барьеров, никто не знал про обсидиан, черную белену и амулеты от внушения. Сейчас же все изменилось.

Спуск кончился. Стражник вручил мне фонарь и отправил в самый конец коридора. Огонь помогал слабо. Оставив его у предпоследней камеры, я встал в тень перед решеткой Ищек.

Мои бывшие собратья были прикованы к стенам, не в силах пошевелиться. Пропитанная беленой цепь с обсидиановыми звеньями, обвивала их шеи, руки, тела и ступни. Из темноты доносилась тихая ругань, болезненные стоны и звяканье цепей.

– Кто стоит в тени? – мрачно спросили оттуда.

– Я тоже рад тебя видеть, Оуэн.

Раздался удивленный вдох:

– Кай?! Ребята, там Кай!

– Что?.. – устало произнес Марк. В темноте сверкнули его глаза. – Ох, бездна...

– Но... как? Мы хоронили тебя!

– Почему я не чувствую твоей силы? – тихо спросил Джо.

– Я больше не с вами, – сухо ответил я.

– В каком смысле?

– В прямом. Я не Ищейка.

Повисло напряженное молчание. Взяв фонарь, я подошел к решетке и поднес огонь к лицу. Увидев голубые глаза, Оуэн выдохнул:

– Как?.. Бездна, Кай, что произошло?!

– Я не знаю. Я проснулся и понял, что не владею пятой стихией. Как и всеми остальными. Кроме воздуха.

– Что ж, – с обидой произнес Марк. – Поздравляю. Ты добился чего хотел.

Я проигнорировал его:

– Что вы здесь делаете? Кто теперь глава?

– Я, – мрачно отозвался Оуэн. – Из-за того, что нас только трое, нам сложнее выдерживать окружение. А новый владыка щедро спонсирует любые разработки против Ищейек. Присмотришься, Кай. У каждого солдата на шее амулет от внушения. Они придумали новые пули, похлеще, чем в Касхате. Все идет против нас. Ты пришел сюда, чтобы нас выпустить?

– Нет, – тихо ответил я. И буквально почувствовал, как напряглись их лица. – Но я договорился с владыкой. В ближайшую неделю он соберет Совет, на котором будем обсуждаться все мы.

И я коротко передал им условия договора. Ищейки долго молчали.

– Что-то мне подсказывает, Кай, – грустно ответил Оуэн. – Что ты был последним правителем *настоящего* Ордена. Ищейкам конец.

– Не говори так! – с ужасом оборвал я. – Через триста

лет родится новый Ищейка. Через триста пятьдесят он будет у нас. Потом появится пятый, а ты их поведешь, – кейнар покачал головой. – Оуэн! Орден не умрет!

Секунд пять мы смотрели друг другу в глаза. Ищейка, по ту сторону решетки, прожигая шею обсидиановыми звеньями. И я... непонятно кто. Освещая фонарем искаженное лицо. Свободный.

– Я выгашу вас отсюда, – прошептал я. – Как-нибудь.

– Ты нас так ненавидел, – протянул Джонатан. – А теперь хочешь помочь.

– Ищейки не умрут, – отчеканил я и ушел прочь.

Прочь из этого места. Прочь от этих существ.

Потому что разделял предчувствие Оуэна.

Я был последним правителем.

В Аскатрал я вернулся ближе к ночи. Даже не пришлось гадать, где находится Кори – я нашел девушку в библиотеке. Она сидела на полу, заваленная горой книг, сложив ноги по-восточному, и с интересом что-то читала.

Я кинул в нее пакетом сладостей. Кори вздрогнула, открыла его и удивленно воскликнула:

– Ого! Откуда?

– Скупил в пекарне за полцены, – подойдя, я сел рядом с девушкой и поцеловал. – Как учится?

– Я нашла нужное заклинание, – с улыбкой ответила она. – И теперь могу плюнуть на подготовку к сессии. А чтобы по-

практиковаться, – Кори порылась в груди и вытащила сборник «огненная стихия: боевые заклинания 6-ого уровня», – выучила наизусть эту книгу!

– Умница.

– А как дела у тебя?

– Новому владыке больше подошла бы роль матроса, чем короля, – Кори рассмеялась. – И как подобает всем морякам, он намного сговорчивее.

Я рассказал ей о визите к Арактуру и поделился сомнениями насчет Ищеек. На что Кори обняла меня и ответила:

– Не волнуйся так за них. Они уже большие мальчики. Как-нибудь справятся.

Я лишь нервно выдохнул. Сам не до конца понимал, почему меня так волнуют дела пятой стихии. Наверное, привычка.

– А сейчас... – Кори задумчиво провела по моей шее от ключицы до подбородка. – Мы пойдем кушать!

Я рассмеялся, перехватил ее руку и поцеловал кончики пальцев:

– Я ужасно голодный.

– А завтра поедем в человеческий мир!

– Кори...

– Да! Стены уже ждет тебя.

Я скривился, мысленно представив побоище, которое устроит лучшая подруга Кори. Девушка сказала, что она очень злится на меня за то, что я выключил ее в самый от-

ветственный момент. Как мне сейчас казалось, не зря.

Мы вкусно поужинали нежным мясом и салатом. Потом я спустился в погреб и достал бутылку лучшего авасаррского вина.

– Если я правильно посчитал, тебе уже есть двадцать один год, а значит, – я потряс бутылкой, – тебе можно.

– А тебе, если я правильно посчитала, – в тон ответила Кори, – две тысячи четыреста семьдесят...

– Ну?

– Шесть?..

– Нет! Пять.

Девушка вздохнула:

– Нормальные люди в этом возрасте спокойно спят в гробах, а не спаивают молодежь!

Я лишь усмехнулся, разливая вино.

Мне было хорошо. Около двенадцати ночи Кай решил спуститься за третьей бутылкой. Я осталась сидеть в гостиной. Удобно устроившись в мягком кресле, смотрела, как огонь потрескивает в камине. Горели свечи, отражаясь в стеклянных статуэтках на полках и лезвиях на стенах. Перед уходом Кай кинул какого-то порошка в камин, и теперь по комнате разлился теплый, хвойный запах. За панорамным окном царила тихая горная ночь. Даже ветер улегся, позволяя окунуться в уютную атмосферу покоя.

Ничто не предвещало беды. Из погреба раздался глухой

удар, звон и недовольный крик одновременно. Я вздохнула.

– Черт! Я так долго хранил ее... – ворчал кейнар, неловко выбравшись из подвала.

– Что там у тебя?

Когда Кай появился в поле зрения, я заметила, что он держится за левую руку.

– Я налетел на острый угол, разбил бутылку, и, кажется, растянул плечо.

– Дай посмотрю, чудище.

Я встала, подошла сзади и аккуратно потрогала. Кай зашипел.

– Значит, на сегодня достаточно, – ласково сказала я. – Наверху наверняка есть мазь. Пойдем.

Добравшись до его комнаты, я усадила кейнара на кровать, а сама полезла рыться в шкафах. Знаний керского хватило, чтобы найти баночку с надписью «от ушибов».

– Снимай футболку.

Взобравшись на кровать сзади, я взяла немного холодной мази и начала аккуратно втирать в плечо. Кожа становилась горячее. Недавно подброшенные дрова начинали разгораться, наполняя комнату теплом и светом. На единственном стуле висела запыленная куртка, в которой кейнар приехал.

А потом я заметила еще кое-что. И заморожено провела рукой от его шеи до поясицы.

– Что ты делаешь?.. – тихо спросил Кай.

– Твои шрамы... они исчезли.

Кожа в этих местах была гладкая, словно шелк, а небольшой пух между крыльями делал ее еще мягче.

– В смысле исчезли? Как?

Я медленно подняла руки к его затылку и провела по черным волосам:

– И на голове шрама тоже нет. Ты исцелился.

Поддавшись вперед, я прикоснулась губами к щеке кейнара и прошептала:

– Смерть вылечила тебя.

– Не только душу, но и тело... – изумленно добавил он.

Губы направились дальше, осторожно прокладывая дорогу через шею, плечи и лопатки, до самого основания крыльев. Впитывая запах его кожи, я нежно провела ладонями по перьям. Дыхание Кая участилось. Крылья кейнара играют большую роль в его жизни. В случае беды они могут стать тверже камня, но в повседневности это самая чувствительная, нежная и красивая его часть. Прикосновение чьих-то пальцев равносильно поцелую. А если встречаются два крыла, то весь спектр ощущений взрывается, оставляя сладостную дрожь во всем теле.

Продолжая массировать могучую спину, я осторожно прижалась к нему и поцеловала в макушку, ухо, снова в шею... Издав странный звук, Кай медленно повернулся, и обхватив за талию, посадил перед собой. Его ладони зарылись под кофту, поглаживая обнаженную спину. Губы кейнара нежно касались лба. Глаз. Щек. Губ. Вместе с руками

они двигались вниз, скользя по шее и ключицам.

– Я люблю тебя, – прошептал Кай, опускаясь вместе со мной на кровать.

Он легко стянул несчастные шорты и кофту, отбросив их в сторону. Вслед полетела его одежда.

Я растянулась на мягких подушках, откинув голову и распахнув крылья. Тут же каждой клеточкой почувствовала его теплые руки, вездесущие, скользящие по телу. Там, где они проходили, оно покрывалось мурашками от волн сладостной дрожи. Он ласкал губами шею, грудь, опускался по животу, мягко целуя ноги и пальцы...

Кейнару не требовалось разрешения. Он прочел его в моих глазах.

Кай был тяжелый, но сейчас я не чувствовала этого веса. Ощущая каждой клеточкой кожи каждую клеточку его, мне было плевать на такие мелочи. Я хотела только его. А он меня.

Ту ночь мы провели вместе. Шуршали по простыне крылья. Не было мира вокруг, только мы. Запах кожи. Только частое дыхание и тепло, одно на двоих. Смешались перья, белые и черные, смешались тела и пальцы, все смешалось. Бились в едином ритме сердца. И не было страшно.

Потому что между нами царило доверие. Полное и безоговорочное.

ГЛАВА 4

Солнечный луч зажегся на деревянном потолке и медленно направился вниз. Плавно перетекая по стенам, он спустился на шкаф и стул с пыльной курткой. Упал на давно потухшие свечи, подобрался к кровати и прыгнул в холодный камин, растворившись в миллионах других лучей. Они вырывались из панорамного окна, за которым пестрел субботний денек. Темно-зеленый склон с аскатральскими елями оставался в тени горного хребта, а его снежные пики сияли, как огромные белые прожектора.

Под одеялом было тепло. С улицы доносилось веселое щебетание местных птичек, а над ухом мирно сопел Кай. Уже проснувшись, я смотрела на выступающие ноги и пыталась понять, где заканчиваются ступни кейнара и начинаются мои. Даже пальцами пошевелила.

– Что ты делаешь... – вдруг пробормотал Кай. – Мне щекотно.

Осторожно выбравшись из-под его руки, я перевернулась на спину и потянулась. Хорошо! Два синих глаза глянули с безмятежностью и улыбнулись:

– Не верю, что жизнь может быть такой прекрасной.

– А ты посмотри на меня и поверь! – я кинула в него подушкой и села.

– Это ежедневный ритуал?.. – пробурчали оттуда.

– Вставай. Пора к Стени.

Кай застонал и повернулся на другой бок:

– Я не хочу вставать. Давай еще поваляемся.

Глянув на часы, я охнула:

– Уже двенадцать! Я никогда так поздно не вставала.

– Можешь поставить новый рекорд прямо сейчас...

– Кай!

Поднявшись, я натянула одежду и оглянулась на кинжалы.

Увидев это, кейнар улыбнулся:

– Не надо. Я встаю.

Рассмеявшись, я кинула в него штанами и вышла.

В Москве у меня действительно были дела. И самое волнительное и неприятное из них – разбить сердце моему однокурснику, сожителю и парню по совместительству.

Толя – обычный человек, милый, стеснительный и очень добрый меланхолик. Мы познакомились на первой паре в институте. Увидев мою кислую, ничего не выражающую мину, он сел рядом и спросил: «Все нормально?» Несмотря на собственную замкнутость, парень терпеть не мог, когда другим плохо или одиноко. Всеми силами Толя пытался вывести меня из многомесячной депрессии, причины которой даже не знал. Ему было все равно. Он таскал меня везде и всюду, терпел поражения, но не сдавался. И, в конце концов, ему удалось то, что не смогла даже Стени – я вернулась к жизни. Три долгих года мы учились, зубрили, веселились – все делали вместе... В результате я переехала к нему жить. И мы

стали еще ближе.

Я любила его, но больше как друга и хорошего человека. И не могла выразить свою бесконечную благодарность лучше, чем позволить ему любить себя, всецело и по-настоящему. Иногда казалось, что чувства взаимны. Тогда я на время забывала Кая, и жизнь становилась легче и ярче.

В день побега из института мы хотели сходить в кино. И Толя намекнул, что у него есть сюрприз.

С ужасом я догадывалась, что это.

И как все будет теперь, когда я притащу к его порогу Кая и скажу, что переезжаю? Я не хотела так с ним поступать. Это неправильно и жестоко. А что, рассказать правду? «Толя, извини, но все эти три года я обманывала тебя. Я любила другого, но он внезапно умер, а теперь воскрес. И вообще мы нелюди из иного мира»?! Сейчас, когда между мной и Каем все настолько серьезно, ситуация усложнилась. А тут выяснилось, что кейнар еще и ревнивый. Зная, как Кай решает проблемы, лучше вообще не возвращаться в Москву.

Но сессия и Стени не давали этого сделать.

Поэтому кейнар, счастливый до чертиков, сначала не понял моего подавленного состояния. Когда я все рассказала, максимально кратко и без подробностей, Кай задумался. И выдал ожидаемое:

– Я не понимаю, в чем проблема. Раз он обычный человек, внуши ему забыть ваши отношения.

– Да, не понимаешь, – сокрушенно ответила я. – Ты бы

стал так поступать с человеком, который, по сути, воскресил тебя?

– По-моему, это менее жестоко, чем объяснить ему все в лицо и развернуться.

Здесь Кай был прав.

Особо не задерживаясь, мы собрали вещи. У меня с собой был только телефон, а вот Кай пару минут стоял посреди комнаты, соображая, что взять. Он не знал, насколько едет, и что вообще будет делать в нашем мире. Через Башню мы телепортировались в вампирский городок, а оттуда на резервах Кая добрались до границы. Путь, который занял у меня часа четыре, мы преодолели за десять минут.

Москва встретила нас громадным и ярким солнцем, которое яростно светило с лазурного неба, словно отыгрываясь за годы облачного заключения. У меня отвисла челюсть. Кажалось, что деревья ожили, протянув зеленые листья к небу, птицы радостно щебетали. Вместе с погодой потеплел весь человеческий мир. Унылые многоэтажки теперь казались не такими уж страшными, а даже милыми.

– Кто-то говорил, что в ее городе нет солнца? – рассмеялся Кай, снимая куртку.

– Спрячь крылья, древность, – я зажмурилась от удовольствия. – И телепортируй нас к Стени.

Мы оставили коней пастись, а сами через мгновение оказались около дома подруги. Я уже и забыла, когда в Москве последний раз была такая погода. Люди в выходной день

вылезли из своих берлог, чтобы погреть носы на солнышке и вспомнить, что такое наступающее лето.

Я неслась к Стени чуть ли не вприпрыжку, и Кай все удерживал меня за локоть:

– Подожди! Куда так гонишь?

– Ты готов? – крикнула я, вихрем забежав в подъезд.

– К чему?..

Вместо ответа я нажала на дверной звонок.

Ждать пришлось недолго. Раздался громкий лай, затем щелчок. На пороге, в окружении двух питбулей, появилась черноволосая девушка 22 лет с пронзительными голубыми глазами. Радостно вскрикнув, она быстро обняла меня и увидела Кая.

Тонкие брови изогнулись. Стени медленно отстранилась и прошептала:

– Я не верю... – ей понадобилась секунда, чтобы отметить новый цвет глаз и седину, и крикнуть: – Жив, мерзавец! Жив! – она крепко обняла его смеясь. – Я думала, ты умер! А ты претворялся? Знаешь, урочище, ты чуть не загнал Кори в могилу, и меня заодно!

Внезапно Стени отошла и вlepила кейнару звонкую пощечину. Даже собаки затихли.

– За что?! – Кай с негодованием отступил, изумленно потирая краснеющую щеку. – Я ведь только...

– За то, что вырубил меня тогда, – строго ответила подруга.

Кай сначала не понял. Стени рассказывала, что в самый напряженный момент, перед тем как дать мне готовое лекарство, кейнар отключил ее. Очнулась Стени только через несколько часов, застав Кая при смерти.

– Что сделано, то сделано, – наконец, тихо ответил он. – Я не хотел, чтобы страдала еще и ты, если бы все вышло по-другому.

Она хмыкнула:

– Ты не хотел, чтобы я мешалась. В любом случае, – тут Стени улыбнулась и открыла дверь пошире: – Хоть ты и не извинился, я тебя прощаю. И всегда рада видеть в своем доме.

– С каких пор ты стала вежливой? – удивилась я, стягивая ботинки.

Подруга проигнорировала вопрос и бросила кейнару:

– Жду подробнейшую историю!

Кай пожал плечами и вошел.

Чуть позже мы сидели на кухне и пили лимонад ручной работы. Получалось у Стени кислотовато, но освежающе. Кай рассказал свою историю быстро, и теперь сидел, развалившись на стуле, и с опаской поглядывал на двух рычащих псов. Подруга безуспешно попыталась выудить хоть какие-то подробности, и моментально переключилась на волнующую меня тему.

– Ну и что ты будешь делать?

Спину кольнуло нервной иглой. Я глянула на телевизор,

зеленые шкафы и аккуратно сложенные кастрюли, пытаюсь отвести взгляд хоть куда-нибудь. Но кухня у подруги небольшая, поэтому вскоре я встретилась с морскими глазами Кая. И закусив губу, выдавила:

– Объясню все Толе.

– Почему бы просто не внушить забыть? – снова возразил Кай. – Как по мне, это самый щадящий способ!

– Полностью с ним согласна, – кивнула Стени.

– Потому что это подло! Получается, все эти три года я использовала его, как мягкую игрушку для успокоения, а потом повеселела и выкинула.

– Так и есть, – мягко ответила подруга. – И способ, каким ты донесешь ему об этом, ничего не изменит. Вопрос лишь в том, осознает он свою «использованность» или нет.

Я встала и подошла к окну. На детской площадке носились и верещали беззаботные дети.

– Где он сейчас?..

– Дома, наверное. После твоего побега Толя утешал себя тем, что ты плохо спала, а с утра выпила слишком много кофе. И у тебя галлюцинации. Вчера он ходил как лимон и ни с кем не разговаривал.

– Бедный парень, – протянул Кай, потягивая напиток через трубочку. – Хочешь, я с ним поговорю?

– Нет! – хором ответили мы со Стени.

Кай поднял руки в знаке «сдаюсь»:

– Ну, тогда я пошел.

– Стой! – крикнула я и осеклась. – Мне нужна твоя помощь. И Стени.

– Ну уж нет, – протянула подруга. – Я не собираюсь портить отношения с главным поставщиком знаний.

Кай озадаченно поднял брови. Я пояснила:

– Он единственный дает ей списывать.

Стени что-то напечатала в телефоне. И спустя минуту сказала:

– Толя дома. Вперед! Внуши парню, что три года ему приснились.

– Я не буду ему внушать что-либо, – с внезапной злостью процедила я и решительно направилась к двери. – Скажу все по существу.

Кай вздохнул, поднимаясь:

– Ты жестокая женщина, Кори. Мне уже страшно. Стени, спасибо за лимонад.

На что подруга ответила:

– Жизнь тебя ничему не научила. Иди давай. И позво-ни мне!

...Толя жил в одной из многочисленных новостроек Москвы, недалеко от института. В таких современных районах преимущественно стояли высотки, от которых у Кая кружилась голова и отвисала челюсть. Большие окна, развитая инфраструктура, зеленый парк под боком. Идеальное сочетание природы и технологий. Кейнар, увидев переливающегося на солнце стекло, даже на время забыл о гневной тираде

«как люди могут жить в бетонных коробках». Поднявшись на двадцать шестой этаж одного из таких домов, мы остановились напротив черной железной двери. Не дотянув руку до звонка, я застыла.

– Что такое? – мягко спросил Кай.

– Не знаю.

– Тогда нечего бояться, – выпалил он и сам нажал на звонок.

Я хотела дать Каю в рожу, но кейнар успел увернуться.

Дверь тут же открылась.

На пороге стоял высокий, складный и очень милый парень. Острые скулы с россыпью веснушек приподнялись, тонкие губы расплылись в счастливой улыбке.

– Кори!

Толя обнял меня, прижав к груди. Но увидев через плечо Кая, медленно отстранился.

Длинные ресницы хлопнули пару раз. Волосы цвета вафли потемнели и тут же посветлели. Секунду они стояли и рассматривали друг друга – серая бирюза и океанские глубины. Кай смотрел с интересом. Толя со смесью ужаса и недоумения.

– Кори, – наконец, выдавил он. – Рад тебя видеть. А это... Вдох. Выдох.

– Я тоже. Знакомься, это Леша.

Чисто из вежливости Кай протянул Толе руку. Парень осторожно пожал ее:

– Толя.

– Очень приятно, – промурлыкал кейнар.

Парень отшел, освобождая проход. Войдя в квартиру, которая успела стать мне родной, я невольно вздохнула. Здесь пахло давно не проветриваемым помещением и мужским дезодорантом. Отметила, что кровать не заправлена, желтые тарелки стояли горой в раковине, а листья герани на подоконнике начинали желтеть. Вот что значит исчезнуть из жизни мужика на два дня.

Отбросив ногой бумажку, я прошла на кухню двухкомнатной квартиры и открыла окно.

– Ты ее брат, о котором я не знаю? – раздался настороженный голос Толи из прихожей.

– Нет. Говоря по-вашему, я ее парень, – весело ответил Кай и появился в поле зрения. – Толян, у тебя есть что погрызть? Я ужасно голодный.

– Не понял...

– В ящике есть хлопья, – тихо ответила я и серьезно посмотрела на кейнара: – И без выкрутасов. Мы поговорим наедине.

Кай кивнул и принялся открывать шкафы:

– Зови, если что.

Я вышла к Толе, который стоял, словно потерянный. Кивнув на спальню, закрыла за нами дверь и уселась на кровать.

– Что за дела? – он оперся на подоконник, сложив на груди руки. – Куда ты исчезла? И кто этот Леша? Что происходит

вообще?!

Я вздохнула и рассеянно передвинула фишку на шахматной доске, одиноко стоящей на кровати:

– Послушай меня. Слушай внимательно и не перебивай.

– Я слушаю.

– Еще давно ты вывел меня из глубочайшей депрессии, от которой я бы загнулась. Ты так яростно преследовал эту цель, что даже не задавался вопросом о причине. Точнее, задавался, но не требовал с меня ответа. Ни тогда, ни год спустя, ни сейчас. Причина – этот парень на кухне. Леша.

Веснушки удивленно приподнялись:

– Так это из-за него ты убивалась столько...

– Послушай. Я любила его очень долго, еще до тебя и до института... А потом он внезапно пропал. Просто взял и исчез. Был человек, и нет человека. Его искала полиция, родственники, все мы. Безуспешно. Если бы ты знал, как я переживала. Когда поиски прекратили, я рвала и метала. Пыталась сделать все, что в моих силах. Но... В результате, шесть месяцев спустя, мы смирились с тем, что он погиб. Где и как, без понятия. Мы похоронили его мысленно и отпустили.

Я сжала кусочек простыни и подняла глаза на Толю. Парень стоял и смотрел в никуда.

– Но я так и не смогла до конца его отпустить. Старалась жить дальше, поступила в институт. Встретила тебя. И ты мне помог, ты, по сути, воскресил меня, понимаешь? Я сми-

рилась, я отпустила Лешу и все, что с ним связано. Я жила дальше, с тобой, и смотрела не в прошлое, а в будущее. *Наше* будущее.

– И тут он объявился так же внезапно, как и исчез.

– Да. Два дня назад. Поэтому я убежала. И теперь не знаю, что делать. Я любила его и успела полюбить тебя.

– Его, видимо, сильнее, – мрачно заключил Толя, поправив мятую футболку. – Иначе сейчас ты говорила бы с ним, а не со мной.

С кухни доносился выразительный хруст и посвистывание.

– С ним я уже поговорила.

– Он слишком довольный для человека после серьезного разговора.

Толя мрачнел с каждой секундой. Руки на груди сжались еще сильнее, казалось, он скоро завяжет их в узел. Парень молчал. Только смотрел на меня обвиняющим взглядом серо-бирюзовых глаз.

Я попыталась взять себя в руки и говорить спокойно:

– Толя. Я тебя понимаю. Я слишком...

– Нет, не понимаешь! – с внезапным отчаянием крикнул он и поддался вперед.

– А что я должна понимать?! Я не знаю, что делать! Я люблю вас обоих, но тебя больше из благодарности, как друга и хорошего человека... – после этих слов в Толе что-то обрвалось. – Понимаю, прежних отношений между нами быть

не может. Но я не хочу терять такого человека, как ты! Ты хороший, ты просто... не представляешь, как я благодарна. Ты слишком ценен для меня. Сейчас не так много действительно верных и настоящих друзей, чтобы разбрасываться ими. Я не хочу ломать тебе жизнь, но и наши отношения тоже.

«Если бы у нас был конкурс „убей человека словом“», я дал бы тебе первое место», – задумчиво прозвучало в голове.

Толя отвернулся к окну. В рассеянном дневном свете я видела, как трясутся его плечи.

– Я думал, – тихо, без эмоций ответил парень, – что в моей жизни наконец-то появилось счастье. Что я нашел свою нишу, своих людей и свой дом. Все уладилось, и больше не в чем сомневаться. Я верил. Правда, верил в тебя и в нас. И решился.

Тут он развернулся, вынул что-то из кармана и кинул под ноги.

Футляр. Красный бархатный футляр. Кольцо из него вылетело и закатилось под шкаф.

– Но я не предполагал, что у тебя двойное дно, Кори, – дрожащим голосом закончил Толя и с треском наступил на маленькую коробочку.

Хруст на кухне внезапно стих.

Минуту мы стояли и смотрели друг на друга. Мысли превратились в бомбу замедленного действия. Я чувствовала себя последней сволочью. Он хотел сделать мне предложение.

Толя настолько верил в меня и не сомневался, что решился на такой ответственный шаг. Вышла бы я за него, если бы Кай не ожил? Скорее всего. Не сразу, но в конечном счете...

Я хотела сказать хоть что-нибудь. Ощущение вины стремительно накрывало мозг своей плотной тенью. Но слова не слетали с языка. Молчание становилось невыносимым.

И тогда, стоя посреди комнаты и как рыба открывая и закрывая рот, я разлилась. Чего он ожидает, что я кинусь на колени и стану вымаливать прощение? Если бы Толя оказался в такой ситуации, что бы он сделал? Как поступил бы Кай, если бы в разгар отношений с Мари внезапно ожила Фредерика? У них не хватит воображения представить. А я должна вылизывать их ботинки, пока они стоят и дуются, как обиженные барышни.

«Слишком громко думаешь»

– Ты переезжаешь к нему? – неожиданно спросил Толя.

В его голосе звучала такая горечь, что в горле образовался ком.

– Да, – я не смотрела в его сторону.

– Твои сумки там, я принес. Чемодан в шкафу... – он стремительно направился к выходу. – Не буду тебе мешать.

В последний момент я обернулась и выпалила:

– Мы останемся друзьями?

После долгого, напряженного взгляда Толя ответил:

– Я не против.

Через минуту раздалось удивленное «куда ты?», и сухое

«в магазин». Входная дверь захлопнулась. Стало тихо.

Я сползла на пол и осталась сидеть, прислонившись к кровати и спрятав лицо в ладонях. Кай тихо зашел и опустился рядом. Мягкие черные перья зашуршали, накрыв плечи и спину.

– Ты как?..

Я уткнулась в кейнара, вцепившись в рубашку. Ком в горле стал невыносимым. Голос предательски дрожал:

– Он хотел сделать мне предложение. Я сломала Толе жизнь.

– Это было необходимо, – мягкий гудящий бас действовал успокаивающе. – Ты разрешила веревку, и теперь свободна. Как птица.

Я усмехнулась, одновременно шмыгнув:

– Нет. Я лишь была привязана к одной клетке. А теперь к другой.

Кай задумался и не нашел что ответить. Мы сидели и смотрели, как солнечный свет проходит через тюль и рассеивается по комнате. Слезы так и не вышли. Шмыгнув пару раз, я заставила свою размытую сущность собраться. И подняв юбки, идти дальше.

В полной тишине я сложила вещи. Кай бродил по квартире, глубоко задумавшись. Я оставила только общие фотографии и пару вещей, принадлежащих нам обоим. А потом сунула в чемодан одну картинку. Там мы прыгали на фоне института. Счастливые и беззаботные.

Мы ушли раньше, чем Толя вернулся. Положив свои ключи на тумбочку, я оставила дверь не запертой. Теперь квартира казалась опустевшей и грустной. И, несмотря на теплые тона и веселый декор, выглядела как келья монаха.

Но я не думала, что квартира Кая, которую он прикупил три года назад, будет выглядеть еще хуже. Кейнар обстроился ровно на противоположном конце города. Когда мы телепортировались туда, не выходя из подъезда Толи, я вспомнила об одной вещи. Но Кай заметил ее раньше.

– Где моя машина?

Пока я затаскивала объемный чемодан в пыльную, забитую на три года обитель кейнара, он смотрел в окно на двор и припаркованные автомобили.

– Кори?

Я притворилась, что не услышала. Квартира Кая была больше и просторнее той, в которой я жила. Три комнаты, просторная кухня, соединенная через арку с гостиной и панорамным окном (ну как Кай и без панорамного окна). Из одной комнаты выходил открытый балкон со столиком и растениями. Правда, цветочки давно засохли, земля превратилась в нечто непробиваемое, да и состояние комнат и кухни оставляло желать лучшего. В одну из них, которая являлась кабинетом кейнара, я решила вообще не заглядывать. Оставила чемодан в спальне, выложила гору книг и учебников в третьей комнате, которую тут же нарекла «сво-

им кабинетом»...

– Кори!

– Ась?

– Где моя машина?!

Выйдя в гостиную, где Кай безуспешно высматривал свою Ламборгини, я как можно спокойнее ответила:

– Ее угнали.

Ответом послужил долгий, обещающих всех земных и неземных мучений взгляд. Я развела руки:

– А что делать? Мне проблем и так хватало! К тому же зачем мертвому машина?

– Я не мертвый.

– Успокойся.

– Она дорогая!

– Я в курсе, – приподняв и опустив кастрюлю, добавила: – У меня был шанс ознакомиться с твоей неисчерпаемой казной.

– Мне нужна машина, – процедил кейнар сквозь зубы и продолжил спокойнее: – Понимаешь, мои способности, они... уменьшились. В несколько раз. И телепортация с каждым днем сходит на нет.

Я озадаченно рассматривала содержимое кухонных шкафов. И вскоре поняла, что та кастрюля – единственная в этом доме.

– Телепортация? Но это же не стихийная магия?

– Нет, – кейнар отошел от окна и опустился на диван: –

Но сейчас я чувствую себя выжатым, как лимон. Словно не два раза телепортировался, а десять.

– Странно... – захлопнув пустые шкафы, я повернулась к Каю. – Но это не должно помешать тебе взять тряпку и все убрать. А я пока схожу в магазин. Здесь симпатично, но больше напоминает выставочную комнату в мебельном.

– Я провел тут не так уж много времени, – пробормотал кейнар и неожиданно спросил: – Кори, а Хатон... он вообще жив?

Я уже надевала кроссовки. И замерла на секунду:

– Последний раз я видела его на твоих похоронах в Аска-трале. Выглядел он не очень, но вполне живым.

Кай застонал.

– Пожалуйся тряпкам, швабре и воде. А я в магазин. Уда-чи.

ГЛАВА 5

Когда он выходил из метро, на город только опускались сумерки. Летом темнеет поздно. Настойчивые звезды уже пробивались сквозь красно-фиолетовую завесу исчезающего заката. Они блестели, словно смутные брильянты. Капли росы на траве. Или слезы на темных щеках ночи.

Растолкав пешеходов, он перебежал дорогу на красный и завернул в переулок. Люди оглядывались, но большинство не обращало внимания, спеша домой. К родным. Парень думал, у него тоже будет семья. Небольшая, но будет. Мечтать не вредно.

Теплый летний ветер трепал волосы. Натянув капюшон черной толстовки, он уходил прочь от шума перекрестка, пронзительных гудков машин, толпы и запаха выхлопных газов. Парень завернул в сквер, где о людях напоминали лишь пустые лавочки. Студента-хирурга никто не замечал. Он был невидимым благодаря уникальной способности не отличаться от серой массы большого города.

Прошла уже неделя их разрыва с Кори. Где она теперь жила, он не хотел знать. Парень каждый день видел ее на парах в институте, но теперь они не сидели рядом и не бежали в кофейню на коротких перерывах. Не зубрили там лекцию и не гуляли потом в парке, оживленно болтая на разные темы. Кори общалась со всеми, кроме него, перебрасываясь

лишь парой фраз об учебе. А после либо уезжала со Стени, либо ее забирал этот свалившийся с небес Леша. Толя хмыкнул, минуя очередную пустую лавку. Леша. Такому человеку совершенно не подходит это имя.

Он прошел мимо своего поворота. Возвращаться домой не хотелось. После отъезда Кори квартира стала мрачной и пустой, как и жизнь парня. Из нее исчезло всякое подобие света и яркой, манящей теплоты и размеренности. Толя не знал, куда пристроить его тщетно разрывающуюся душу. Он с головой отдавал себя тупой непробиваемой учебе. И сигаретам.

...Подняв глаза, Толя внезапно понял, что прошел дальше, чем планировал. Закат догорал за высотками, зажигались окна и фонари. Остановившись, парень развернулся и решил пойти домой по другой улице.

Прежде чем сделать шаг, он увидел знакомую фигуру. Из переулка вылетел мужчина, и в свете фонаря Толя узнал лицо. Конечно же. Леша.

Что-то в его действиях насторожило парня. Он шел прямо, не оборачиваясь, а потом снова резко свернул. Толя решил последовать за ним и осторожно повернул туда же.

Судя по тому, как Леша всматривался в вывески домов, он не ориентировался в городе. А Толя жил в этом районе двадцать два года и знал каждый переулок. Держась в тени, парень шел за Лешей. Не то зависть и обида, или просто первобытное любопытство заставили его идти дальше. Свора-

чивать там же, где сворачивал он, останавливаться и продолжать путь. Складывалось впечатление, что Леша не знал дороги и шел по интуиции. Один раз он остановился. И замер на минуты три, к чему-то прислушиваясь.

Толя понимал, что Леша ходит по кругу. Через двадцать минут такого блуждания парень хотел бросить затею и пойти домой, но...

Леша внезапно остановился. Странно поведя плечами, выдвинул и отвел их, будто делая зарядку. Парень тут же нырнул за стенку подъезда, прекрасно видя и слыша происходящее. Нутром Толя чувствовал что-то неопознанное и странное, и оно тянуло его.

В тени следующего фонаря стоял человек, также неподвижно рассматривая Лешу.

Опустив плечи, он прихрамывая медленно вышел на свет. Костлявая, худощавая фигура в зашитой кожаной куртке дышала болезнью. Из-под капюшона спадала выцветшая красная прядь.

– Привет, братец, – удивленно и одновременно грустно прозвучал хриплый голос. Незнакомец оглядел Лешу с головы до ног, словно призрака.

Братец? Они братья?

– Здравствуй, Хатон, – холодно ответил Леша. Ну и имя...

– Да, здоровья не помешает, – Хатон кашлянул. – До меня дошел слухок, что некий Кай Энгельгардт восстал из мертвых. Я не поверил.

Леша стоял спиной, но Толе показалось, что он улыбнулся:

– Зря. Как видишь, я здесь, перед тобой.

– Вижу. Но... как? Я видел твой труп. Ты не дышал три года, Кай, объясни, *почему* ты дышишь сейчас?

В голосе Хатона проскользнула обида. Толя окончательно запутался. Почему брат Леша называет его «Кай»?

– А ты расстроен?

Хатон молчал. Леша-Кай странно усмехнулся и медленно обошел вокруг брата, рассматривая его, как статую. Свет упал на суровое лицо, искаженное каким-то злобным торжеством. Толя испугался. – Откинь капюшон, – глаза Леша лихорадочно блеснули в темноте.

Сжав зубы, Хатон сделал то, что просили.

Парень сглотнул и прислонился к стенке подъезда. Потом выдохнул и снова выглянул.

Янтарные глаза неестественно горели, буравя брата со смесью ярости и отчаяния. Вся правая половина лица Хатона напоминала огромный рубец или жуткий ожог. Начинаясь еще в волосах, серо-землистая кожа бугрилась через бровь, задевала глаз, делая его тусклее, огибала синие губы и подбородок, уходя по шее под куртку... Создавалось ощущение, что на тебя смотрят две половины: одна нормальная, а другая окаменелая. Хатон приподнял футболку, обнажив часть серого живота. Вытянул на свет «окаменевшие» пальцы правой руки.

– Я наполовину мертв, да? – прошептал он.

Леша-Кай отошел на шаг. Затем приблизился, рассмотрев лицо брата, и тихо ответил:

– Я не думал, что может быть такой эффект...

– Какой к бездне эффект?! – неожиданно вспыхнул Хатон и отшатнулся, чуть не упав. – Ты убил меня наполовину, ублюдок! Ты... – отдышавшись, он продолжил спокойнее: – После твоей смерти я потерял смысл. Понимаешь, раньше я мог жить десятилетиями, даже не вспоминая о тебе. Просто мысль о твоих будущих страданиях грела, а вынашивание плана мести... оно давало силы жить. А когда я добился своего, все исчезло. – «Да он одержим», – подумал Толя. – Еще эта болезнь! Я хромаю. Не чувствую пальцев и того, к чему прикасаюсь. Для меня холодный камень и кожа девушки одинаковы. Я не чувствую лица, один глаз плохо видит. Ты убил меня наполовину, Кай. *Это* я чувствую.

Толя решил, что Лешу все-таки зовут Кай. От слов Хатона по спине парня пробежал холод. Медленно доходила мысль, что надо предупредить Кори. Срочно. Леша явно не тот, за кого себя выдает.

– Я не могу так, – выдавил Хатон, подняв глаза на брата. В них промелькнуло подобие издевательской усмешки. – Я чувствую себя калекой. Инвалидом без смысла жизни, спасибо тебе, дорогой. Существование на пятьдесят процентов меня не устраивает.

– Что ты от *меня* хочешь? – недоуменно спросил Кай.

Его брат замялся. Толя видел, как несвойственно и трудно ему говорить такое.

– Узнав, что ты жив... Я приехал. Сюда. В надежде, что ты закончишь... начатое.

Повисло удивленное молчание.

– Пятой стихией?

Хатон кивнул. Кай стоял не шевелясь. Затем повернулся и выдохнул.

– Вот уж чего я не ожидал, что ты когда-нибудь приползешь ко мне с просьбой о смерти. Где твой клинок? Почему именно стихия?

Толе показалось, что Хатон зашипел.

– Я не знаю, где он. Уже лет триста.

Теперь замялся Кай. Когда он вдруг оглянулся, Толя чуть не умер на месте. И больше не высовываясь, только слушал.

– Хатон... Я не владею пятой стихией. Я не Ищейка.

Парень не видел, но красочно представлял, как округлились глаза Хатона. Он издал невнятный звук, похожий на карканье.

– Ты можешь обратиться к остальным, когда они... – неуверенно продолжил Кай, но брат перебил:

– В бездну остальных. В бездну тебя. Ты не просто снес мою голову с катушек, ты отказал мне даже в смерти.

– Хатон, я не могу!

– Смог, если бы захотел.

Кай что-то прорычал. Повисла тишина. Затем вздох и звук

удаляющихся шагов. Толя выглянул и увидел, как Хатон уходит в темноту, натягивая капюшон.

– Ну и куда ты пойдешь? – крикнул брат вслед.

Хатон остановился на секунду:

– Поищу нашу мать. Кто-то должен знать, где лежат ее останки.

Больше Толя не слушал. Тихо проскользнув на соседнюю улицу, парень бросился домой. Ощущение, что он узнал что-то, чего не следовало знать, здорово пугало и угнетало. Почему у них такие странные имена? Что за «стихии», просьбы об убийстве, почему они измеряют свою жизнь десятилетиями и сотнями, хотя обоим не больше тридцати?

Но сильнее всего его пугал Кай. Что, ЧТО надо сделать с человеком, чтобы у него остался такой шрам?! Он явно не тот жизнерадостный тихоня, который забирает Кори после пар.

Надо срочно предупредить ее. Если Толя однажды найдет ее убитой, то не простит.

ГЛАВА 6

Последняя неделя выдалась по-настоящему летней, с теплой погодой и солнечным настроением. Узнав заклинание, помогающее быстро запоминать материал, я перестала воспринимать сессию как угрозу. Жизнь с Каем казалась раем, где не надо скрывать, кто ты есть, и можно свободно любить, не заботясь каждый день о последствиях. За семь дней я успела сделать из «выставочной комнаты» уютную и обжитую квартиру. Кейнар пару раз мотался в Ардам, улаживая дела с владыкой и своими шахтами, а я готовилась к экзаменам.

В перерывах, долгих и не очень, мы гуляли по центру, паркам и всяким живописным местечкам. Кай обожал фестивали, и за неделю мы посетили целых три, благо в Москве их предостаточно. Но любимым нашим занятием оставались романтические посиделки на крышах. Или на берегу реки рядом с домом. Складывалось впечатление, что за одну эту неделю я отдохнула душой больше, чем за последние лет десять.

Поэтому неожиданное вторжение Хатона в нашу жизнь оказалось некстати. От слова совсем.

Вчера, разобравшись с очередными бумагами, Кай вышел из кабинета, налил себе кофе и, счастливый, отправился на балкон. Вышел он оттуда с таким лицом, будто его сно-

ва посадили в Касхат. С кейнаром мысленно связался Хатон с просьбой встретиться вечером и мирно поговорить.

Я отпустила его одного только потому, что меня задержали в институте. Когда я пришла домой, Кай уже ушел.

Он вернулся через час, со смесью удивления и смятения на лице. Услышав подробности их разговора, я чуть не упала со стула. И как бы это гнусно ни звучало, мне стало жаль Хатона. За три года я успела значительно углубиться в медицину и жизненную философию врачей, и небольшая часть сознания воспринимала Хатона не как врага народа, а как психически больного, который недавно вылез из больницы и теперь понятия не имеет, что ему делать в этом мире. Кай даже не знал, что думать – настолько неожиданным оказалось поведение и цели брата.

К девяти часам следующего утра я приехала в институт как раз к началу лекции. Подруга что-то оживленно писала в телефоне. Увидев меня, мельком кивнула и сдвинула сумку в сторону. Непобедимая стратегия Стени в отношении мужского пола не изменилась – очаровать, выжать из человека все, что можно, набраться опыта... и если привязанность оставалась не очень сильной – бросить и идти дальше. Я искреннее сочувствовала всем, кому показалась симпатичной эта девушка.

Профессор уже пришел, и сейчас болтал с другими студентами, подготавливая материал. Лекция начиналась с минуты на минуту. Стени оторвалась от телефона и оглядела

аудиторию:

– Что-то нашего брошенного не видно. Он обычно приходит рано.

– Толя *всегда* приходит рано, – задумчиво пробормотала я и открыла тетрадь.

В голове медленно выстраивались логические цепочки. Вспоминая материал, я на секунду отключилась от внешнего мира. Только нестройный гул голосов, запах бумаги, щелканье ручек...

В эту секунду двери шумно распахнулись. Я вскинула голову. В аудиторию ворвался Толя. Перескакивая через три ступеньки, он взбежал по лестнице на наш ряд и целенаправленно зашагал ко мне, протискиваясь через коленки одногруппников. Стени медленно отложила телефон:

– Он что-то знает, – шепнула она и расплылась в счастливой улыбке: – Какие люди! Давно я не видела тебя таким бодрым, что случилось?

Подруга не дала Толе сесть рядом со мной. Он вынужденно опустился на скамью и шумно втянул воздух. Парень явно нервничал. Вафельные волосы растрепались во все стороны, огромные глаза странно блестели. Толя посмотрел на меня в упор и тут же отвел взгляд. Я напряглась. Потом глянул снова, увереннее:

– Кори.

– Да?

Между нами сидела Стени. Она жестом подбодрила его.

И здесь преподаватель зычно объявил о начале лекции. Парень тут же поднялся и сел на свое место в другом конце аудитории.

– Что-то мне это не нравится, – вздохнула я и взялась за ручку.

Следующие полтора часа довольно интересной лекции по общей хирургии я периодически поглядывала на Толю. Он сидел как на иголках, постоянно чесался и что-то нервно строчил. Не знаю, как он выдержал лекцию. Когда профессор махнул рукой и пробубнил что-то вроде «а теперь исчезните», Толя пошел к выходу и подозвал меня.

Стени кивнула, что будет рядом. Втроем мы отошли в относительно тихий угол, где Толя развернулся ко мне и прямо спросил:

– Кто такой Леша?

Приехали.

– Мой парень, – недоуменно ответила я.

– Нет. *Кто* он такой?

– А кем он должен быть? Отряд приматы, семейство гоминиды, вид человек разумный. Что ты от меня хочешь? Могу тебе описать...

– Я знаю, что его настоящее имя – Кай, – тихо произнес Толя.

Стени охнула. Я заткнулась, отчаянно вспоминая, когда проговорила. На лице парня появилось подобие удовлетворения.

– Я видел его вчера, – спокойно продолжил он, – пока шел домой. Кай встречался со своим братом, каким-то жутким одержимым типом. Он утверждал, что уже наполовину умер и молил о смерти от какой-то «стихии». Хатн, Хатан...

– Хатон, – подсказала Стени и обернулась ко мне: – Он здесь?

– Я не успела тебе рассказать, – мрачно ответила я.

– Меня испугало не ощущение, что он сбежал из психушки, – в голосе Толи снова появилась нервозность. – А то, что твой Леша-Кай с ним сделал. Кори, я не знаю, как простой человек может совершить такое. Сам факт, что он кого-то почти убил, сознательно, это, это... Ты вообще знаешь?! Он опасен, Кори! Ты понимаешь это?! Осознаешь, с кем ты спишь по ночам?

Черт, черт, черт!

– Толя, успокойся.

– Я просто волнуюсь за тебя, – выдавил он. – То, что я видел, это... чудовищно.

Мы со Стени переглянулись. Теперь Толе стоило больше волноваться за себя, чем за меня.

Я хорошо его знала. Как и то, что он не успокоится, пока не поймет все. Толя не будет спать ночами, он поедет в другой город, пойдет работать, чтобы накопить на билет в другую страну, он уьется, но узнает, что его интересует. Парню сильно не повезло оказаться вчера свидетелем встречи кейнаров. Он ступил на опасную тропу, и намерен идти дальше.

До конца.

Я смотрела на подругу. Ее взгляд говорил: «Внуши ему забыть все. Сейчас. Пока не поздно».

Пока не поздно.

– Встретимся в восемь у тебя, – вдруг ляпнула я. – Надо кое-что тебе рассказать.

– Кори! – гневно воскликнула Стени.

– Я чего-то не знаю? – настороженно спросил Толя.

– Ты многого не знаешь, – тихо ответила я.

И потянув за собой подругу, ушла.

Около семи часов вечера, когда солнце неспешно поползло к горизонту, я зашел в знакомый подъезд и поднялся на двадцать шестой этаж. Несколько движений – и замок в черной железной двери щелкнул и открылся. Толкнув ее, я уверенно зашел в двухкомнатную студенческую квартиру и тут же поморщился.

– Приятель, иногда стирать носки бывает полезным... – пробормотал я и закрыл дверь изнутри.

Аккуратно переступая через завалы книг, одежды и ошметков еды, пробрался в небольшую кухню. Увидев кофеварку, тут же ее включил и проверил на наличие зерна.

Если Толя думает, что его никто не заметил, то он жестоко ошибается. Даже Хатон со своим синдромом неполноценности его увидел. Какая может быть слежка, если шпион даже не заботится, видно его или нет? Безусловно, я чувствовал

присутствие парня за спиной, но когда Хатон шепнул: «там какой-то тип уже минут десять стоит у двери и не шевелится», еле сдержал смех.

Найдя в груде посуды чашку (пришлось хорошенько ее помыть), я налил себе кофе и вышел на открытый балкон. Внизу верещали на детской площадке дети, сверху плавали розовые облака. О том, что Кори назначила ему встречу, я тоже знал. Поэтому пришел заранее.

Дорогой гость ворвался в квартиру неожиданно. Послышался резкий поворот ключа, затем ругань, когда Толя споткнулся о книгу. Торопливо подняв, он с грохотом запихнул ее в шкаф, как и десятки других учебников. Захлопали ящики комодов, куда Толя прятал одежду. Немытая посуда отправилась в холодильник, еда в мусор, мусор под раковину. Через десять минут повисла тишина. Не сомневаюсь, что при Кори здесь царил идеальный порядок.

Я стоял за стенкой, медленно попивая кислый кофе. В отличие от хозяина квартиры, я позаботился, чтобы меня не было видно, а тень падала на стену дома, а не пол кухни. Нервный вздох. Заработала кофемашина. Пахнуло дымом дешевых сигарет.

Толя вышел на балкон, убирая зажигалку в карман свободных джинсов... но не донеся, увидел меня и вскрикнул, отпрыгнув на ограду. Кружка полетела на пол, стекло под ноги, кофе на детскую площадку, а зажигалка в облака.

– Ты что здесь делаешь?! – закричал парень, пытаясь от-

дышаться.

– Пью кофе, – невозмутимо ответил я. – По правде сказать, он ужасен.

Взлохмаченный, с бешеными вращающимися глазами Толя выглядел так, будто при нем взорвался динамит:

– Что за... Как ты сюда попал вообще?!

– Точно так же, как и ты вчера на улицу Новаторов. Не припоминаешь?

Услышав это, Толя смолк. Ладони стали влажными, в глазах помимо бешенства промелькнул страх.

– Подглядывать нехорошо, – я покачал головой и вылил остатки кофе за ограду. – Как ты это пьешь...

И вручив парню пустую кружку, отправился на кухню.

– Как мне тебя называть? – прозвучало вслед. – Ты ведь не Леша, так?

– Алексей Соколов, Андрей Иванович, Людовик XIV, Ван Гог, Шурик, Мурзик – как тебе нравится.

– Хватит прикалываться, – раздраженно ответил Толя, не сдвинувшись с места, и осторожно добавил: – Кай.

Я сохранял молчание. Оставаясь на безопасном расстоянии, парень ткнул в мою сторону сигаретой:

– Что ты сделал со своим братом?

– То, что ты слышал.

– Как можно убить человека наполовину? Это какой-то вид радиации?

Поиски нормального зерна не увенчались успехом. Я

вздохнул.

– Можно и так сказать.

– А-а-а, я понял. Это ваша «стихия»? Вы называете «стихией» радиацию? Так

что с твоим братом? Лучевая болезнь?

– У тебя есть нормальный кофе?

– Что с твоим братом?!

– У тебя. Есть. Кофе?

Не вопрос. Внушение. Толя тут же ответил:

– У меня хороший кофе. Стоп, я не это хотел сказать. Что...

– Твой кофе ужасен. Где ты вообще нашел эту дрянь?

Толя взмахнул руками:

– Я не это хотел сказать!

– Меня не колышет, что ты хотел сказать! – зарычал я, сосредоточился и перенес из квартиры пачку хорошего зерна.

Повисла тишина. Толя смотрел то на меня, то на пакет.

– Откуда это?..

– Купил.

Парень сначала зажмурился. Открыл глаза, моргнул. Брови успели описать дугу от носа до лба и вернуться на место. Его и без того большие глаза превратились в два бирюзовых шара:

– Ты что... это... ЧЕГО?!

Тут он кинул сигарету на пол и бросился ко мне. Я успел увернуться, и парень налетел на стол. Увидев первое попав-

шееся оружие – поварешку – он выставил ее, как саблю, перед моим носом, и истерично закричал:

– Как ты это сделал?! Что ты сейчас сделал со мной, а потом с пачкой?! Кто ты вообще?! – на каждом предложении он поддавался вперед. – Не-е-ет, я знаю, кто вы. Ты и твой брат. Вы из такой засекреченной лаборатории, где на людях ставят эксперименты, да? Вкальывают наркоту всякую, мутации появляются, да? Волшебство там, магия, и прочие хрени, я прав? Я прав или нет?! ОТВЕЧАЙ!

Я медленно отвел поварешку от лица и мягко, стараясь не делать резких движений, ответил:

– Нет, малыш. Ты неправ.

– Я тебе не малыш, – прошипел Толя.

– Для меня все люди бестолковые дети. Ты в их числе, – и отойдя на шаг, усмехнулся: – Я все видел, парень, и знаю, что Кори назначила здесь встречу. Она хотела тебе кое-что рассказать, хотя я предпочел бы, чтобы тебе внушили все забыть. Я могу сделать это прямо сейчас, но не стану. А знаешь почему? Потому что Кори любит тебя, недоразвитого опарыша, как человека. И ценит. Не разочаровывай меня, чтобы я не сомневался, что ты достоин этих чувств.

Похоже, он понял, что в любой момент может стать трупом. И притих.

– И вообще, сделай нормальный кофе, – я бросил ему пакет.

Схватив его, Толя запротестовал:

– Ты мне кто, папочка, чтоб я выполнял каждое твое желание? Не буду я ничего...

Движение пальцем, и Толя развернулся к кофеварке.

– Еще как будешь. И свари его как положено, а не в этой тарихтелке.

Пока Толя орал, матерился и изумлялся, принудительно танцуя у плиты, я рассматривал медицинские учебники. И отметил, что слишком многое изменилось. Надо попросить Кори обновить мои знания.

– Господи, куда я попал, – беспомощно доносилось с кухни. – Что происходит, мамочки, что со мной происходит...

Тут раздался стук в дверь. Толя в очередной раз заорал, возмущаясь неподвижностью своих конечностей. Я встал и направился в прихожую, открыв замок:

– Добрый вечер.

Увидев меня, Кори вскрикнула. Стени за ее спиной протянула:

– А я тебе говорила...

– Ты что здесь делаешь?

– **КОРИ, СПАСИ МЕНЯ ОТ ЭТОГО МОНСТРА-А-А!!!** – придушенно раздалось из квартиры.

Я мило улыбнулся:

– Не волнуйся, с ним все хорошо.

– Я вижу, – пробормотала девушка. Чмокнув в щеку, оттолкнула и прошла в квартиру.

– Он еще живой? – поинтересовалась Стени.

– Немного.

Когда мы оказались на кухне, Толя махал чашкой со свежесваренным кофе, гневно рассказывая Кори, что она понятия не имеет, с кем живет, что я страшный мутант, сбежавший из лаборатории и чем быстрее она от меня избавится, тем лучше.

Его рот захлопнулся раньше, не успев сказать последнюю фразу. Молча подойдя к парню, я взял из его рук чашку и отпустил.

Поняв, что его конечности снова подчиняются, Толя отшатнулся от плиты и ткнул в мою сторону:

– Кори! Ты меня слышишь?!

Вместо ответа девушка обняла его, заметно успокоив. Стени поглядывала на меня. Уверен, от нее не укрылось ни напряжение, ни поджатые губы.

– Давай выйдем на свежий воздух, – мягко сказала Кори и потянула парня на балкон.

Солнце уже коснулось горизонта, окрасив небо в огненные цвета. Прохладный ветер уносил дневную духоту и качал зеленые кроны. Кто-то явно готовил булочки, и их аромат расплылся в воздухе, приятно щекоча ноздри.

Кори сделала то, чего я боялся. Девушка сняла маскировку с крыльев. Судя по взгляду Стени, она ничего не знала о намерениях подруги.

Закат окрасил белые перья в теплый, розовато-бежевый цвет, придав им небывалую объемность и мягкость. Толя ах-

нул и изумленно застыл. В глазах парня пронеслось понимание, что три года его обманывали.

– Мы другие существа, Толя. Не люди. Кейнары. И живем в ином, параллельном мире. Я была человеком до семнадцати лет, но потом стала такой же, как он, – Кори указала на меня. – Мы обладаем магией Стихий, которые упоминал Кай. Я владею огнем. Он воздухом.

– А Стени?..

– А я не кейнар, – отмахнулась ведьма. – Я добрая фея, исполняющая желания.

– Можно потрогать? – спросил Толя.

Кори кивнула. Я вздохнул, и сделав глоток, поморщился. Парень умудрился испортить даже хороший кофе. Пока он трогал ее маленькие нежные перышки своими огромными влажными лапищами, Кори продолжала:

– Мы можем внушать людям свою волю и читать их мысли. Я твои не читала, не беспокойся. Мы...

Внезапно Толя отпрянул и обвел взглядом всех нас:

– Вы внушите мне все забыть, да? О том, что я видел вчера. А ты, – он ткнул в меня. – Что я вообще когда-то состоял в отношениях с Кори. Я прав?

– Всецело надеюсь, – я не стал кривить душой.

Стени кивнула. Толя в отчаянии посмотрел на Кори:

– Тогда у вас ничего не выйдет. Сделайте так, чтобы и у меня были магические способности. Я не хочу жить прошлой жизнью. Без тебя. Не хочу.

Я не удержался и процедил сквозь зубы, сложив на груди руки:

– Ты не знаешь, во что ввязываешься, щенок. И обращение в кейнара не восстановит твоей прошлой жизни с Кори, могу тебя в этом заверить.

– Я не сомневаюсь, – скривившись, промычал он и повернулся к девушкам: – Ну так?

– Толь, – дружелюбно ответила Стени. – Посмотри на нас с Кори. Мы нажили столько проблем, ступив в это болото, и, знаешь – прошлая жизнь без этого дерьма под названием «параллельный мир» была намного проще. Я бы на твоём месте согласилась все забыть и жить дальше.

– И тем не менее ты, человек, стоишь здесь, – отпарировал он.

– А у меня не было выбора.

– Чтобы стать такими, как мы, – вступилась Кори, – нужно умереть, а затем убить другого. Придется разрываться на части, выбирая ангела или демона. В какие-то моменты ты будешь ненавидеть себя... иногда даже думать о самоубийстве. Придется постоянно внушать родителям, что ты не чудовище. Испытывать неудобства с крыльями, бесконечные головные боли и перепады настроения. Это страшно. Ты можешь убить дорого тебе человека, не моргнув, а наутро сойти с ума от горя и осознания, что это твоих рук дело. Я не жалею, что стала кейнаром, иначе не встретила бы Кая. Но если бы я знала все то, что знаю теперь, и у меня был выбор – я оста-

лась бы человеком, все забыв. В нашем мире, в наших жизнях и судьбах много боли, смерти и крови. Это не твое, Толь. Я не советую.

С этими словами она отошла ко мне, и положила голову на плечо, взяв за руку.

Я молча стоял и смотрел на этого юношу. Почему люди не слушают тех, кто знает лучше их? Почему они добровольно идут на что-то, а потом мечтают однажды проснуться, поняв, что это дурной сон? У него такой шанс: жить *нормально*.

Но по глазам я видел, что он уже отверг его.

– А ты что скажешь? – неожиданно спросил меня Толя.

– Мне две тысячи четыреста лет, малыш, – его брови поползли вверх. – Я пережил столько всего, что моих воспоминаний хватило бы на сотню фильмов ужасов с разными сюжетами. Они, – я кивнул на девушек, – последнюю часть пути прошли со мной, и знают мою жизнь от начала до конца. Поверь, они *ничего* хорошего о ней не расскажут. Тебе было непонятно, почему Хатон сказал: «Кай Энгельгардт восстал из могилы»? Почему Кори убивалась все три года, что ты ее успокаивал? Я тебе поясню. Я покончил с собой, парень. Убил себя, пытаюсь спасти от смерти Кори. У меня не вышло, но почему я и она сейчас живые, уже другая история. Прожив столько лет в ужасе и страхе перед самим собой, я не выдержал, понимаешь?

Замолчав ненадолго, я отвел взгляд на краешек солнца, исчезающий из этого мира. Еще секунда – и чернота погло-

тила и его, оставив лишь светящуюся дымку.

– Конечно, моя жизнь – наихудший пример жизни кейнара. Но если ты не рожден кейнаром – не становись им, – я посмотрел в его бирюзовые, сейчас темные глаза. – Слишком велика плата.

– Полностью поддерживаю Кая, – отозвалась Стени.

Повисла тишина. Толя отошел к ограде и закурил. Увидев это, Кори процедила:

– Если бы ты знал, каких трудов мне стоило отучить его.

– При моральных потрясениях все меняется, – весело отозвался я.

– Ну? – подбодрила Стени.

Толя обернулся:

– Так вы можете дать мне магию или нет?

– Упрямый осел! – простонала Стени. – Ты дубина!

– Давайте насильно заставим его забыть все, – предложил я.

– Расскажите лучше о кейнарах.

Рассказ занял еще минут двадцать. Я пожалел, что оставил кофту дома. С темнотой пришел ветер, а с ним и холод. Смолкли детские крики, вдаль уходили золотые полосы дорог. А с ними далекий гул и сигналы автомобилей.

После затянувшегося молчания Толя наконец-то сказал:

– Ну, я согласен.

– На что?

– На обращение.

Я не выдержал и выругался на керском.

– Идиот, – пробормотал и направился к двери: – Поехали. Чем быстрее мы тебя обратим, тем скорее я от тебя избавлюсь.

...Закрыв дверь в кабинет, я подошел к темному панорамному окну в гостиной. Сзади тут же подкралась Кори и прижалась к спине, сцепив руки на талии.

– Не злись на него. Он глупый, маленький ребенок.

Я накрыл ее ладони своими и пожал плечами:

– Который старше тебя.

– Надо было насильно заставить его все забыть, – виновато вздохнула девушка. – Это я глупая. Кто будет его учить, если стихией окажется вода или земля?

– Отправим его в Аскатрал. Там есть хорошие люди. В любом случае это уже не наши проблемы.

Я развернул ее к себе лицом и нежно поцеловал.

– Нет, Кай, – Кори обвила мою шею руками. – Это и наши проблемы тоже.

Улыбка. Поцелуй:

– Ты знаешь, какое чудесное лето в Аскатрале? Проблемы должны быть хорошими, чтобы их было приятно решать.

Улыбка. Поцелуй:

– Понятное дело, самая большая и главная задача— отпуск в Аскатрале, но, кроме нее есть еще несколько маленьких проблемок. Например, сессия. Или наш новый кейнар.

Улыбка. Поцелуй:

– Если я правильно посчитал, к двадцатому ты будешь свободна. В горах как раз потеплеет, а дни в основном будут солнечными. Вырастут цветочки, у животных появятся детеныши...

Протяжное «м-м-м...», поцелуй:

– Хорошо. Сдаем экзамены, ставим Толю на ноги и едем в Аскатрал. И я не собираюсь возвращаться до сентября.

Ее рука скользнула на пояс. Я довольно пробормотал:

– Мы можем устроить путешествие по Империи...

– Мы уже путешествовали!

– Нет, – усмешка. – Это было бесконечное-бродилово-полесам. А мы поедем как страждущие неземных красот туристы.

Пальцы коснулись холодного стекла за ее спиной. Девушка выдохнула:

– А потом в Аvasаррское королевство?

– И в Эльфийское.

Она улыбнулась:

– Чувствую, это будет лучшее лето в моей жизни.

– Я устрою его тебе, солнышко.

Дальше слова кончились. Стекло запотело, оставляя отпечатки ладоней...

Кори как раз предложила принять ванну, как из кабинета раздался пронзительный крик.

Я печально вздохнул:

– Воробушек очнулся.

Наградив последним поцелуем, девушка побежала на звук, топая по паркету босыми ножками. Я пошел за ней.

Новоиспеченный кейнар Толя сидел на полу, поджав ноги, и судорожно раскачивался из стороны в сторону.

– Что с ним? – недоуменно спросила Кори.

Я сел рядом и потряс парня за плечи:

– Эй! Толя, слышишь меня? Прием!

Он вздрогнул, вскрикнул и упал в обморок.

– Кай... – испуганно начала девушка.

Но тут парень открыл глаза и глубоко вдохнул. Я не дал ему сесть, иначе Толя бы опять отрубился.

– Как дела?

Он посмотрел на меня, как на идиота, и хрипло ответил:

– Ужасно.

– Я предупреждал.

– А где мои крылья?

Я рассмеялся и встал:

– А ты, смотрю, нетерпелив. И крылья ему сразу давай, и магию. Щенок, твое обращение еще не завершено. Ты уже не человек, но еще не кейнар.

Угадайте, кто обращал парня? Пришлось силой заставить его выпить хоть каплю моей крови, для Толи такое «зверство» было неприемлемо. Услышав о еще одном испытании, он искривился.

Признаться, возился я с ним чисто назло, чтоб парень понял, от чего отказался.

– Что еще надо сделать?..

– Если ты не убьешь до заката следующего дня, умрешь, – отозвалась Кори.

Толя отполз подальше:

– Чего?..

– Ты мне только глазами не хлопай. Я уже говорил об этом. Ты должен убить человека. Любого, на твой вкус.

– А если не убью?

– Обращение останется не законченным. Понимаешь, – я пытался подобрать слова, – в крови кейнара содержатся токсины, смертельные для человека. А когда ты убиваешь, выбрасывается гормон, нейтрализующий яд и запускающий процесс... мутации. Если ты не убьешь человека, гормон не сработает, яд распространится по телу, и ты умрешь в течение двадцати четырех часов от интоксикации.

Толя понимающе кивнул и глянул на Кори:

– А ты тоже убивала, чтобы...

– Нет, – тут же ответила она. – Я родилась наполовину кейнаром, и этот гормон уже был в крови. Оставалось только его покормить.

– И кто тебя обращал?

Девушка ткнула мне в затылок пальцем. Я улыбнулся:

– Советую сделать все прямо сейчас. Днем будет сложнее, а следующей ночью ты будешь чувствовать себя гораздо хуже.

– Сейчас?! В двенадцать ночи?!

– А почему нет, – я взял его за шиворот и поднял на ноги. – Кори, дай ему кухонный нож!

– Нож? – изумилась она. – Ты не хочешь дать ему что-нибудь... посущественнее?

Я встряхнул парня и ответил:

– Посмотри на него. Пока он не научится держать оружие, я не дам ему настоящий кинжал.

Не слушая возражений, мы заставили Толю одеться и засунуть нож за пояс. Парень страшно нервничал и рассеянно водил глазами, прислушиваясь то к нам, то к себе. Кори пожелала удачи и вытолкнула нас за дверь.

– И как мы будем искать, кого убить? – испуганно лепетал он, пока мы ехали в лифте. – Господи, я же будущий врач, как я смогу кого-нибудь умертвить? Умышленно?!

– Не волнуйся. Такие люди всегда находятся, и убив их, ты совершишь скорее добро, чем зло, – и подумав, мягко добавил: – Я тебе помогу.

Мы вышли на темную улицу, глянули на пустую детскую площадку и отправились во дворы.

– Сколько говоришь тебе лет? – неожиданно спросил парень.

– Много.

– Так ты бессмертен?

Я шел, засунув руки в карманы кофты, и долго не мог понять, почему старые способы поиска жертв не работают. Ни чутья, ни невидимой сети, окутывающей весь город и на-

крывающей каждое живое существо, заставляя чувствовать его жизненную силу сквозь километры бетонных стен. Потом вспомнил, что больше не владею пятой стихией. Стало грустно.

– Все кейнары бессмертны, – печально вырвалось у меня, но вовсе не из-за того, что кейнары не умирают. – Но это не значит, что нас нельзя убить.

– И сколько в среднем вы живете?

– От пятисот до тысячи.

– Так ты долгожитель!

Я усмехнулся:

– Никто просто не знает, как убить меня. В народе считается, что мой орден... точнее, тех, кто принадлежит к ордену Ищеек, убить нельзя.

– Ищейки? Что это за орден?

Я остановился и посмотрел на него:

– Они ищут и убивают. Существ, которые им нужны. И отправляют в бездну всех, кто встанет на пути.

Толя похолодел:

– И ты такой?

– Был, – я вздохнул и продолжил идти. – Извини, но я не хочу говорить на эту тему.

Парень замолчал, уткнувшись в ботинки. Мы шли минут десять, пока я вертел головой, пытаюсь призвать остатки былых способностей. Получалось не очень, но, в конце концов, мы наткнулись на одного.

У торца какого-то продуктового сидел толстый мужик с банкой дешевого пива, и явно под кайфом. Толя тоже это заметил.

Поэтому не удивился, когда я молча завернул за стену соседнего здания. Толя занервничал и затрясся:

– Кай, я не смогу! – отчаянно прошептал парень.

– Не вздумай говорить это слово! Либо ты убьешь его, либо умрешь сам. Это закон.

– Но я не убийца!

– Я тоже не хотел быть убийцей.

– У меня живот болит... – беспомощно пробубнил он.

– Успокойся и посмотри на него. У него алкогольная и наркотическая зависимость, а его мама лежит в больнице, нуждаясь в помощи. Ему не все равно, но наркотик берет свое. Его не спасти. Убив его, ты облегчишь страдания обоих.

Толя задумался:

– Можно отвезти его в наркодиспансер...

И тут я вспыхнул:

– Какой к бездне диспансер?!

И пнул его ногой под зад, выталкивая на свет.

– Вперед!

Оглянувшись последний раз, Толя направился к мужику. Тот, сидя в тусклой тени фонаря, слегка пошатывался и заметил парня в последний момент. Молча протянул ему банку.

– Н-нет, спасибо, – голос Толи дрожал. – Ты только не дергайся, ладно? И не ори...

Я чуть не закричал сам. Ну кто, кто советует перед смертью не орать, да еще так дружелюбно?!

Мужик пожал плечами, искоса глянул на парня и похлопал рядом. Толя сел.

И молчал. Так и хотелось крикнуть «не молчи, идиот!». Но условия наблюдателя не позволяли такой...

Это чувство пришло внезапно.

Оно накатило волной и сбило с ног. В глазах потемнело. Пространство и время на долю секунды исчезли. Я согнулся пополам, ощутив приступ тошноты, и пытался дышать. В глазах промелькнул океан.

Я не видел, как Толя убил человека. Как вслед за бульканьем раздались торопливые шаги, и парень в панике задёргал мой рукав, призывая бежать...

– Кай! – то ли шипел, то ли шептал он. – Кай!!!

И тут сквозь черный туман сознания я уловил запах. Он тонкой сверкающей ниточкой выбивался из общей массы сырых стен, помойки и выхлопных газов.

Запах крови.

Дурнота медленно отступала. Разогнувшись, я глубоко вдохнул, пытаясь справиться с собой. На грани отчаяния и ужаса понимая, что происходит.

Я резко схватил Толю за запястье, сжав так крепко, что он заскулил, и поднес к лицу. В ушах гулко отдавались удары

сердца. На руках парня осталась кровь человека. Кровь...

Чувство медленно нарастало, поднимаясь из глубин живота к голове, замораживая каждую клеточку мозга. Всепоглощающее. Неумолимое. Оно сводило с ума.

– Кай?.. Всё в порядке?

Голод. Настолько сильный, что хотелось драть стены.

Я медленно перевел взгляд на Толю и хрипло выдавил:

– Иди домой.

– Точно все нормально? Ты трясешься...

– Иди домой.

– И что я скажу Кори? Что оставил тебя здесь с температурой?

Я приблизился и посмотрел парню в глаза. Даже в темноте я увидел, как он побледнел. Сглотнув, Толя шагнул назад:

– У тебя глаза...

Отступив в тень, я незаметно вжался в холодную стену. Ощущение в себе каждого живого существа возвращалось. Я понял, что надо мной целых четыре сотни бьющихся сердец... и миллионы литров горячей, живой крови.

– Скажи ей, что я скоро вернусь. Постараюсь.

Парень кивнул, и задержавшись на мгновение, ушел. Дождавшись, пока стихнут шаги, я опустился на корточки, дав волю дрожи. Тело то жутко морозило, то бросало в нестерпимый жар. Я смотрел в пустоту, борясь с собой и понимая, что нельзя давать волю голоду. Нельзя.

Но как хочется.

ГЛАВА 7

Я сидела в мягком кресле напротив окна, читала хорошую книгу и уже засыпала, когда дверь в квартиру внезапно открылась. Внутри ворвался взбалмошный Толя с бешено горящими глазами. Не раздеваясь, он кинул на пол окровавленный нож и отпрыгнул к вешалке:

– Я убил человека! Господи боже мой, что я сделал... Я убийца! Кори, я маньяк! – Не ори, – шикнула я и подошла к парню. Он трясся в углу, рассматривая конечности. На одном запястье красовался громадный лиловый синяк. – Сними ботинки и садись на диван.

Я думала, что Кай придет за ним... но нет. В душе поселилось беспокойство. Пока Толя раскачивался в гостиной, я помыла лезвие и приготовила успокаивающий чай.

Протянув парню кружку, села рядом и спросила:

– А где Кай?

Толя сделал большой глоток, обхватив чашку обеими руками, глубоко вздохнул и поднял бирюзовые глаза:

– Он... очень странно себя вел. Сначала был бодрый и веселый, вытолкнул меня пинком под зад, зараза. Потом я этого мужика, ну... Ты поняла. Господи, какой кошмар! Кори, кто я после этого? Какой из меня теперь врач?!

– Ты станешь кейнаром, – спокойно ответила я. – Но мы говорили о Кае.

– Да. Когда я прибежал обратно, то увидел его на месте. Но Кай в упор меня не слышал, и вообще, все симптомы обморока... бледность, поверхностное дыхание. Бьюсь об заклад, он ничего не видел перед...

– Ну?

– А потом он схватил меня за запястье, – Толя показал синяк. – Я думал, Кай сломает мне руку. Но знаешь, что сделал твой парень? Он ее *понюхал*.

– На ней была кровь? – упавшим голосом спросила я, тут же поняв, в чем дело, где сейчас Кай и чем занимается.

– Да... Кори, у него глаза были черные. Не в темноте, они реально были черные, прямо без белка. И видок такой кровавый... я думал, он меня сожрет, когда сказал идти домой. А тебе передать, что постарается скоро вернуться.

Сделав глоток, Толя глянул на меня и с опаской спросил:

– Это нормально вообще?

– Я надеюсь, что нет, – прошептала я, обхватив себя руками. И на вопросительный взгляд парня ответила: – Мы называем это голодом. Острым желанием лишиться жизни, понимаешь?

Он кивнул.

– Я молилась, чтобы это ушло из Кая навсегда... – вздохнула я, принимая неизбежное. – Видимо, недостаточно.

Толя молчал. Я видела, как его неумолимо клонит в сон, и решила сменить тему:

– Что же, поздравляю. Добро пожаловать в царство кей-

наров. Крылышки отрастут, пара тысяч косточек появится, мозгов прибавится...

– Чего?

Тут дверь грохнула во второй раз, и порог переступил растрепанный кейнар. Не раздевшись, не поздоровавшись, упорно смотря в пол, он стремительно пересек открытое пространство и нырнул в кабинет. Послышался шум опрокидываемых вещей.

Мы с Толей переглянулись.

– Сиди на месте, – шикнула я и встала.

На цыпочках войдя в кабинет, прикрыла дверь и увидела Кая. Он сидел, облокотившись на стол и закрыв лицо руками. На разбросанные бумаги падали капельки крови с ладоней. Рядом валялся брошенный клинок.

Аккуратно переступая книги, я села возле и нежно отвела руки от лица. В широко раскрытых, черных пополам с синими глазах метался страх. Черты заострились и потемнели. Кейнар сидел, точно каменная статуя, и смотрел куда-то сквозь.

Но потом он зажмурился, перевел взгляд на меня и не выдержал. Руки предательски задрожали, кончики крыльев нервно затанцевали. Кай вдохнул и медленно выдохнул, сжав мои руки.

– Я не мог... – выдавил кейнар. – Этот проклятый голод...

Почему даже сейчас он преследует меня? Почему?..

– Возможно, небольшая склонность осталась.

– Склонность? – Кай вдруг отшатнулся. – Ты просто не чувствуешь того, что чувствую я. Я пытался, но я не в силах сопротивляться этому, когда оно находит... Обычный кейнар может отсидеться и переждать, а я... Я стараюсь, – он тихо выругался и даже привстал: – Что со мной опять не так?! Я больше не Ищейка, так или нет?!

Ну все, паника. Я заставила Кая снова сесть и максимально мягко ответила:

– Он еще не прошел?

– Н-нет...

– Сиди здесь и попытайся никого не убить.

Выйдя, я прошла мимо Толи. Под его круглые глаза достала бутылку коньяка, схватила рюмку и пошла обратно.

Первые три Кай выпил молча, а после пятой немного ослабился. Вздохнув, кейнар устало прислонился ко мне и затих.

– Скольких ты?..

– Двоих, – ответил Кай.

– Это уже не двадцать. Делаешь успехи.

Сжав мою ладонь, он пробормотал:

– Я не понимаю... Во мне больше нет пятой стихии. Все это время я ни разу не срывался, спокойно реагируя на кровь. Но сегодня... оно накатило, как тошнота, и пока тебя не вырвет, она не пройдет. И когда накатило, оно, оно... я как будто снова почувствовал пятую стихию.

Кай вздохнул и тряхнул головой, потянувшись за бутыл-

кой. И словно сын к матери, уткнулся в меня и пробубнил:

– Я не знаю, что это... Никогда не знал. Сейчас все стало еще непо.. непонятнее. Что будет в следующий раз?

Я поглаживала кейнара по волосам, задумчиво перебирая седину на висках:

– Надеюсь, следующий раз будет минимум через две недели и закончится с наименьшими потерями.

– Люблю оптимистов... они вселяют надежду.

Через десять минут вялой болтовни я поняла, что Кай достаточно опьянел, чтобы заснуть. Кейнара хватило только на то, чтобы снять ботинки. Свалившись на кровать, он свернулся калачиком и засопел.

Закрыв дверь, я встретилась с глазами Толи. Вздохнув, устало опустилась на диван, прислонилась к его плечу и зажмурилась. На секунду между нами воцарилось прежняя тихая гармония. Воздух как будто застыл, а часы остановились.

– Я так и не понял, что произошло.

– Тебе ясно, что такое голод? – когда Толя кивнул, я продолжила: – Кейнары бывают ангелами и демонами, по деяниям и моральным ценностям, а также тяге убивать. И пока окончательно не сформируется склонность к одной из сторон, им приходится познать обе. Ты тоже с этим столкнешься. Кстати, как все прошло? Ответь, что ты испытывал?

– Честно... – Толя задумался ненадолго. – Мне было страшно. Сначала страшно от понимания, что я должен сделать, а потом от того, что я уже сделал. А в момент

убийства... я ничего не почувствовал. Лишь беспомощность и эгоизм. Вынужден убивать, чтобы жить самим. Платить чужими жизнями за собственную.

Я замерла. Кай бы оценил последние слова парня.

– Мы все испытываем подобное...

– Можно мне узнать, что именно происходит с Каем?

– Кай раньше был почти полностью демоном. И чтобы выжить, должен был забирать силы у других.

– Ищейки?

Я удивилась и подняла глаза:

– Он тебе рассказывал?

– Немногое, – покачал головой Толя. – И неохотно. Но ты расскажешь?

Снова прислонившись к его плечу, я напрягла слух. Из спальни доносилось честное сопение. Отлично.

– Все знают только четыре стихии: огонь, воду, воздух и землю, и кейнар может владеть лишь одной. Но есть еще и пятая стихия. Стихия Тьмы, подчинения и управления разумом. Кейнары с такой магией рождаются раз в пятьсот лет, и их всегда не больше пяти. Они имеют предрасположенность убивать, сильнее остальных и, кроме пятой, управляют прочими стихиями. И еще с древних времен они объединяются в Орден Ищейек.

Толя понимающе кивнул:

– И Кай один из них?

– Он был их главой больше тысячи лет... и за это вре-

мя успел заработать себе не самую хорошую репутацию, – на вопросительный взгляд парня я тихо добавила: – Кай был словно чума. Во время Охоты Ищейки вырезали целые поселения, а потом сжигали их по его приказу. И никто никогда не мог их поймать. Ищейки могли внушить что угодно кому угодно. Убивать одним взглядом целые армии. Влиять на исторический ход событий, свергая правителей держав и ставя свои условия.

Толя с опаской глянул на дверь, за которой мирно сопело такое чудовище, свернувшись калачиком.

– Но ты и он... Ты же... как?

– На самом деле душа у него добрая, – я улыбнулась. – Он не тронул ни одно живое существо до ста двадцати лет, когда обычные кейнары убивали первую жертву в восемнадцать или девятнадцать. А Кай был Ищейкой, и не убивал. Его заставили сделать это насильно, под угрозой смерти. И под покровом ненависти, страха и отчаяния вырос образ бесчеловечного монстра. Но на протяжении всей жизни Кай хотел измениться к лучшему, когда он ненавидел Ищейку внутри себя и появлялись люди, которые помогали Каю исправиться... Но все попытки в итоге сводились к одному. Его кровный брат, Хатон, которого ты видел, убивал дорогих Каю людей, раз за разом. Пытаясь заглушить боль, он с головой погружался в беспмятство, разврат и разрушения своей темной сущности. И, в конце концов, не выдержал.

– Я не понимаю, почему он тогда...

– Жив сейчас? Это длинная история. Спустя три года Кай очнулся живым и здоровым, а главное – не Ищейкой. Все, к чему он стремился, свершилось. Но ради этого пришлось пожертвовать многим... – зевнув, я встала. – Ладно, устраивайся. Свет выключается там. Спокойной ночи.

И оставив Толю в раздумьях, направилась в спальню.

Утром квартиру потряс истошный крик.

Я резко села, вслушиваясь в звенящую тишину после такого громогласного звука. Кай, лежащий рядом, даже не пошевелился. Я знала, что он уже не спит, поэтому не удивилась, когда кейнар пробубнил сквозь подушку:

– Наш воробушек понял, что может летать...

– Вставай, сэнсэй, – я похлопала его по спине. – Пора вспоминать педагогические навыки.

– Чего?.. Я не собираюсь его учить! Договора не было...

Спустя пять минут сонного ворчания мы стояли и внимательно разглядывали существо перед зеркалом существо. Оно рассматривало себя с не меньшим интересом.

Слова Кая оказались пророческими. Толя действительно стал похож на воробья. Небольшие, даже... маленькие крылья, которые еле доставали парню до ягодич, отливали песочно-коричневым, а прежде вафельные волосы теперь напоминали цвет подгоревшей выпечки. Глаза почему-то из бирюзовых стали серыми.

Толя глянул в зеркало на Кая и возмутился:

– Почему у меня крылья такие маленькие?!

Правда, веснушки никуда не делись. Сейчас они словно загорелись от негодования.

– Потому что ты еще щенок, – с улыбкой ответил кейнар, снова обретший душевное равновесие. И взяв парня за шкирку, потащил на кухню: – Пошли проверять твою стихию, недоношенный.

Пока Толя безуспешно пытался зажечь свечку и вызвать ветер, я наскоро приготовила яичницу. С каждой неудачей лицо Кая становилось все мрачнее и мрачнее. Во время очередного эксперимента выяснилось, что и водой Толя тоже не владеет.

– Ты безнадежен! – Кай рухнул в кресло и принялся сверлить парня взглядом. – Где я тебе буду искать учителя по земляной магии? Где?!

– Может, Стени кого-нибудь знает? – предположила я, расставляя тарелки.

– Откуда? – Кай развел руками, сел за стол, задумчиво прожевал первый кусок и заявил: – Я смогу обучить тебя только теории. Но без практики никак, пока носом не ткнут, ты магию не поймешь...

Толя молча хлопал глазами и явно не понимал, в чем проблема. Вручив ему вилку, я усадила парня за стол и налила всем апельсинового сока. За окном во всю светило солнце, а облака безмятежно плыли по синему небу.

– Давайте вспоминать, кто владеет земляной магией, –

предложила я.

Повисло молчание. Толя пожал плечами. Кай пробубнил:

– Только Хатон и парочка кейнаров в Аскатрале. Судьбы остальных не знаю.

– Ну вот! Пусть едет с нами в Аскатрал!

– Нет! – хором ответили мужчины и переглянулись.

«*Стени, ты нам нужна*», – тем временем набрала я по-друге.

Внезапно Кай схватил цветок со столешницы и поставил перед Толей:

– Давай. Сделай так, чтобы он вырос.

Парень уставился на несчастное растение:

– Мне его полить, что ли?

– Магией. Вырасти его магией. Принцип тот же, что и со свечкой.

Толя пристально уставился на горшок. Когда он сдался, яичница давно остыла, а стаканы с соком опустели.

– Земляная внутренняя, значит... – Кай встал и подошел к окну. – А теперь, Анатолий, разбей этот горшок. Взглядом.

– Где я тебе новый найду? – возмутилась я.

И прежде чем Кай ответил, горшок треснул. Шумно втянув воздух, Толя отшатнулся и закрыл рот рукой.

– Что и требовалось доказать, – кивнул кейнар.

Парень тем временем бормотал что-то неразборчивое про волшебство, сверхспособности и религию. Мда. Чувствую, сегодня будет насыщенный день.

– Окей, – подытожил Кай. – Значит, по теории земляной стихии и магии в целом, а также по силовым тренировкам и тренировкам на выносливость твой учитель – я. Бытовой магии тебя научит Кори, а о жизни кейнара я тебе книжечку дам.

Толя убрал руку ото рта и искоса взглянул на кейнара:

– Я не понял. В каком смысле «учитель»?..

Тут раздался звонок в дверь. В полной уверенности, что это Стени, я пошла открывать. Кай с Толей продолжали нервно спорить на тему обучения. Щелкнул замок, чуть скрипнул засов...

На пороге стоял Хатон.

На секунду я опешила. Он сильно изменился. Половину лица будто покрыли грязно-серой пленкой. В жару Хатон носил кофту с длинными рукавами. Проследив взглядом дальше, я отметила такую же «каменную» кисть.

Потом секунда прошла, и я молча потянула дверь на себя.

– Кори, стой, – хрипло произнес он и схватился за ручку с той стороны. – Надо поговорить. Всем нам. Без шуток.

– Я сыта твоими «не шутками» по горло, – прошипела я и снова дернула дверь.

– Кто там?! – раздалось из гостиной.

– Кори!

– Убирайся.

– Я могу помочь, – проскулил он как раз в тот момент, когда вышел Кай.

Хатон тут же заткнулся и выпрямился.

– Что ты здесь делаешь?.. – удивленно моргнув, Кай нехорошо прищурился.

– Я не могу говорить, стоя на пороге.

– Придется.

В этот момент в коридор заглянул Толя. Ахнул, увидев Хатона, и хотел уплыть обратно, но его заметили раньше.

– Вот, собственно, из-за него, – виновато отозвался Хатон.

Мы с Каем синхронно оглянулись. Толя чуть расправил крылья.

– В каком смысле? – настороженно спросила я.

– Вашей зверушке нужен репетитор, – и тут в голосе Хатона промелькнула его фирменная, жутко-издевательская усмешка. – Вакансии пока не объявляли, но я пришел.

– У тебя та же стихия? – тут же отозвался Толя и втиснулся между мной и Каем. – Ты сможешь научить меня управлять магией?

– Конечно.

– Толя, исчезни, – процедила я. – Лучше вообще не знать магию, чем постоянно встречаться с таким...

– Послушайте, – Хатон заглянул в квартиру и, поняв, что его туда не пустят, тихо продолжил: – Я жил мстью. И я ее совершил. И теперь не знаю, куда себя деть. Кори, посмотри на меня. Я калека, спасибо братику. Я не смогу отомстить Каю как раньше, да и повода не вижу. У меня нет ни сил, ни способностей. Ничего. Но в отличие от конечностей, –

он задумчиво пошевелил кистью и ткнул в голову, – котелок мой еще варит.

– С чего вдруг я должен тебе доверять, Хатон? – холодно спросил Кай.

– Ни с чего. У тебя нет ни одного повода доверять мне, согласен. Но... Я не вижу смысла жить дальше. И умирать не хочу.

– Это твои проблемы, – Кай начал разворачиваться, закрывая проем.

– Послушай! – взмолился Хатон, снова схватив дверь. – Я помогу вам с человеком. Научу его владеть магией. Сделаю хоть что-нибудь полезное для тебя со времен нашего рождения!

И что-то в его глазах заставило меня придержать дверь. Искренне понимание своей обреченности.

– Кай, – позвала я кейнара. Тот обернулся и пристально глянул на брата.

– Ты не хочешь таскаться с ним и его проблемами, – тихо продолжил Хатон. – Ты хочешь плюнуть на все и уехать с Кори в Аскатрал. Я могу тебе помочь. Взять половину ответственности, или больше, на себя.

– А меня кто-нибудь спросил?! – возразил Толя.

Кай глянул на него, потом на меня и пожал плечами:

– Я не против отдать его тебе. Но параллельно с тобой им будут заниматься я и Кори. И если выяснится, что ты используешь парня против нас, смысл жизни к тебе быстрень-

ко вернется, – помолчав, Кай добавил: – А вообще, решай с Кори. Это ее зверек. И постарайся не присутствовать в моей жизни.

С этими словами кейнар развернулся и ушел из поля зрения. Хатон проводил его взглядом и обратился ко мне:

– Ну так что?

И прежде чем я успела ответить, сзади гневно раздалось:

– Нет, ну это уже перебор, – Толя отодвинул меня и встал перед Хатоном. Они были примерно одного роста, только брат Кая казался старше лет на десять. – Мне не восемь лет, чтобы за меня решали, куда идти и чью соску сосать. Если ты единственный, кто может научить меня владеть своей стихией – я с радостью приму предложение, – парень обернулся ко мне: – Я сам согласился стать кейнаром. И сам буду за это отвечать.

– Какие благородные слова! – саркастически донеслось со стороны лифтов. Из-за угла вышла Стени, медленно хлопая в ладоши.

И увидев Хатона, ойкнула и остановилась. Взгляд тут же потерял всякое подобие на дружелюбие. Губы сжались в плотную линию, кулаки напряглись.

– А что он здесь делает?.. – прошипела подруга. Любая змея бы позавидовала.

– Устраиваюсь на работу, – серьезно ответил Хатон.

Стени перевела взгляд на меня и поняв, что я не буду сейчас все объяснять, гордо прошла мимо Хатона в квартиру.

– Она меня не любит, – вздохнул тот.

– Не поверишь, я тоже. Ладно. Толя, я тебя отпускаю.

Только... надо поговорить.

– Они заверят тебя, какой я злой, нехороший и страшный, – пропел Хатон. – Но на самом деле я добрый и милый.

– Милейшее существо...

– У меня есть квартира, – сказал Толя. – Если она подойдет для занятий...

– Отлично! – Хатон достал из кармана бумажку и ручку, написал что-то и протянул парню: – Вот номер. Звони. Ну, я пошел.

– Э-э-э...

– Хатон! – громогласно раздалось из квартиры. – **ОТДАЙ МОИ ЧЕРТЕЖИ!**

Кейнар замер. Тут же появился Кай и повторил:

– Чертежи и наброски заклинания, которые ты стащил из Аскатрала, пока я торчал в Касхате. Переселение души в другое тело. Ты испробовал его на Саманте, чтобы лишиться меня человечности, помнишь?

Толя удивленно моргнул. Хатон протянул:

– Я... Я передам их тебе с этим... как тебя зовут?.. С человеком.

– Я не человек, – буркнул парень.

– Неважно. Но я передам.

– Уж постарайся, – холодно ответил Кай и снова ушел.

Тут Хатон хлопнул Толю по спине:

– А почему бы нам не начать прямо сейчас? – парень неуверенно пожал плечами. – Отлично. Ну, мы пошли. Ар-вуар.

– Пока... – задумчиво ответила я, наблюдая, как они скрываются за стеной лифта.

Пришлось постоять еще секунд тридцать, чтобы переварить произошедшее. Потом я закрыла дверь и пошла к остальным.

Стени сидела на диване, скрестив ноги, и пила кофе. Кай терпеливо объяснял ей ситуацию. У самого кейнара дергался глаз. Увидев меня, все замолчали и обернулись в ожидании.

– Что? Только что я совершила самый глупый в своей жизни поступок.

– Ты совершила его еще четыре года назад, дав Джейсону руку, чтобы пересечь границу, – проворчала Стени. – Ты понимаешь, что у Хатона теперь в распоряжении мощное оружие против нас?

Прежде чем я открыла рот, Кай пристально глянул мне в глаза и тихо сказал:

– Оружие против *тебя*. Ты должна понимать, что если что-то случится – Толей придется пожертвовать. И неважно, кто его убьет – я или Хатон. Это ясно?

Мы смотрели друг другу в глаза чуть больше минуты. Взгляд Кая оставался холодным и непроницаемым. Что творилось в моем, не знаю. Но в итоге я поняла, что сопротивляться ему бесполезно. Если что-то будет угрожать нашим

жизням, Кай не будет спрашивать разрешения.

– Ясно.

ГЛАВА 8

С того дня прошло две недели. Июнь перевалил за двадцатое число. Вместе с ним переступала через границы утра и ночи наша жизнь. Мне, наконец, пришло письмо об официальном помиловании в Империи и возвращении статуса и имущества. Все это время я занимался тем, что потел над заклинанием переселения души в другое тело, которое начал еще до встречи с Кори. Значительная его часть была заточена под пятую стихию, но в теории Хатона его можно было изменить, сделав доступным любому кейнару. Правда, схемы моего брата оказались ужасны: при первом же эксперименте я чуть не снес квартиру и весь дом в придачу.

Но спустя две недели упорной работы мне удалось успешно завершить заклинание. В теории. Осталось проверить его в Аскатрале.

Кори и Стени тем временем сдавали сессию. Без особых проблем, могу заметить. А Толя учился. Учился у Кори, учился у Хатона, учился у меня и в институте. Парню приходилось тяжелее всех, но успехи были налицо.

Теперь я занимался с ним каждое утро, на том самом поле, где когда-то тренировал Кори. Сначала пришлось долго учить Толю держать оружие и не бояться его. Личная неприязнь прибавлялась к истерикам от неудач, и домой Толя приходил весь сине-лиловый. Зато на следующий день у парня

не возникало ненужных вопросов.

А еще оказалось, что Толя не любит клинки. Вообще. А вот тренироваться с сеникой ему понравилось.

– Это... что?! – изумленно прошептал он, когда я снял со спины громадную сенику в одну из тренировок.

– Традиционное оружие кейнаров, – терпеливо объяснил я тогда и замахнулся.

Парень отскочил метров на пять и прижался к дереву.

– Что, страшно? На этих лезвиях, – я любовно провел пальцем по острейшей грани клинка, – немало душ и крови. Я собираюсь обучить тебя ей пользоваться. Очень удобное оружие: взмах, и вокруг лишь мертвецы.

– Зачем? Я не собираюсь убивать.

– Придется, – повторил я в который раз.

И снова замахнулся, крутанул сеникой над головой и одним ударом снёс молодое дерево. С оглушительным треском оно упало, задев еще несколько. Над лесом взметнулась стая птиц.

Толя был потрясён. Я кинул ему оружие:

– Твоя очередь.

Сеника глухо ударилась о землю. Парень поспешно подобрал ее, ухватившись руками за костяную перекладину между двумя лезвиями, в полтора метра каждое.

– Она тяжёлая!

– Пробуй.

– Как?

– Замахнись.

Брови Толи сошлись на переносице. Спустя мгновение он махнул сеникой и чуть не отрубил себе ухо. При этом на лице появилась улыбка.

Я молча взял оружие и приказал смотреть внимательно. Медленно повторил замах, указывая на детали перехватов и работы мышц. Объяснил, как их развить. Все терпеливо ему разжевал. Я занимался с парнем до тех пор, пока у него более или менее не получился нормальный замах.

Мне жутко хотелось посмотреть, на что этот человек способен. И помочь ему развиться, стать полноценным кейнаром. Я видел в нем воина, а не ботаника, и хотел показать парню, кто он такой. Несмотря на то что Толя относился ко мне отнюдь не с любовью, я терпел его нытьё, злость и упрёки. И медленно понимал, что с каждой тренировкой все больше привязываюсь к ученику. Потому что мне нравилось *учить*. Открывать глаза людям на то, что они есть нечто большее, чем думают о себе.

...Отдав сенику, Толя устало опустился на бревно.

– И зачем я только на это пошел, – пробормотал он.

Я сел рядом:

– Иногда я задаю себе тот же вопрос. Зачем ты на это пошел?

– Не хотелось расставаться со знанием, которое я мог обрести, – задумчиво ответил Толя. – Упускать возможность стать кем-то другим. Мне всю жизнь хотелось быть

морально. Я каждый день смотрел на Кори и, видя ее лицо в сложных ситуациях, понимал, что, по сути, ничего из себя не представляю. А ей просто нравится играть беззащитную девочку-милашку.

Я усмехнулся. Парень весело добавил:

– А вообще, из-за любопытства.

– Такой ценой?

Он кивнул.

– Считай, что ни с чем серьезным ты еще не столкнулся.

– Я знаю. И я готов.

Я искоса глянул на Толю и пожал плечами:

– Тогда бери сенику. Она тебе нравится, так? Давай. Повтори мои замахы.

Оказалось, что сеника – действительно его оружие. Он обучался владению ей крайне быстро, намного шустрее, чем борьбе на клинках... и магии.

С того дня я видел Хатона только единожды, когда мы изменили расписание и брат занимался с Толей сразу после моей тренировки. Хатон в двух словах сказал, что первые три дня все было ужасно, но сейчас парень понял суть, и дела идут на лад. Сам Толя говорил, что Хатон ужасно объясняет, постоянно издевается («как и ты, вы оба изверги», – добавил парень), и называет его «малышом». Когда я спросил Толю, не замечал ли он чего-нибудь странного в кейнаре или его вопросах, тот пожал плечами:

– Твой брат сам по себе странный. И на тему философии

не особо распространяется, если ты об этом.

Мне ничего из происходящего не нравилось, но результат я видел. Поэтому молчал.

Зато в бытовой магии у Толи никогда не было проблем. У Кори великолепно получалось его учить. То ли из-за терпения и мягкости, с которой воспитатели объясняют детям простые истины, то ли парень всего на всего ее *слушал*.

А потом все полетело к черту.

Этим утром, 20 июня 2024 года от начала человеческой эры, я решил впервые сразиться с Толей на сениках. Парень достаточно окреп и отработал техники. Он готов.

Летом солнце встает рано. Я сидел на бревне, где постоянно ждал Кори. Утренняя свежесть холодила открытые руки, а теплый ветер обдувал лицо. Светило уже расположилось над лесом, прогревая остывшую за ночь землю. Когда-то ее устилала желтая трава, потом снег, а сейчас глаз приятно радовал зеленый газончик с проблесками цветочков. На поле часто опускались птицы, тут же взмывая вверх с насекомыми. Из леса доносилось кукование, запах зелени и хвои. Вдали паслись Арагон с Люцифером, помахивая хвостами. Жизнь цвела и кипела.

Еще один представитель московской фауны быстро приближался к месту тренировок. Запыхавшийся кейнар с маленькими крыльями даже не подозревал, что его ждет.

Молча кинув сумку у бревна, Толя взглянул на меня и уставился на две сеники.

– Чего ждем? Разминайся, пока я сам тебя не размял.

Парень поморщился и принялся за ежедневный ритуал: десять кругов по полю, отжимания, потягивания и растяжка. Такая зарядка явно шла ему на пользу. Когда с этим было кончено, я встал и вручил ему одну из сеник:

– Она поменьше, чем та, с которой ты привык заниматься. Но так даже удобнее.

– Мы что, будем драться?

– Дерутся в подворотнях. А мы будем сражаться.

– Кай, я...

Я перехватил оружие, и, почувствовав приятную тяжесть в руках, ободряюще улыбнулся:

– Нападай.

Сначала Толя откровенно боялся, атаковал то слишком слабо, то неуклюже. Но после первого ранения в бедро разозлился и замахал увереннее. Я не пытался показать ему мастерство, а действовал так, чтобы парень понимал ошибки и извлекал пользу. Иногда я только защищался, позволяя ему отладить атаки, иногда нападал, желая отработать защиту. Частенько я выкрикивал название ударов, которые Толе следовало применить, и действовал в соответствии с ними. Поэтому, если парень ошибался, получал лезвием по телу.

– Не поддавайся мне! – обиженно выкрикнул он.

Я пожал плечами и не поддаваясь нанёс пару ударов. Через десять секунд парень оказался на земле, его оружие валялось рядом, а лезвие моей сеники застыло у его горла.

– Одно движение, и ты труп. Я не поддавался.

Толя пробурчал что-то неразборчивое. Я протянул ему руку и помог встать, а потом все началось заново.

Спустя полчаса в таком темпе парень стянул мокрую рубашку. Со сморщенного от усилий лба градинами катился пот. Толя явно сдавал. Через десять минут я решил опустить сенику:

– Для первого раза хорошо. Очень хорошо. Но ты можешь лучше.

– Кай... – устало простонал парень.

– Давай отдохнем. Воды хочешь?

Мы сели на бревно, и я протянул Толе бутылку. Он принялся жадно пить. От исцарапанного тела поднимался пар. Взглянув на солнце, я понял, что на сегодня довольно. Иначе мы расплавимся даже в тени.

– Почему мне так быстро становится жарко? – напившись, Толя протянул бутылку мне и принялся вытирать пот и кровоподтеки рубашкой. – Сейчас не такое пекло, чтобы...

– Если ты возьмешь градусник и сунешь его под мышку, то сильно удивишься. У кейнаров нормальная температура тела – 37.7.

– Почему?

– Ты же медик. Подумай, у тебя за спиной две полноценных конечности и килеобразная кость под грудиной. К кости прикрепляются мышцы,двигающие крылья. Твоему организму надо в два раза быстрее перекачивать кровь и реа-

гировать на раздражители, а еще снабжать кислородом дополнительный отдел мозга.

– Чего?.. – лицо парня вытянулось.

Я вздохнул и глотнул воды:

– Магия, по-твоему, откуда берется? Из воздуха?

– Да.

– Нет, – я постучал по голове. – Там есть один маленький отдел, отвечающий за стихийную магию и телепатию. Я дал тебе книжечку, там все описано.

– У меня не было времени ее читать, – раздраженно ответил Толя. – Я постоянно учусь у вашей чертовой компашки, и параллельно сдаю сессию! Откуда у меня время читать художественную литературу?

Я напрягся. Мне не нравился его тон и резкая смена настроения. Обычно после физических нагрузок оно улучшается.

– Это не художественная литература, – мягко ответил я. – Насколько я знаю, завтра последний экзамен. У тебя появится намного больше свободного времени для...

– Для чего? Для тренировок с тобой и с Хатоном? Нет уж, спасибо.

Я повернулся. Толя сидел и угрюмо смотрел вперед, сжимая в руках футболку.

– А чего ты хотел?

– Чего я хотел? Я хотел вернуть Кори, потому что до сих пор люблю ее. Я хотел прикончить тебя за то, что ты увел ее.

Я хотел жить нормальной, размеренной жизнью, хотел создать свой дом и семью, пока ты не вломился в нее и все разрушил!

– Ты закончил?

– Нет.

– Посмотри на меня, – сухо попросил я. Не дождавшись реакции, повторил: – Посмотри на меня! Пришлось насильно взять его за подбородок и повернуть к себе. Парень возмущенно крикнул и занес руку для удара. Я оттолкнул его раньше, увидев все, что хотел.

Глаза Толи наливались черным. Во всех смыслах.

Я отшатнулся, и вовремя. Парень собирался ударить в нижнюю челюсть, но промахнулся.

– Щенок, уймись!

– Не называй меня так! – заорал он и на этот раз попал.

Ух... Прямо в печень. Прежде чем парень снова замахнулся, я врезал ему в висок. Толя тут же заткнулся и мешком свалился на землю.

Я посидел еще немного, пытаюсь унять боль в боку. Зараза медицинская, знает же прекрасно, куда бить. Отдышавшись, взвалил на плечо обе сеники, взял Толю за руку и телепортировался домой.

Настроение было испорчено основательно. Вот и демон проявил себя, а я предупреждал Кори, что это может случиться в любой момент. В результате попало мне.

А еще я предполагал, что девушка не успела уехать в ин-

ститут и еще дома. Ожидания не оправдались.

Сеники остались у входа, а я потащил Толю к стене. Движением руки сделал видимыми кандалы с цепями. О них не знала даже Кори. К ним я приковал Толю, предварительно связав ноги и руки нервушейся верёвкой, и поставил в рот кляп, чтобы не орал. Кто знает, что он устроит, когда очнется?

Оставив парня, я сосредоточился и снова телепортировался. На этот раз к площади института. Кори должна быть где-то там, на лекции перед последним экзаменом.

Как раз был час пик, когда запоздалые студенты бегут на учебу сплошным потоком. Поэтому в узких дверях института образовалась давка. Претворившись таким же бешеным медиком, я медленно продвигался вперед, расталкивая толпу. И неожиданно налетел на кого-то.

Чтобы её увидеть, пришлось сильно нагнуть голову. Я успел рассмотреть только, что девушка очень маленького роста, мне по грудь, и с такими же белыми волосами, как у Кори.

– Простите... – пробормотал я и двинулся дальше.

Но путь тут же преградили. Снизу вверх на меня смотрели два сиреневых глаза и милые губки с бордовой помадой.

– Надо же, кого я вижу, – изумленно протянула девушка глубоким, слегка низким голосом.

– Я еще с тобой поговорю, – пообещал я и наконец-то вырвался в просторы коридора.

Правда, здесь я опять остановился, хлопая глазами.

– Ты ведь ищешь кого-то?

Обернувшись, я посмотрел на неё. Хрупкая и низенькая, как тумбочка, девушка стояла неподалёку, наклонив голову набок. Ведьма. Определённо. От нее так и разлило магией. И волосы не как у Кори, с примесью серого, а молочного, совершенно белого цвета.

– Ты знаешь?

– Да, знаю, – она в упор смотрела на меня своим цепким взглядом. Такие люди замечают каждую деталь. – Я на втором учусь, а твоя девушка на третьем. Беловолосых видно издалека.

– И ты знаешь, где у нее лекция? – настороженно спросил я.

– Знаю, – глаза блеснули хитрецей. – Я все знаю, Кай.

И почему-то я не удивился.

– Можешь проводить?

Она усмехнулась и свернула на одну из лестниц. Пока мы поднимались, я спросил:

– Кто ты?

– В этом мире я Аня.

– А в другом?

– Эмм.

До нужной аудитории мы дошли быстро.

– Тогда я Алексей, – пробормотал я и тихо прошел в зал, оставив ведьму за дверью.

Никто не обратил на меня внимания. Профессор еще не пришел, и в аудитории царил нестройный гул. В группе студентов я сразу разглядел Кори. Она что-то увлеченно писала в самой толстой в моей жизни тетради. Стени разговаривала с однокурсником на ряду выше.

Я бесшумно взобрался по ступеням и прошёл в нужный ряд, а через секунду скользнул на скамью возле Кори и обнял за плечи. Она вздрогнула и машинально схватилась за невидимый ножик на поясе. Но поняв, что это я, удивленно прошептала:

– Ты что здесь делаешь?

За Кори медленно появлялась голова Стени.

Я быстро коснулся губами её губ:

– Щенку плохо.

– Очень?

– Ужасно, я бы сказал.

– Какому щенку? – донёсся тоненький голосок.

Я посмотрел вверх и увидел девушку с темными кудрями.

Кори спокойно ответила:

– У нас дома живёт щенок, и, видимо, он что-то не то съел.

– А это парень, из-за которого ты бросила Толю? – она с интересом глянула на меня.

– Да.

– И он прибегает к тебе во время лекции, чтобы сообщить, что собачке плохо?

– Я люблю животных, – ответил я ей и обворожительно

улыбнулся.

Девушка пролепетала «как мило», но я уже схватил Кори за руку, и мы тихо вышли из аудитории. Стени увязалась за нами.

В дверях продолжала стоять Энн.

Кори окинула её равнодушным взглядом, Стени вообще прошла мимо. Но они обе встали как вкопанные, когда та сказала:

– Кай, я могу помочь.

Я застыл, с раздражением глянув на эту белую фифочку.

– Ты её знаешь? – тут же спросила Кори.

– А ты?

Она внимательно посмотрела на ведьму и задумчиво ответила:

– Первый раз вижу. Откуда?

– Познакомился три минуты назад. И я не знаю никакого Кая, Аня. Я Алексей.

Она ухмыльнулась и упрямо сказала:

– И все же я помогу выздороветь вашему щеночку.

И тут Стени вышла вперед:

– Как ведьма может помочь кейнару?

– А что ведьма делает в обществе двух кейнаров? – с улыбкой отпарировала Энн.

– Мы не нуждаемся в твоей помощи.

– Я в этом не уверена.

– Если мы собираемся прогуливать лекцию, лучше сва-

лить отсюда, – подала голос Кори. – Скоро профессор придет.

Мы спустились на первый этаж в гробовом молчании, после которого я задал Энн вопрос:

– Что именно ты знаешь?

– Ты самый настоящий Энгельгардт. Один из. Их нынче много развелось.

– «Один из»?

– А ещё я знаю, что у вашего «щеночка» большие проблемы.

– Такие же, как у всех новообращённых кейнаров, – холодно ответил я.

– Нет, мой дорогой Кай. Я видела его недавно. И прочитала по глазам будущее.

Я не выдержал и расхохотался. Присутствующие в пустом холле студенты удивленно обернулись. Вот к чему я никогда не относился серьезно, так это к гадалкам.

– Ты откуда вообще? – Стени не сдержала улыбки.

– Из Угрора, далекого города на севере нашего мира.

– Государство Обратней, – пробормотал я. – Ты волкам будущее предсказывала?

Несмотря на усмешки, Энн сохраняла жизнерадостную невозмутимость:

– Хочешь, и тебе предскажу?

Прежде чем я ответил, Кори пробормотала:

– Предсказательница, значит... И что же за проблемы

у нашей собаки?

– Если понадобится моя помощь, я на связи, – очаровательная улыбка: – А я опаздываю на лекцию.

И развернувшись, скрылась в темноте лестниц. Нам осталось лишь проводить ее взглядом.

Выходя на улицу, Стени скривилась:

– Кто эта стервозная ведьма-недомерок?

– Понятия не имею, – искренне ответила Кори.

Я сохранял молчание и ни капли не сомневался, что Энн здесь не учится. Как и где-либо еще.

Домой пришлось добираться частично на моих ресурсах, частично своим ходом.

Войдя в квартиру, первое, что мы услышали – звон цепей и бессмысленное мычание. Толя сидел на полу, с прикованными к стене руками и поджатыми под себя связанными ногами. Моя улыбка прибавила ему сил, и через секунду кляп валялся на полу. Взгляд парня, явно нечеловеческий, не сулил ничего хорошего.

Я люблю наблюдать за новообращенными кейнарами – у каждого развивается своя, неповторимая форма демонизма. Толя был похож на оборотня, которому не удалось обратиться в волка. Изрядно почерневшие глаза блестели от негодования, рот приоткрылся в оскале... И вдруг я увидел то, что очень удивило. У парня вытянулись клыки. Немного, но все же.

– Откуда у нас кандалы? – с интересом спросила Кори,

прислонившись к стене и сложив на груди руки.

– Кай, мне кажется, он собирается тебя сожрать, – Стени присела перед Толей и присвистнула. – Толян, я тебя таким злым первый раз вижу.

Парень покосился на меня и процедил:

– Я ему руки отрежу его чертовыми кинжалами...

Глаза Кори округлились. В голосе Толи появились новые нотки. Тихие. Угрожающие. Опасные.

– Не выйдет, – я пошевелил пальцами некогда оторванной руки. – Отрастет.

– Но зачем? – спросила Кори. – Что он тебе сделал?

– Что он мне сделал? – прошептал Толя и внезапно взорвался, резко поддавшись вперед: – Что *он* мне сделал?! Да ты отнял у меня жизнь! Я жил нормально, я нашел Кори, я ее добился. Считаешь, я так просто ее отдам?! Да пошел ты! Думаешь, стоит тебе появиться, и все тут же падут ниц?! Я так и вижу этот пафос на твоей чертовой роже. Ты не воспринимаешь человеческую расу как нечто серьезное, и меня в том числе. Я тебя разочарую, дружок. Ты глубоко ошибаешься. Мы способны на нечто большее, чем безропотно исполнять твои желания.

– Толя... – испуганно прошептала Стени и отошла подальше.

Парень словно преобразился. Он казался выше и крепче, а лютый огонь в глазах делал лицо старше.

– Я все понимаю, – процедил он. – Ты был с ней до ме-

ня, и после какой-то чертовщины внезапно вернулся, – Толя оскалился и покачал головой. – Но я не брал Кори в аренду на три года. И ты не мой арендатор, а она – не предмет аренды. И так просто прийти и *взять* у тебя не получится. Учись играть по-честному.

Из глубин души что-то поднималось. Медленное, плотное и темное, не дающее нормально дышать и мыслить. Толя улыбнулся и сильно дернул цепями.

Они разорвались. Я застыл, думая, как такое могло случиться. Отсырели за три года?..

Парень невозмутимо встал. И продолжая улыбаться, метнулся к Кори и поцеловал, крепко прижав к себе. Девушка вскрикнула и оттолкнула его, отпрянув. Толя чуть не упал, но устоял на ногах, продолжая мрачно улыбаться.

– Ты совсем, что ли?! Очнись! – заорала она и повернулась ко мне. Выражение лица тут же изменилось. – Нет, нет, нет...

Она бросилась ко мне.

– Кай, прости его, он не в себе. Это приступ демонизма, только и всего, Кай...

– Только и всего? – Толя тряхнул кулаками с остатками цепей. – Не-е-ет, дорогая. Ты ошибаешься.

– Прекратите оба, – резко сказала Стени.

Я отодвинул Кори и вышел к щенку, посмотрев ему в глаза:

– Что ты сказал?.. Повтори-ка.

Парень открыл рот, но тут же недоуменно закрыл его. Гла-

за тут же округлились, и он схватился за горло, пытаясь сделать вдох.

– Что? Я не расслышал.

– Кай, прекрати! – крикнул кто-то.

Но картина мира сузилась до нас двоих. Я наклонился над Толей и подставил ухо:

– Ну же, малыш. Скажи громче.

Парень посинел и упал на колени, издавая невнятные звуки.

Внезапно я почувствовал что-то не то. С каждым вдохом количество воздуха уменьшалось, словно кто-то заклеил гортань скотчем. Я смотрел на Толю, который начинал чаще дышать и расплываться перед глазами. Я поднял руки к горлу. И понял, что душу сам себя.

– Кай!

Кислород перестал поступать в организм. Легкие одновременно разрывались изнутри и давились снаружи. Тупая боль наполняла их, как бидоны с водой. Я понял, что ничего не вижу. Голова обо что-то ударилась, тут же наполнившись тяжестью. Из внешнего мира доносились невнятные звуки. Мозг отказывался их обрабатывать, погрузившись в панику.

Он душит сам себя. И не знает, как это остановить.

Боль вспыхнула в боку. Звуковой фон на секунду оживился и снова затих. Затем опять – толчок, вспышка боли, звука и света... и затишье. Мозг понял, что его тело бьют, и запаниковал еще сильнее.

Потом исчезли и звуки, и вспышки, и паника. Я чувствовал только немое давление магии, извращенной и неправильной, исходящей не извне, а изнутри. Она пыталась убить себя, вывернув и задушив.

Океан.

Я увидел его внезапно. Бесконечный, сине-черный океан, не имеющий дна и размера. Белая полоса песка вдоль берега. И словно искорка во мраке, где-то на горизонте вспыхнула она. Как уголек в остывшем костре. Как одинокая лампочка на погасшей гирлянде.

Пятая стихия.

В мозгу что-то перевернулось. Это была пятая стихия, но какая-то не та... Но ухватившись за нее, я тут же понял, что надо делать.

Заклинание удушья отразилось от Толи и пошло на меня, проникнув спутанной и перевернутой версией. Надо «отзеркалить» его, вывернуть еще раз, сделать таким же неправильным, как и вся магия в моем сознании. Не чувствуя своего тела, я напрягся.

И сделал вдох.

Мир и все чувства тут же прояснились, вспыхнув волной света и звуков. Комната, стул, вешалка, два испуганных лица, одно довольное. Волосы белые, черные и русые. За окном день. Холодно. Пахло отполированным деревом со слабой примесью пота и сирени.

За долю секунды мозг пришел в себя, и вместе с миром

взорвалась пятая стихия. Она поразила того, на кого я смотрел. Русский прислонился к стене, держась за голову. Перед глазами, как бешено пролистанные страницы книги, пронесли все его мысли и воспоминания, будто я опять стал Ищейкой.

Испугавшись этого, я отпустил парня. Он упал без сознания.

А я больше ничего не чувствовал. В ушах зазвенела пустота.

– Кай? – позвала Кори и помогла мне подняться. Оказалось, я лежал на полу. – Что это было?

– Я не знаю... – хрипло пробормотал я, и, покачиваясь, направился в кабинет. – И не идите за мной. Оставьте. Я... я сам.

Понимая, какой бред несу, я поспешно закрыл дверь и сел. Ощущение было такое, словно меня побили раз десять об косяк, и заставили бегать, одновременно решая экзамен по математике. Я мотнул головой и откинулся на стуле, массируя виски.

Ну и что же, собственно, произошло?!

Все время до заката я провел с Люцифером в полях. Надо было снять напряжение и устаканить мысли. Я так и не понял, что произошло. Почему я то чувствую пятую стихию, то нет. И в любом случае не могу ее контролировать, словно это не магия, а рыба, выскальзывающая из рук. Почему простей-

шее заклинание удушья отразилось от Толи и пошло на меня? Такое бывает, но... если это действительно ошибка, или на противнике щит, заклинание отражается сразу. А здесь оно подействовало, парень начал задыхаться... а потом что-то произошло. И Толя словно направил магию в другую сторону, владея совершенно иной стихией.

Я не любил чего-то не понимать. Поэтому благополучно исчез из дома и направил мысли на работу с конем. А на обратном пути захватил в кафе еду на вынос, и только тогда понял, что последний раз ел в пять утра.

Чтобы не создавать неудобств, я телепортировался прямо в кабинет. И стоило мне сесть поудобнее и развернуть аппетитный сверток, как в дверь вежливо постучали.

– Кай? Можно войти?

Голос Кори звучал взволнованно.

– Угу, – пробубнил я с набитым ртом.

– Я думала, ты работаешь... – удивленно сказала девушка.

– А это не так?

Она подошла и села рядом. Я протянул Кори кусочек, но она отказалась. И облокотившись на стол, просто смотрела.

– Фто?!

– Я жду, когда ты прожужьешь.

Я поспешно проглотил еду и спросил:

– Что такое?

– Ты сейчас вменяемый?

– Угу.

– Толя пришёл в себя около трёх часов назад. Но он по-прежнему демон.

Я удивился:

– Так долго?

– Да, – Кори вздохнула. – Но он не орёт на всех, а мучается от головной боли. Мне вообще кажется, что Толя бредит. То ему жарко, то холодно, то закричит ересь какую-то, то вообще захнычет. А когда приходит в себя, говорит про клан. Я бы списала все на приступ демонизма, но это продолжается слишком долго.

– Какой клан?

– Я о таком не слышала. «Знающие».

Я задумался. Знающие? Знающие...

– Фигня какая-то. Что еще?

– Последние двадцать минут он не приходит в себя. Это смахивает на лихорадку. Мы все перепробовали, ничего не помогает. Даже Стени не знает, что делать.

Я нахмурился. Молча прожевал ещё один кусок.

– Где он?

– У нас на диване.

Я неохотно отложил добрую половину ужина и направился в гостиную.

Вид у Толи, мягко говоря, был не очень. Он лежал ничком на диване, ворочался в агонии, стонал и постоянно что-то бормотал. Рядом в кресле сидела измотанная Стени, по-

ложив голову на руки. Увидев меня, она на секунду приподнялась и тут же опустилась.

Я подошёл к парню, положил руку на лоб. Тот пылал. Открыл глаз: зрачок узкий, белки красноватые. Прислушался, что бормочет – бред сумасшедшего.

– И долго это с ним?

– Очень.

– Что пробовали?

Стени перечислила. Неиспользованными из её списка оставались единицы – два заклинания, что мог сделать только я. Все остальные – пятая стихия. Я попробовал на нем эти два заклинания. Никакого эффекта.

– Я не понимаю. Его тело просто не принимает их, будто в нем кто-то сидит и отталкивает. Но он вроде свободен... – пробормотал я, параллельно связывая ситуацию с утренними событиями.

– Вроде?

– Я уверен.

Внезапно Толя изогнулся и крикнул:

– Уйдите! ОТВАЛИТЕ ОТ МЕНЯ!

И затих. Я кинулся к нему, пытаюсь понять, в чем дело. Толя не дышал. Пульс не прощупывался. Губы начинали синеть.

– Кай, что с ним?!

– Он умирает.

– В смысле?! – Стени вскочила и протиснулась к больно-

му. – Почему? Что ты сделал?!

– Ничего.

– ТАК СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ!

В суматохе я невольно полез в карман штанов... и неожиданно нащупал там бумажку. Вынул, посмотрел. Кто-то вывел ручкой: «Энн». И номер телефона.

Не раздумывая, я протянул бумажку Кори:

– Возможно, это его последняя надежда.

Она незамедлительно позвонила.

У Толи было восемь минут, чтобы выкарабкаться с того света. Энн стояла посреди комнаты через две. Вопрос, как простая гадалка может так быстро и четко оказаться в пункте назначения, я оставил на потом.

– Я же говорила, – Энн оглядела всех с насмешкой. – Вам понадобится моя помощь.

Но веселость быстро исчезла, стоило ведьме увидеть Толю. Она подошла к больному и склонилась над ним. Провела рукой. Что-то забормотала.

Понимая, что ничем не помогу, я сел в кресло и стал наблюдать. Низенькая, пухленькая, с полными губами и румяными щечками она походила на безобидный пельмешек. Но кулон на шее в виде пентаграммы со светящимися шариками между зубьями и татуировка со змеей, которая обвивала левое запястье и переходила на указательный палец, навели на размышления. Стены стояла рядом и пристально наблюдала. Кори держалась в стороне, недоверчиво погля-

дывая на ведьм. Энн водила над парнем руками и бормотала без конца заклинания на незнакомом языке. Странно. Я знаю много языков, но этот не слышал ни разу.

Она колдовала над Толей минут десять, и длинные молочные волосы спадали парню на лицо. Я уже собрался встать и высказать все, что о ней думаю...

Но внезапно Толя глубоко вдохнул. Он задышал. Бледность проходила, губы из серо-синих становились бледно-бежевыми. Парень широко открыл глаза и прошептал, глядя на Энн:

– Ты кто?

Ведьма не ответила и отошла, предоставив Стени и Кори радоваться, приводить Толю в чувство и отпаивать его чаем. Я же поднялся с кресла и подошел к Энн, тихо спросив:

– Это магия, которую я не знаю?

– Не всем дано понимать древние заклинания оборотней, – загадочно протянула девушка.

– Говори яснее.

– Ты даже не поблагодарил меня. Но с сегодняшнего дня ты будешь относиться к гадалкам более миролюбиво, я права?

– Хватит отходить от темы.

– Как же ты нетерпелив, Энгельгардт. Мне это даже нравится. А что до твоего друга, на нем лежит древнее проклятье. Такое же древнее, как и магия, которой я владею. И которой не владеешь ты.

– Я не почувствовал никаких признаков проклятья.

– Проклятье? – испуганно спросил Толя. – Вы о чем?

– Молчи! – прикрикнул я и снова обратился к Энн. – Как ты это определила?

Ведьма сокрушительно вздохнула:

– До тебя ещё не дошло? Ты не владеешь этой магией, как кейнар, управляющий огнем, не владеет водой. Ты не мог её почувствовать, поэтому не заметил и проклятья.

– Тогда почему его не почувствовала я? – недоверчиво спросила Стени. – У меня такая же магия, как и у тебя. Человеческая.

Этот вопрос застал Энн врасплох. Она запнулась и несколько секунд пристально разглядывала Стени. Та в ответ смотрела ей в глаза, спокойно и ровно. Многие бы отверли взгляд. Но не Стени.

Тогда Энн ответила, осторожно подбирая слова:

– Я владею магией намного дольше, чем ты. И я знаю больше. Тем более ты обучалась у ведьмы, которая жила с кейнарами, поэтому твоя магия похожа на стихийную. А меня обучали с трёх лет ведьмы, которые жили в древнем клане оборотней. Поэтому наши знания, силы и сама магия различны.

– Разве у оборотней есть сильная магия? – невзначай спросила Кори, переключившись с Толи на общий разговор.

Энн почему-то взглянула на меня:

– Только у самых древних родов, которые сохранили знания о далёком прошлом. Когда-то оборотни владели магией,

не уступающей Стихиям. Но потом произошёл Раскол, магия вампиров и оборотней была утеряна, а все знания забыты. Только единицы помнили. Единицы из этих единиц сумели передать искусство потомкам.

– И вампиры владели магией? – изумилась Кори.

– Но как Раскол повлиял на оборотней и вампиров? – задал я встречный вопрос. – Это ведь была чисто кейнарская перепалка?

Энн усмехнулась, медленно подошла к дивану и опустилась рядом с Толей. Тот смутился.

– Я говорю не о Великом Расколе, когда произошла гражданская война между кейнарами ангелами и демонами. Нет. Я говорю о Первом Расколе, который произошёл намного, намного раньше, в то время, когда вампиры и оборотни жили бок о бок. Когда никто не знал, кто такие эльфы и авасарры, а у кейнаров было своё государство...

Увидев мое лицо, она замолчала.

– У кейнаров не было своего государства, – отчеканил я, окончательно разочаровавшись в благоразумности гадалок. – Никогда.

Энн вздохнула и обратилась к Кори:

– Напомни-ка, сколько лет он живет на свете? – не дождавшись ответа, ведьма повернулась ко мне: – Было, мой дорогой Кай. Сильнейшее государство. Оно и сейчас существует.

– Вы там в Угроре едите мухоморы? Где оно существует? В эльфийской сказке?

– И она гласит, что предками всех нынешних государств были две великие нации. Кейнары образовали Каронейскую Державу. Оборотни и вампиры – Государство Двух Наций. Они жили бок о бок тысячи лет, пока не произошел Первый Раскол. Кейнары захотели чуть больше, чем половина материка, и пошли войной на соседей. Пятая стихия быстро все сделала. Кейнары завоевали вампиров и оборотней, на тысячи лет став абсолютными правителями материка. Орден Охотников, прототип Ищеек, веками истреблял магов вампиров и оборотней. Им это удалось. Их магия пропала.

– Ты хорошо выдумываешь, не спорю. Но в кое-чем ты просчиталась. Как пять существ смогли захватить весь материк и истребить столько магов?

Энн оставалась невозмутимой:

– Я удивляюсь. Ты так долго был Ищейкой и ничего не знаешь. В Каронейской Державе пятая стихия была распространена повсеместно. Она считалась такой же, как огонь, вода, земля и воздух.

– Энн, я прошу прощения, но...

– Кай, послушай, – вдруг вступилась Кори. Ведьма благодарно кивнула:

– И только потом произошел Великий Раскол, известный каждому ребенку. Вас учат, что никакого государства не было, кейнары ангелы пошли против демонов, и это кончилось плохо. Это не так. В Каронейской Державе произошла гражданская война. Кейнары ангелы пошли против демонов, все

так, но... пятая стихия была и у тех и у других. Возможно, без нее все кончилось бы лучше, но не нам изменять прошлое. Пятая стихия пошла против пятой стихии. Не в масштабе пяти отдельных кейнаров. А многотысячных армий.

Против воли я слушал, стараясь не пропустить ни слова. Об этом не писали ни в одной книге. Не рассказывали ни в одном городе.

– Можете представить, что произошло, – неспешно продолжила Энн. – Пятая стихия выжгла *всех* своих обладателей, тем самым исчезнув из мира. Великая держава развалилась, кейнары расселились по свету, а оборотни и вампиры заняли освободившуюся территорию, и до сих пор не могут поделить земли. Они уже забыли, что когда-то воевали против общего врага. Теперь кейнары живут сами по себе и тоже не помнят, что когда-то были единой державой.

– И спустя много сотен лет родился первый кейнар с пятой стихией, – задумчиво пробормотал я.

– Бальтазар Архейдог, – произнесли мы одновременно. Энн улыбнулась и добавила: – Да. Бездна решила, что во избежание подобного уничтожения целой стихии, отныне владеющих ей только пять. Не больше.

В ее словах было много недоделок, но гораздо больше правды, которая идеально вписывалась в общеизвестный сюжет. Я вспомнил несколько случаев, когда оставались считанные дни до рождения шестого Ищейки. Все удивлялись и радовались, что бывают исключения. Но на следующий день

одного из ордена находили мертвым, и причина смерти напоминала именно «выжигание». Никто не понимал, что происходило. Почему здоровое существо, которое накануне уплетало оленя за общим столом, наутро оказывалось мертвым.

И «шестой» родившейся Ищейка, так или иначе, становился пятым.

– Откуда ты это знаешь? – спросила Стени.

– Я же сказала. Меня воспитывали в одном из выживших еще с тех времен кланов, который сумел сохранить знания.

– Тогда зачем рассказывать такое? Ты знаешь нас не больше часа!

Я поднял голову, ибо хотел задать тот же вопрос.

В глазах Энн снова блеснула хитреца. Если это представление часть какого-то плана, то это он просто гениален.

– Еще существуют люди, которые искренне хотят помогать, – она смотрела на меня. – Я не знаю, кто наложил на вашего... как тебя зовут?

– Толя, – буркнул парень.

– ... На Толю проклятье, имеющее отношение к моей магии. Но я почувствовала его, а также то, что юноша будет страдать при каждом приступе демонизма. Я не могу снять его полностью, не могу обучить вас, но в силах заглушать проклятье, как сейчас, – она потрепала Толю по волосам. – А еще я знаю, что вы не бросите мальчика. Поэтому встречаться мы будем часто, и лучше нам подружиться сразу, не так ли?

Вопрос Энн повис в воздухе, как невидимая гиря.

– А если ты не будешь приходить? – тихо спросила Стени.

– Он умрет, – беззаботно ответила ведьма и встала. – Я уверена, мы еще познакомимся поближе. Звоните. Всем спокойной ночи.

Последнее слово раздалось одновременно с хлопком двери. Стало тихо. Мы сидели вчетвером и смотрели друг на друга. Стени на Кори и обратно. Глаза Толи обводили всю комнату и возвращались на второй круг.

Я же смотрел только на парня. Он это понял, и начал регулярно отводить взгляд на девушек.

– Угрозило же меня, – проговорил я, не скрывая злобы, – позволить тебе стать кейнаром. Я планировал завтра утром уехать в Аскатрал с Кори, максимум захватив с собой Стени. Чувствую, теперь нам придется ехать туда вшестером. Мы втроем, Толя и его эскорт: нянька Хатон и домашний врач Энн.

– Кай, прекрати, – прошипела Кори. – Мы останемся здесь, пока все не устаканится.

– С каждым днем тут становится все жарче и душнее. У меня скоро глаза вытекут от лицемерия этого расплавленного стекла и бетона. Я не собираюсь здесь оставаться из-за него.

– Тогда останься не из-за него, а из-за меня. Потому что я не собираюсь бросать Толю в таком положении. Можешь ехать в свой Аскатрал один, если не хватает терпения подо-

ждать еще две недели.

Стени и Толя потрясенно отмалчивались, наблюдая. Я еще собирался что-то возразить... Но последняя фраза Кори добила все:

– Я ждала тебя три года. И готова подождать еще две недели. А ты?

ГЛАВА 9

С того вечера прошло три полных дня. Лето вступило в последнюю стадию разгона, и с утра до вечера стояла удрушающая жара, прямо назло Каю. Толя же испытывал странные чувства. У парня постоянно болела и кружилась голова, и он не думал, что от погоды. А настроение менялось с такой же скоростью, как у пятнадцатилетнего подростка. Толю это пугало, а также новое, причудливое самоощущение. Когда парень злился, то чувствовал себя раз в двадцать сильнее и увереннее, и никакие там двухтысячелетние кейнары с одинаковой фамилией его не смущали. Он злился на все, начиная с конкретных людей и заканчивая травой. Толя злился даже на ручки и кофе, хотя не особо понимал, за что. Но так же внезапно, как и начиналась, злоба проходила, и его накрывало грустью и бездарностью существования, граничащей с мизантропией. И чтобы не чувствовать себя моральным уродом, парень бросался помогать всем, кого видел. В большинстве случаев ничем хорошим это не заканчивалось. И Толя начинал злиться. На людей, которые ноют о помощи и не принимают ее, потом на траву, по которой они ходят, на не пишушую ручку и плохой кофе.

А потом все начиналось снова. Кори бормотала что-то про становление кейнара, Кай вообще с ним не разговаривал. Он тоже пугал Толю. Раньше парню казалось, что кей-

нару нравится его учить. Он видел в глазах Кая восторг, когда у него что-то получалось. И если честно, из обширного курса его занятий упражняться с сеникой парню нравилось больше всего...

До того вечера, когда его угораздило пережить клиническую смерть и перечеркнуть все планы Кая одной жирной чертой. Каждое утро Толя видел эту ненависть во взгляде, сухие, односложные ответы и откровенный садизм.

Парень понимал, что от перспективы быть разрубленным пополам его спасает только Кори.

А вот Энн ему нравилась. Они сдавали последний экзамен в один день, случайно встретились и пошли гулять по городу. Ведьма много знала, рассказывала парню о простой жизни в параллельном мире и даже пообещала, что съездит с ним туда, чтобы не нервировать Кая и Кори. Толя был не против. В отличие от кейнаров, ведьма нормально к нему относилась, и ее судьба в качестве домашнего врача парня ничуть не смущала. Даже радовала.

Они встретились еще два раза, и Толя окончательно понял, что его тянет на беловолосых.

В последний, 23 июня, они гуляли перед занятием Хатона. Энн пошла с ним. Обитал брат Кая в какой-то обшарпанной пятиэтажке на окраине. Казалось, что более или менее сильный ураган положит дому конец, или он быстрее свалится от жары.

– Какой кошмар, – скривилась Энн. – И он здесь живет?

– Я бы не назвал это жизнью, – ответил Толя. – Скорее существованием.

В подъезде царила прохлада. Зайдя внутрь, оба облегченно вздохнули. Энн не собиралась заходить в квартиру, но и расставаться тоже. Они поднялись по лестнице на третий этаж...

Хатон выбрасывал мусор, впервые за четыре дня. Он никогда не смотрелся в зеркало, да его и не было у кейнара, но соседи, которые его видели, говорили, что Хатон выглядит как подвыпивший хиппи. Его верный падаван Толя разделял их мнение. В принципе, он был единственным, кто видел кейнара. Остальное время Хатон посвящал чтению высокой литературы и поиску себя.

Поэтому Толя был удивлен, застав учителя за полезным делом. Учитель тоже удивился, увидев подружку Толи.

– Что ты здесь делаешь? – без эмоций спросил он, спуская мешок в мусоропровод.

Кейнар шаркнул тапочками и подтянул пижамные штаны. Хатон даже крылья не пытался маскировать.

– Пришел на занятия, – недоуменно ответил Толя.

– Да не, не ты, – вяло отмахнулся Хатон и ткнул длинным пальцем в Энн: – Ведьма. Беловолосая. И наглая.

– Даже не предложишь зайти? – проворковала та в ответ. Ее ничуть не смутила эта неожиданная встреча.

И Толя с изумлением понял, что они знакомы. Кейнар, как мог, ухмыльнулся половиной лица. И прихрамывая, побрел

в квартиру. Парень давно привык к жутковатой внешности Хатона, но когда он так ухмылялся, Толю пробирала дрожь.

Еще он разозлился на Энн, которая перестала обращать на него внимание, от слова совсем. И на кофе за пять рублей, которое она невозмутимо развела в чашке, пробравшись через завалы книг, упаковок от готовых ужинов и белья. Хатон с блаженным вздохом опустился в кресло, которое успело приобрести контуры его фигуры, откинул длинные пакли с лица и расплылся в улыбке:

– Может, беловолосая фея останется посмотреть, как падаван учится Силе?

– С удовольствием, – Энн взяла табуретку и уселась. – Толя много успел мне рассказать.

– Вы знакомы с того вечера, когда тебе стало плохо, джедай? – протянул кейнар, как будто это не Толя хотел задать ему тот же вопрос.

Хатон называл его как угодно. Падаван, джедай, человек, малыш, зайчик, мальчик, ребенок и еще миллионом нецензурных слов на десяти разных языках. Но только не по имени. Оно ему не нравилось.

– Да, – буркнул Толя и покосился на Энн. Та подмигнула. – Вы, я смотрю, тоже.

– Это уже не твои дела, малыш, – протянул Хатон, поднял с пола толстую книгу и открыл на заложенной странице. – Урок девятнадцатый. Лови.

И кинул сборник Толе. Парень поймал на лету и помор-

щился.

Он не любил занятия с Хатоном. Школьник мог преподавать и то лучше, чем кейнар. Все их уроки сводились на «давай ты придешь, считаешь книгу, и если что-то будет непонятно, спросишь у меня». Зачастую Хатон не мог толково ответить на вопросы, а их было много. И когда Толя выражал свое недовольство, кейнар начинал беситься и раздраженно ходить по комнате, поражаясь тупоголовости нынешнего поколения.

Сейчас, при девушке, Хатон удостоился пяти минут теории. Один раз показал на практике, как разбивать не весь горшок, а в определенном месте, и чтобы трещина была нужной ширины и глубины. И все. Дальше сам. Толя чего-то не понял? Пошел он в бездну, ведь нужно быть тупым бараном, чтобы не понять! Что-то не получается? Даже умственно отсталый десятилетка может это сделать, а Толя тогда кто? Правильно, жуткий набор слов, звучащий как плевков и харканье одновременно. Популярное ругательство на керском.

Толя тоже не хотел унижаться при Энн. Поэтому молча придвинул глиняный горшок, которых они закупили сотни, и с головой погрузился сначала в попытки понять, а затем применить заклинание. Прошло минут двадцать, прежде он понял, и еще десять, чтобы применил. На краю сознания Толя слышал тихий разговор Энн и Хатона, но не особо вникал.

Когда у парня вышла третья идеальная трещинка, он до-

вольно улыбнулся и решил посидеть еще немного, пристально изучая глину. А сам прислушивался к разговору.

– ... Ты не откажешь мне в помощи? – ласково спросила

Энн и вздохнула: – Одной маленькой-маленькой услугой.

– А что я получу взамен?

– И кто же из нас наглый?

– Ты, конечно же.

Толя почувствовал, как ведьма расплылась в улыбке. И услышал позвякивание металла, когда она передала что-то в руки Хатону и крепко сжала его кулак.

– Ты можешь сказать своему брату, что ваша мать жива?

Повисло молчание. У Толи что-то зашевелилось внутри.

Смутное предчувствие беды.

– Что? – последовал ответ.

– Скажи своему брату...

– Что за чушь? Она пропала без вести кучу лет назад!

– Она мертва, я знаю, – с упором продолжила Энн. – Но ты *должен* это сделать. Сыграй хорошего актера, ты это умеешь. Изобрази, что сам свято в это веришь, а узнал только сейчас, неважно от кого. Но она ждет вас обоих в назначенном месте. И приведи туда Кая. Разве это так сложно?

– И зачем мне это?

Толя насторожился. Энн на секунду задумалась, но отвечать ей не пришлось. Вскоре Хатон небрежно ответил на свой вопрос:

– Хотя я никогда не против. Последний раз я солил брату

целых три года назад, вот только... что ты с ним сделаешь? Это не смертельно?

Энн рассмеялась:

– Нет, конечно же. Ваша мать – приманка, потому что меня Кай не послушает, а за тобой в жизни не пойдет. А одному человеку надо с ним поговорить. Вот и все.

Толя выложил бы все его сбережения, что Энн не договаривает. Внутри все стянулось в тугой узел. Он больше не мог спокойно смотреть на трещины в горшке.

– Ладненько, сделаем. И что нужно тому человеку? Я волнуюсь за брата.

– Ответы.

Хатон рассмеялся. Энн тоже. Толя не выдержал, встал, протянул горшок кейнару и вышел из квартиры.

Его никто не остановил. Через минуту парень уже несся к дому Кая. Он хотел предупредить его и Кори о том, что услышал. Толе жутко не нравились их планы. Он нутром чувствовал.

Парень весь взмок и тяжело дышал, когда оставалась одна улица. Он уже видел их балкон, на котором сушилась чья-то футболка, когда путь внезапно преградили.

– Дай пройти!.. – Толя отпихнул крупного мужика, застрявшего как вкопанный.

Но тяжелая рука тут же опустилась парню на плечо и сжала. Так, что тело отозвалось чудовищной болью. Толя понял, что не может шевелиться и медленно опускается на асфальт.

Он только глядел на этого человека, бессмысленно ворочая языком. На грузной руке была набита змея, а с шеи свисал такой же медальон, как у Энн. Он равнодушно смотрел, как Толя теряет сознание.

– Кто т-ты?.. – сумел еле слышно выдавить парень.

– Знающий.

ГЛАВА 10

– Нет, я не могу! – сокрушенно бросил Кай. – Я много чего умею, но заплетать косички, это...

Когда очередная резинка лопнула, кейнар взвыл и уперся лбом в мой затылок. Тихо засмеявшись, я отодвинула его и за минуту заплела две косы, сложив ободком на голове с помощью шпилек. Кай сидел на кровати, поджав ноги, и с недоумением наблюдал:

– Не могу понять, как вам это удается.

– На то мы и женщины, – я улыбнулась зеркалу. – У тебя когда-нибудь были длинные волосы?

– Были.

– И как ты их заплетал?

– Обычно в хвост. В редких случаях делал косичку, но только на кончиках. И то, она выходила больше похожая на... Я даже слова такого не знаю на русском.

– Все с тобой понятно, за два тысячелетия так и не научился заплетать косички.

– Это выше моего понимания... – усмехнулся кейнар и откинулся на подушки, закрыв глаза и молча улыбаясь.

– Кстати, я купила два билета на фестиваль фейерверков.

Он открыл глаза:

– Куда?

– Салют. Знаешь такое слово?

Кай задумался:

– Видел когда-то давно, не особо впечатлило.

– Сейчас технологии двадцать первого века. Я уверяю тебя, не пожалеешь.

– И когда это?

– Через полтора часа начало.

Повисло молчание. Кейнар глянул на стену и пробормотал:

– Очень своевременное предложение...

Я обернулась с расческой в руках:

– Только не говори, что ты не едешь.

– Я потому и молчу.

– Кай! Ты не представляешь, какое это зрелище. Десять стран со всего мира приезжают на ежегодные соревнования со своей индивидуальной программой и устраивают шоу фейерверков под музыку. То, что ты видел в древнем Китае, не идет ни в какое сравнение.

По лицу кейнара стало понятно, что он не впечатлен. Жара плохо на него действовала, как на здоровье, так и на настроение. Не знаю, как Кай жил столько лет в Авасаррском королевстве, где днем температура под сорок, но это явно не его климат. Кейнар просыпался в четыре, гонял Толю и в восемь уже сидел дома под кондиционером, работая над своей стихией. Следующий выход на улицу осуществлялся не раньше девяти вечера.

И все же после недолгого раздумья Кай смягчился:

– Хорошо. Осталось уговорить Люцифера.

– Зачем?

Кейнар беспомощно поднял руки:

– На транспорте мы не доберемся, а...

– Есть метро! И...

Его взгляд при слове «метро» заставил меня заткнуться.

Я неуверенно продолжила:

– Если ехать на машине, там всего пара остановок... Ну телепортируй нас тогда!

– Не могу. Я целый день проработал над магией, и на телепортацию двух человек туда и обратно запаса не хватит. Тем более, я не особо представляю себе место. А на коне, да по воздуху...

Через двадцать минут мы сидели на Люцифере – Кай впереди, а я сзади, обняв кейнара за талию. Конь немного протестовал из-за двух наездников вместо одного, недовольно фыркая и прижимая уши.

– Ничего, брат, не развалишься, – утешил его Кай.

Заклинание невидимости, короткий, но мощный разбег – и мы взмыли в воздух. Я вцепилась в кейнара, спрятав лицо от сильного ветра. Пока конь набирал высоту, по бокам непрерывно рассекали воздух громадные крылья, но стоило ему расслабиться...

Ночная Москва с высоты выглядела сказочно красиво. Миллионы огней, озарявшие широкие магистрали и улицы, по которым маленькими точками ездили машинки, и кро-

хотные точки люди сновали туда-сюда. Чёрная лента реки и переливающиеся радугой высотки Москвы-Сити. Мы пролетали мимо них, паря невидимым силуэтом. Облака клубились, окутывая столицу в тёплое ночное одеяло. Свежий июньский ветер обдувал лицо и трепетал крылья. Я раскрыла их пошире, чтобы каждой клеточкой ощутить восторг от полета.

Фестиваль проходил на юго-востоке столицы у берега Москвы-реки, в каскадном парке. В обычные дни это тихий спальный район, но только не сегодня. С высоты ощущался весь масштаб мероприятия. Тысячи людей сплошным потоком шли через входы и рамки досмотра, окружённые сотнями гвардейцев. Посетители усеяли все холмы и газоны, заняв любые просветы и усевшись чуть ли не на головы друг другу. Парк напоминал волнующееся море, состоящее из кишаших в нем людей. Кай даже присвистнул.

Я указала ему на противоположный берег, откуда будут пускать фейерверк. Люцифер сделал пару кругов над парком и решил спланировать на крышу ближайшего дома. Здесь не было толпы и шума, зато открывался прекрасный вид на реку, экраны и пушки, готовившиеся к первым залпам.

– Приехали, – радостно сообщил кейнар, помог мне слезть и отпустил коня.

Тот озадаченно походил по плоской крыше, и, не найдя ничего интересного, улетел щипать травку. Мы же, не сговариваясь, сели на край. Я обеспечила мягкость сидения, а Кай

направил ветер в другую сторону, оставив лишь свежие обдувающие потоки. Он обнял меня рукой и крылом и весело спросил:

– И зачем надо было покупать билеты?

– Ну... Я и не покупала их.

Кай удивленно отстранился и улыбнулся:

– Маленькая обманщица.

– А как мне ещё оторвать тебя от кабинета и заставить куда-нибудь пойти?

– Очень просто, дорогая, – он поцеловал меня в макушку, – Нужно лишь попросить.

Я хмыкнула и собиралась сказать еще что-то, но тут услышала первые отзвуки музыки:

– Смотри! Начинается!

Кай не ожидал ничего интересного, поэтому сидел с видом родителя, который смотрит на мазню ребенка и громко ей восхищается. Он прижал меня к себе и с легкой улыбкой на губах равнодушно глядел на реку. Казалось, кейнар вообще думает о чем-то другом.

Но когда в небо взмыла первая искра и с грохотом взорвалась, Кай вздрогнул и обратил внимание на горизонт. Темноту рассекли тысячи разноцветных шаров, плавно опустившись к реке и растворившись. За ними последовали ещё десять таких же. Заиграла музыка, и залпы то учащались, то замедлялись в такт.

Кай сидел, с немим восхищением наблюдая, как тыся-

чи светящихся искр танцуют и разрываются в воздухе красными, зелёными, синими и фиолетовыми осколками, а потом медленно опадают золотыми и серебряными нитями; как из реки вулканом вырываются ленты света, а в небе расцветают флаги, картины и целые анимации... Лазерное шоу и отражение этого великолепия в реке только придавали эффекта зрелищу.

Вскоре первое выступление кончилось, и наступил десятиминутный перерыв, во время которого другая команда готовилась представить публике свой шедевр. Кейнар продолжал смотреть на небо горящими от восторга глазами, не отрывая взгляда от места, где ещё оставался дым от фейерверка. Потом он повернулся ко мне и тихо сказал:

– Кори, это... Я не ожидал ничего подобного. Это гениально, просто фантастически... И это не магия! Я даже в магии такого не видел...

Я усмехнулась:

– Впереди ещё много команд, так что держись.

Он тихо засмеялся и прижался щекой к моей щеке, накручивая на палец прядь волос. Подняв голову, я подарила ему долгий, приятный поцелуй. И вздохнула. От радости, наверное.

Прошло около часа, может быть, больше, когда последний залп растворился в темноте снопом золотых искр, и весь парк отозвался громким свистом и аплодисментами. Тут же людское море заволновалось и течением направилось по пе-

рекрытым дорогам в метро. А мы с Каем сидели и еще долго смотрели на горизонт, пытаясь переварить увиденное. Чувствую, сегодня мне всю ночь будут сниться фейерверки.

Кай свистнул Люцифера, и мы полетели домой. Когда я зашла в квартиру, часы показывали пять минут второго. Кай тут же вынул из холодильника куриную ножку и уселся на диван читать книгу. Зевнув, я опустилась рядом... и тут же задремала.

Квартиру потряс громкий стук. Я вскочила от неожиданности, оглядываясь по сторонам. Настойчивый треск не прекращался. Казалось, дверь скоро вылетит с петель. Кай поймал мой испуганный взгляд и приложил палец к губам. И отбросив книгу, пошел открывать.

Его снес Хатон. С таким выражением, что сон как рукой сняло. Кай покачнулся и отошел на несколько шагов, лицо удивленно вытянулось. И прежде он открыл рот, Хатон негромко, но четко сказал:

– Наша мать. Она жива.

Повисла тишина. Я нахмурилась, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. Судьбу отца я знаю, а вот матери...

– Хатон, ты не выглядишь пьяным, – скептически протянул Кай. – Но, похоже, это так.

– Я не шучу, – нетерпеливо ответил тот. – Я еще не настолько деградировал, чтобы без повода врывать к тебе в полвторого и говорить такое!

Кай оставался непроницаемым:

– Наша мать пропала без вести уже как триста восемьдесят лет назад. Я узнал об этом от тебя, будучи в Аvasаррском королевстве, и ты заверил меня, что видел её мёртвое тело в снегах Бузгура. С какой стати она должна быть жива сейчас?

Хатон не дрогнул под пристальным взглядом брата. И молча протянул что-то в кулаке. Я заметила только свисающую цепочку.

Увидев предмет, который там лежал, Кай озадаченно поднял глаза на Хатона и выхватил. Я встала и поняла, что это кулон. Такой же, что висел на мне сейчас: маленький дракончик с обсидиановым глазом. Только этот выглядел потертым и был обсыпан красными камешками. Кай прикоснулся к металлу и поднял перед глазами. Разобрала только одно слово. Энгельгардт.

– Это не может быть подделкой, – прошептал он.

– Почему? – я аккуратно взяла холодный кулон.

В моих руках Кай перевернул его и погладил вязь. На секунду буквы вспыхнули синим.

– То же охранное заклинание, что я ставлю на все артефакты в Аскатрале. Достань свой кулон, Кори.

Я вынула из-под футболки дракончика и только сейчас заметила, что на нем та же надпись. Кай сказал слова, которые нужно произносить, чтобы «открыть» защиту. Я произнесла и провела по надписи. Ничего не произошло. Эксперимент повторил Хатон, с тем же успехом. Последним к моему ку-

лону прикоснулся Кай, и надпись вспыхнула.

– Заклинание отзывается только на меня. Потому что я ставил защиту на кулоны в виде надписи. Ее невозможно подделать без моего участия.

– Теперь ты веришь мне? – с надеждой повторил Хатон. – Кай, я видел ее! Она...

– Стой, – перебила я. – Как этот кулон связан с вашей матерью?

– Мой отец подарил его ей, как реликвию Энгельгардтов, – ответил Кай, ласково поглаживая металл. – Именно такой, с красными камешками. Она носила его всегда. И исчезла вместе с ним, – зажав подвеску в руке, он спросил Хатона: – Откуда кулон у тебя?

– Она сама передала мне.

– И ты видел её?

Он молча кивнул. Таким серьезным я еще не заставляла Хатона. Кай колебался.

– И она ждет тебя, – добавил Хатон. – Я не вру, брат.

– Может, ты снял кулон с ее трупа, – предположила я. – И все это ловушка. Я уверена, ты способен на такое.

Хатон улыбнулся:

– Тогда я должен уменьшить твою уверенность. На кейнаре, которого я принял за нашу мать в те времена, не было кулона. Я не мог снять его. Это не подделка.

– Не подделка... – отозвался Кай.

– Поэтому не надо задавать глупых вопросов. Идём.

Мы переглянулись. Кай сомневался, я сомневалась еще сильнее. Тем не менее кейнар медленно кивнул:

– Идем.

Я взяла на всякий кинжал. Кай проверил свой, засунул кулон в карман и вышел за Хатоном. Я последовала за ними.

Ветер заметно похолодел, принесся на улицы города облака и ночной туман. Тонкий месяц проглядывал сквозь тучи, исчезая на секунду и тут же появляясь. Хатон быстро шел по темным улицам, иногда срываясь на бег. Мы проходили мимо закрытых магазинов и супермаркетов, еще незастроенных новостроек, напоминающих огромные гробы, пустых бульваров и дорог. Где-то злобно закаркала ворона, и ей ответили ещё несколько. С каждым шагом все сильнее хотелось пойти обратно, но темп Хатона не позволял ни остановиться, ни закричать.

Свернув в какой-то глухой переулок между двумя домами, мы наконец-то встали.

– Где она? – хрипло спросил Кай.

Хатон повернулся к нему лицом. Взгляд янтарно-жёлтых глаз принял насмешливое выражение.

– Прости, братец, – с горечью прошептал он.

– Что за... СТОЙ!!! – закричал Кай и бросился вперед.

Поздно. Хатон исчез.

Эхо его крика отразилось в темных окнах и повернуло обратно. Я недоуменно смотрела на место, где только что стоял кейнар. Изнутри медленно поднималась ярость, грея в сы-

рую летнюю ночь.

– Сволочь!.. – в сердцах прошипела я. Кай сохранял молчание.

Я посмотрела на него, и не увидев лица, огляделась. Из мрака улиц веяло одиночеством и опасной пустотой. Я не понимала, что мне так в них не нравится. Странное чувство нарастало, и смотреть в темноту дворов становилось все тяжелее. Из них что-то сочилось, болезненное и необычное... что-то другое. Чего не должно быть.

Я отошла к Каю и поняла, что испытываю самый настоящий страх.

– Это ловушка, – тихо сказала я и вытащила клинок.

Я не видела его лица, но чувствовала, каких огромных усилий стоило кейнару держать себя в руках. Он не воспринимал ничего, кроме места, откуда исчез Хатон. Плечи мелко подрагивали, ладони сжались в кулаки, а грудь вздымалась при тяжелом дыхании. Одна рука крепко сжимала клинок на поясе. Так крепко, что на предплечье выступили вены.

Я осторожно подошла и прошептала на ухо:

– С Хатоном мы обязательно разберёмся. И ты ответишь ему за это. Но позже. А сейчас надо убираться отсюда.

Кай поднял голову, вдохнул, выдохнул и огляделся. Я узнала взгляд Ищейки, цепляющий каждую деталь, напряженный до предела и готовый сорваться по команде.

– Ты права, – сухо ответил он. – Уходим.

Мы отступали лицом к переулку, и почти вышли на освященную дорогу.

– Стой, – шепнула я, неожиданно что-то заметив.

На одной из улиц появилась человеческая фигура. Я различила в ней девушку небольшого роста. Кай тоже ее увидел и замер.

Силуэт неспешно приближался, пока не вышел к фонарю. Там Энн остановилась. Скрытое капюшоном лицо поднялось и расплылось в зловещей улыбке. Кулон в виде пентаграммы буквально сиял.

Появилось желание убежать. Твердая необходимость. Если бы не кейнар, я бы так и сделала. Но Кай стоял, как скала.

– Я вижу, вы меня узнали, – торжественно сообщила Энн и подошла еще ближе.

Кай бросил ей под ноги «кулон» Хатона и прошипел:

– Отвечай, где ты его взяла. И как связана с моим братом.

Энн невозмутимо наступила на него, прошла еще шаг и остановилась.

– Я думаю, нет смысла отрицать очевидное, – надменно улыбнулась она. – Что вы так переполошились? Я не несу угрозы, а вы выставили оружие, будто бы я не обычная ведьма, а жуткий демон.

– Ты не просто ведьма, – прошептала я.

– А ты умная девочка, – голос Энн неожиданно изменился. – Я не люблю таких.

Кай прикрыл меня вытянутой рукой:

– Что тебе нужно от нас? Зачем этот спектакль? Кто ты?

– Кай, Кай, Кай. Ты сам не знаешь, кто ты такой и что можешь. В твоей голове множество вопросов, на которые ты не знаешь ответа, – сиреневые глаза фанатично блеснули. – И я не знаю. В этом-то и проблема. А что мы делаем с проблемами?

Кай сделал шаг назад, выставив клинок и взяв меня за руку:

– Что тебе нужно от нас, конкретно?!

Насмешливость тут же сдуло. Энн посмотрела ему в глаза и четко ответила:

– Знания.

Никто не успел отреагировать. Ведьма метнулась к нам, срывая с шеи кулон. Кай замахнулся, но вместо него Энн бросилась на меня.

Последнее, что я видела – как кулон становится клинком в ее руке. Золотое, переливающееся лезвие в своей груди. Глаза, синие и фиолетовые. И теплое ощущение руки Кая.

Потом мир расплылся. И исчез.

ГЛАВА 11

В ушах звенело.

Виски пульсировали, боль разрывала голову на части. Я не чувствовал конечностей, словно пробежал сто пятьдесят километров. Знакомый и одновременно давно забытый запах щекотал ноздри. Запах дерева, парафина и старых книг. Сквозь густую мешанину ароматов прорывалась тонкая ниточка – холодный, свежий запах снега.

Я открыл глаза и увидел дубовые доски потолка. Они тускло освещались дневным светом. Больше в поле зрения ничего не входило, поэтому я осторожно сел, за что получил удар головной боли.

Теперь взгляд упирался в стену, тоже обитую дубовыми половинками. А подняв глаза вверх, увидел картину с горами.

Челюсть отпала. Я сам нарисовал ее, очень и очень давно, и повесил во вторую прихожую Аскатрала, которую ещё называл «дубовой»... Но сейчас этого места не существует. Вместо ненужной прихожей теперь продолжение библиотеки.

Мысль шокировала. Я резко вскочил на ноги и тут же чуть не упал. Терпя боль в голове, осмотрелся. Догадки оказались верны. Я стоял в прихожей моего дома в Аскатрале. От дубовой двери маленький коридорчик заворачивал направо, ве-

дя в основную часть дома. Сквозь небольшое окошко лился дневной свет. Около чугунной вешалки ютились столики для канделябров с потухшими свечами. Это было так же странно, как и существование самой прихожей. Я давно не пользуюсь канделябрами.

Рядом с одним таким столиком лежала без сознания Кори. Я бросился к ней и сел рядом, взял за плечи и посмотрел на лицо. Бледное. Дышит плохо, но пульс есть.

– Кори, ты слышишь меня?

Она не ответила. Я осторожно перевернул девушку набок и поправил замаявшуюся куртку. Мы оказались здесь в той же одежде, что и выбежали на улицу за Хатоном. Убедившись, что Кори ничего не угрожает, я встал и направился к двери.

Распахнул.

И тут же захлопнул.

Спокойно. Это глюки от потери сознания. Сейчас я снова открою дверь, и...

Вместо теплого июньского денька в лицо ударил ледяной колючий ветер, занеся внутрь сугроб мелких снежинок. Кажется, за секунду я обморозил все тело. Здесь бушевала настоящая снежная буря, а температура вряд ли поднималась выше двадцати градусов ниже нуля.

Я закрыл дверь и прижался к ней спиной, сползая на корточки рядом с Кори.

– Где мы... и когда? – спросил я девушку. Она молчала.

Какого демона в начале июня в Аскатрале снежные бу-

раны и люта́я зима? Как, если в конце мая росли цветочки в плюс пятнадцать?..

В полном смятении я вышел из прихожей. На каждом углу стояли канделябры разных размеров, висели люстры с подставками для свечей – будто совсем исчезло электричество. В гостиной панорамные окна были закрыты плотными бордовыми шторами; через узкие щели прорывался свет. Пол был устлан сплошным мягким ковром; на дубовом потолке, под которым висела мощная люстра на три десятка свечей, сияла резьба, как и на верхней части стен. На них висели многочисленные картины. В холодном камине лежала старая зола. В большом зеркале над ним отражались мраморные статуи лошадей и подставки для оружия. Вокруг камина расположились стулья и кресла старомодного вида с кушетками для ног и круглым столиком. В одном углу гостиной стоял большой стеллаж с множеством книг, в другом располагался специальный столик для игры в шахматы. Я смутно припоминал, что такой интерьер у меня был где-то в конце девятнадцатого века.

И ни грамма пыли и грязи. Будто здесь убирались еще вчера. Странно.

Очень странно.

Все остальные комнаты и помещения, куда бы я ни заглядывал, были обставлены в том же стиле. В подzemелья я спускаться не решился, пока не приведу в порядок Кори.

Подойдя к окну, глянул в щелку между шторами, и не уви-

дел ничего, кроме белого вихря. Тело пробрал холод. Да, надо бы одеться потеплее.

Ради интереса я вышел в парадную прихожую и заглянул в почтовый ящик. Там лежала газета. Схватившись за нее, как за спасательный круг, я поднес листы к глазам.

Имперский Вестник

Выпуск №27

12/01 от 1894 года

Брови стремительно поползли вверх. 1894?.. Оглянувшись на гостиную, я тут же понял всю странность интерьера.

Спокойно, Кай. Мы в Аскатрале. На улице январь конца девятнадцатого столетия. Все нормально.

Если это чья-то злая шутка, и пока меня здесь не было, кто-то решил устроить исторические съемки, я искренне его поздравляю. Но мебель не выглядит старой. И так изменить погоду не может никто...

От этой мысли стало еще холоднее.

Куда Энн нас отправила?!

Минут через двадцать пришла в себя Кори. Рассеянно озираясь по сторонам, она вышла в гостиную:

– Кай... Что ты делаешь?

Я сидел на полу и метал ножи в Хатона, нарисованного на стене. Откопал я их много. И почти все попадали в цель.

– Пытаюсь сделать из брата дуршлаг, – мрачно ответил я, метнув очередной нож и обругав рисунок.

– Где мы? Это явно Аскатрал, но... почему здесь зима

и такая странная мебель?

Не отрываясь от своего занятия, я кинул ей газету.

– 1894 год? – упавшим голосом спросила Кори.

– Причём январь. Самое лютое время в горах.

– И как мы сюда попали?!

– Спроси у Энн, если увидишь её. Хотя я не собираюсь оставлять ей шанса с кем-либо говорить.

Задумавшись, Кори замолчала. Я отложил ножи, еще раз подошёл к окну и отметил, что буря только усилилась. Девушка приблизилась и обняла за плечи:

– Ты весь трясешься. Не нервничай. Иди сюда.

Мы сели на диван и тут же утонули в нем. Кори посмотрела мне в глаза и спокойно спросила:

– Что ты помнишь?

– Пришла Энн, неся какую-то чушь. А потом сорвала свой кулон и бросилась к нам. Кулон превратился в кинжал. Кори, клянусь, я думал, она атакует меня, но...

И тут я перевел взгляд на ее футболку под курткой. В ней зияла круглая дыра, но на коже не осталось и намека на ранение.

– Но она вонзила в *тебя* этот странный кинжал. Ты отшатнулась, но продолжала крепко держать меня за руку. Больше я ничего не помню.

– У меня примерно те же воспоминания... – пробормотала Кори и добавила: – Как мы оказались в прошлом? Это вообще возможно?

– Раньше я не встречался с таким. Я мог говорить с теми, кто умер в прошлом, но не быть там... это не некромантия, не стихийная магия...

– Она говорила о древней магии оборотней.

Я задумался. Взгляд упал на стеллаж с книгами. Встав, я пробежался по названиям и вынул одну, сев обратно на диван. Том назывался просто: «Магия». Я помнил эту книгу, и быстро пролистал на нужную страницу:

– Смотри. Здесь написано, что вампиры владели магией Времени, но в результате утратили ее. А из-за чего, не написано...

– Всех магов истребили кейнары, – вставила Кори. – Так говорила Энн. – Дальше. Обратни владеют магией Перемещения, между снами, ипостасями и пространством. Последняя была утрачена, опять же, без причины.

– Пространство? Но наш случай больше похож на магию Времени, а это вампиры. Энн обучалась у оборотней. Противоречие.

Я печально усмехнулся:

– Кори, я не думаю, что она когда-то обучалась у оборотней. Она строит из себя человека, и аура у нее человеческая. Но на деле она может быть кем угодно, но я не знаю ни одну ведьму, способную переносить кого-то во времени. Я не знаю. Не знаю!

В голосе против воли сквозило отчаяние. Мозг отказывался воспринимать происходящее более чем за своеобраз-

ную игру.

– Ей нужны знания, – пробормотала Кори. – И проблема в том, что она не знает... Знающие...

– Что ты говоришь?

Девушка подняла сияющие глаза:

– Тебе не кажется, что между этим есть связь? Энн сказала, что ей нужны знания, и проблема в их отсутствии. А Толя во время приступа бормотал про Знающих, и только Энн могла снять с него эту ересь. Знания, знания, знания... Везде они.

Я сделал жест, чтобы она продолжала.

– Что, если существует такой орден Знающих, по типу Ищеек? И Энн относится к нему? И все, что она нам говорила – банальное пудрение мозгов? Ведьма специально что-то сделала с Толей, чтобы мы зависели от неё.

– Не надо было его обращать, – пробурчал я и тут же заткнулся. – Да, здесь есть доля истины. Но это лишь догадки.

После недолгого молчания Кори спросила:

– Так выглядел дом в то время?

– Да.

– Я осмотрюсь немного, ты не против?

– Конечно.

Девушка встала и ушла наверх, внимательно рассматривая каждую деталь.

Я еще долго бродил по всему дому, пытаясь осознать и принять ситуацию. Не получалось. Беря в руки ту или иную

вещь, на ум приходило воспоминание. И не всегда оно было хорошим. 1894 – отнюдь не самый счастливый год. Я бродил по открытой галерее второго этажа, представляя жизнь в то время. Часто приезжали гости, мы устраивали балы, мебель отставлялась в сторону, и все кружились в гостиной. А я молчаливой тенью наблюдал за ними сверху, поддерживая огонь в камине и вежливые разговоры. Я бродил по столовой и кухне, где когда-то дымилась печь и творилась самая настоящая магия под руками мастеров своего дела. Я бродил по комнатам, и с удивлением замечал, что в одной не убрана кровать, со свечей стекал воск, а на столе разбросаны бумаги с недописанными строчками. Такое ощущение, что минутой назад здесь кипела жизнь. А потом все взяли... и исчезли. Лишь в моей комнате почти ничего не изменилось. Только покрывало, смятое под натиском одиноких бессонных ночей. И подушка.

К горлу подступил ком. Я развернулся и вышел. Ноги занесли меня в заднюю часть дома, где вдоль длинного коридора тянулось сплошное панорамное окно. Здесь стояли диванчики и стулья, где можно посидеть и собраться с мыслями. Я опустился на один из них и устало вздохнул, глядя на непокорную атмосферу за окном. Горные духи бушевали, посылая на общину волны колючего снега и ветра. Все пространство покрывал белоснежный ковер, и только отвесный серый камень оставался голым.

Я просидел так довольно долго, ни о чем не думая. Про-

сто смотрел, как меняется погода. К четырем вечера начало темнеть, а к шести стояла абсолютная тьма. Буря и не думала уходить. Я сидел в полной темноте, не в силах зажечь свечи в канделябрах – и глядел в такую же темноту.

Вдруг в конце коридора вспыхнула искра. Огонек приближался, становясь все ярче, а силуэт фигуры, зажигающий свечи в канделябрах, четче. Вскоре стало достаточно светло, чтобы спокойно читать и видеть друг друга. Кори села рядом, положив мне на колени тяжелую книгу.

– Пока ты здесь отсиживался, я обошла весь дом и сделала несколько открытий. В городе при такой темноте не горят огни. Ни в одном доме нет света, никто не выходит на улицы. Словно община вымерла. А еще я нашла эту книгу. Здесь все на керском, но название поняла.

Глянув на обложку, я опешил. *«Дневник 1893—1894»*. Место, в котором я записывал каждый шаг и почти каждое слово.

Я провёл над ним рукой, и замок щелкнул. Кори удивленно пробормотала:

– Я так долго пыталась его открыть, а ты...

Пропустив её слова мимо ушей, я быстро пролистал страницы. Пробежал глазами строчки и захлопнул, намереваясь внимательно прочесть потом.

– Эй! Ты даже не скажешь мне, что там написано?

– Ты вроде учила керский, можешь и сама прочитать.

– Я не понимаю твой почерк на этом языке.

Я пожал плечами:

– Потом как-нибудь. Сначала надо освежить знания самому.

И подхватив дневник, встал и молча направился в другую половину дома, из окон которой видно общину. Кори последовала за мной:

– Ты чего такой мрачный?

– А каким я должен быть? Плясать от радости, что какая-то девчонка с неизвестной мне магией закинула нас черт знает куда, во время, когда мир был почти в заднице бездны?!

– Надо быть оптимистичней! Ты хотел в Аскатрал, пожалуйста! Мы в Аскатрале. А еще тут нежарко и даже холодно, прямо как ты любишь.

Я не ответил, дойдя до нужного места. Выглянув в окно на втором этаже, попросил Кори потушить весь свет и взгляделся в темноту.

Долину, в которой располагалась община кейнаров, завалило снегом; буря рвала и метала, затрудняя попытки разглядеть хоть что-то. И все же одно я знал точно. Даже в буран из окна видно огоньки города. Люди сидели в теплых домах и жгли свечи, пережидая непогоду.

Сейчас я не видел ничего. Даже намек на свет.

– Странно... – пробормотал я и направился к себе в комнату.

– Эй, ты куда? – крикнула Кори.

- Пойду посмотрю, в чем дело.
- Ты с ума сошел? Тебя унесет!
- Ты со мной или нет?

Кори обогнала меня и преградила путь:

– Я понимаю, тебе не терпится посмотреть. Но давай подождем до утра, может быть, буря уляжется, и мы спокойно выйдем на улицу. И если в городе кто-то есть, он поговорит с тобой намного охотнее, чем сейчас.

Железо в голосе не требовало возражений. Я еще раз глянул в окно, поежился и предложил компромисс:

– Давай подождем еще час. Если буря не утихнет, пойдем утром, – Кори помедлила и неохотно кивнула. – А пока надо поискать в этом доме что-нибудь съедобное.

Если быть честным, я думал, что в Аскатрале девятнадцатого века кроме бараньей ноги вместе со шкурой и четырех бутылок коньяка ничего нет. Но, на счастье 12 января 1894 мы готовились к празднику, и подвал (а холодильник здесь служил ледяной погреб) оказался полон разнообразным мясом, овощами и зеленью. Все было свежее. Кори даже где-то откопала макароны, с удивлением рассматривая плетеный мешочек, в котором они лежали:

– Так интересно. Как будто бы по музею ходишь.

Кори до последнего надеялась, что буря не утихнет. Но, глянув через час в окно, разочаровалась. Вьюга кончилась, и только порывистый ветер трепал верхушки елей.

Елей посреди пустого, темного города.

– Ты как хочешь, а я пошел, – мрачно сказал я и отправился за шубой.

– Я с тобой, – взволнованно ответила Кори. – Только у меня нет одежды.

Я молча кивнул, открыл дверцу спрятанного гардероба и вынул самую маленькую шубу. Она оказалась велика ей размера на три. Тем не менее натянув такую же огромную шапку, Кори стремительно направилась к двери.

Сказать, что на улице было холодно – значит, ничего не сказать. Теплый пар от дыхания буквально леденел на глазах. Над головой сияли звезды, а между небесами и долиной простирались горные цепи. В темноте они выглядели, как огромные, черные угрюмые великаны. Ветер согнал туман, открыв множество белых крыш Аскатрала, башенку церкви и пустоту площади. И ни одного огня.

Ни одного существа.

Спустившись с пригорка, где находился дом, мы пошли по центральной улице. Снег скрипел под ногами, а мороз колот щеки. Первым делом мы заглянули в лавки. Они пусты, несмотря на открытые двери и товар на витринах. Все выглядело так, словно никто не уходил и через минуту вернется. На одном прилавке даже лежала недосчитанная горстка денег.

Убедившись, что на площади никого нет, мы пошли в городскую ратушу – самое большое после церкви здание. История повторялась. Предположение, что все сбежались

на срочное собрание, оказалось неверно.

– Может, что-то заставило всех укрыться в подвалах... – пробормотала Кори, стуча зубами. – Кай, я не знаю. Это просто жутко.

Свернув с главных улиц, мы пошли в жилые районы. Снова начал подниматься ветер. Не лаяли за заборами псы, не топтались и фыркали во дворах лошади. Никого. Мы зашли в ближайший дом, где жил мой приятель. Внутри все выглядело примерно так же, как и в моем доме. Брошенные вещи, незаконченные дела. И никого. Ни в комнатах, ни на чердаке, ни в подвале.

Пусто.

Дрожа от холода и волнения, мы обошли ещё пять домов в разных районах города. И нигде не нашли хотя бы малейшие признаки присутствия кого-то живого.

Все словно исчезли. Испарились.

Тем временем антракт кончился. Буря решила продолжить выступление, и стало ясно, что скоро придется укрыться в доме. В полном недоумении мы вышли обратно на площадь. И глядя на застывший ледяной фонтан, остановились.

– Кай, – тихо сказала Кори, взяв меня за руку. – Мы здесь одни.

Голос дрожал. Какой-то животный инстинкт заставлял нас держаться теснее друг к другу.

– Одни, – повторил я, и эти слова привели в ужас.

– Что это за место?..

– Ад. Это мой ад, Кори.

Одни. Совершенно одни. В этот проклятый день – 12 января 1894.

ГЛАВА 12

Ардам, 1871 год

В зале ярко сверкали огни. Искрились начищенные до блеска полы, кружились в быстром танце пары, отражаясь в многочисленных зеркалах. На балконе с душой играл оркестр, заводя ритм и атмосферу этому позднему вечеру.

– Не хотите ли вина, сэръ? – обратился к вампиру вежливый слуга с подносом.

Людвиг Гиз, мелкий чиновник Империи, сидел на одном из диванов, расставленных вдоль стен, и с интересом наблюдал за разноцветными всполохами платьев. Они напоминали ему танец райских птиц.

– Благодарю вас, – Людвиг взял один бокал и пригубил эльфийского вина. На балу во дворце Ардама оно не могло быть плохим.

Распробовав напиток, он снова сконцентрировал внимание на гостях. В честь дня рождения великого владыки на праздничный вечер пригласили не только высшую знать, но и простых чиновников с их семьями. Народу собралось столько, что слуги не успевали разносить напитки, а от разнообразия костюмов искрило в глазах. На джентльменах идеально сидели фраки из тёмного сукна, пышные платки с серебряными и золотыми пуговицами украшали шеи. Изпод высоких цилиндров спускались золотые кудри, а по по-

ду отстукивали сапоги а la imp^{re} с высокими голенищами. Их дамы шуршали яркими платьями, каждое из которых сошло бы за произведение искусства. Самые привлекательные покрои обнажали плечи и часть груди, подчеркивали талию и спускались до пола пышными волнами шелка и лент. Зал взрывался от обилия женских шляпок: маленьких и изящных или огромных, с перьями, птицами или целыми театральными постановками. Их носила вся женская половина праздника, до нескольких на одной голове.

Быстрый танец кончился, оркестр заиграл медляк. Пары слились, медленно покачиваясь и ведя тихие разговоры. Внимание Людвига привлекла одна нетанцующая леди. Красное платье обнажало плечи, на которые она накинула отделанный хвост лисицы. В черных волосах искрились ягодки рябины, на белоснежном лице блестели темные глаза.

Взгляд Людвига забежал по залу, ища возможного кавалера. Такого не нашлось. Девушка стояла одна в обществе других дам, и выглядела как прекрасный черный лебедь среди павлиний. Окрыленный, он твердо собрался пригласить леди на танец.

Но только Людвиг встал, как к девушке подошел приятный лицом джентльмен. Его длинные черные волосы были небрежно заплетены в косичку, а серые глаза сосредоточенно глядели на леди. Он носил черный фрак без цилиндра, а высокий рост и мужественная осанка так и кричали о твердом характере. Людвигу казалось, что на красивом молодом

лице не должно быть ничего, кроме веселой безмятежности. Однако сквозь улыбку незнакомца проскальзывала неприятная хищность, а глаза, эти серые, почти черные глаза, таили в себе отталкивающий холод. Однако леди им заинтересовалась сразу, и уже танцевала в зале, о чем-то беспечно болтая.

Разочарованно вздохнув, Людвиг сел обратно, глядя на обогнавшего его незнакомца. Вообще, он находился здесь не бесцельно. Вампир был на спецзадании с целью передать владыке лично одну заманчивую вещицу. В последнее время он сильно сомневался в поступках правителя: взять хотя бы этот праздник. Не абсурдно ли устраивать такое многолюдное событие, когда Ищейки объявили Охоту? И хотя стражи здесь было не меньше, чем гостей, Людвиг сильно сомневался, что это остановит кейнаров.

Леди в красном платье и ее странный партнер оттанцевали еще два медляка, а потом, наконец, разошлись. Вампир встал и предпринял вторую попытку, подойдя к девушке и поклонившись:

– Людвиг Гиз, к вашим услугам, милая леди.

Он осторожно прикоснулся губами к тонким изящным пальчикам.

– Как вы любезны, сэр, – расхохоталась леди, обнажив белоснежную улыбку и прелестные клыки. – Я Катерина Берг.

Девушка неловко присела в реверансе.

– Прекрасное имя, Катерина. Разрешите пригласить вас на танец?

Как оказалось, внешность девушки совершенно не оправдывала её способностей танцевать. Катерина танцевала плохо, Людвиг бы сказал, ужасно. Все время она наступала ему на ноги, смущалась и нервничала. Вампир, пытаясь избежать ситуации, в результате сам наступал Катерине на ноги и смущался еще больше. Они двигались неуклюже и рывками, и вскоре вампиру хотелось одного: очутиться на диване в тени зала.

Людвиг кинул жалостливый взгляд на место, где сидел. И сильно удивился, увидев там странного джентльмена, что танцевал с Катериной. Он сидел, закинув ногу на ногу, и не спеша пил вино. На секунду их взгляды встретились, и кроме одуряющего холода, проникающего в самую душу, во взгляде незнакомца было откровенное издевательство.

Как только оркестр затих, Людвиг отпустил даму, вежливо с ней попрощался и быстренько ретировался на свое место. Как назло, оно и не думало освобождаться. Вампир невозмутимо сел рядом с джентльменом.

Спустя несколько минут незнакомец заговорил:

– Я видел, вы танцевали с той дамой в прелестном красном платье? – голос у джентльмена был на удивление приятный и мелодичный.

– Да, танцевал, – ответил Людвиг и добавил: – Как и вы, могу заметить.

– И как она вам?

– Как леди или как танцовщица?

– Последнее.

– Скажу откровенно, я ожидал лучшего.

Джентльмен усмехнулся:

– Нет, сэр, это не откровение. Вы хотели сказать, что в ужасе от резкого контраста внешности и танцевальных способностей.

– Возможно, вы правы... – нехотя признал Людвиг.

Собеседник огляделся и участливо спросил:

– Что привело вас сюда? Я нигде не вижу вашей спутницы.

– Её и нет, – вампир театрально вздохнул. – Меня попросил присутствовать один мой знакомый.

После недолгого молчания джентльмен повернулся:

– Я Сэрил Госринг.

– Людвиг Гиз.

Сэрил был краток и вежлив. Людвиг счел, что с ним довольно приятно общаться. Впоследствии они разговорились о светских мелочах, и когда те кончились, замолчали.

Кейнар нарушил молчание первым:

– Вы кого-то ждёте?

– Да. Меня должны пригласить. Но, кажется, обо мне уже забыли.

Джентльмен странно улыбнулся:

– Высшее начальство всегда забывает о своих подданных.

Особенно когда на столе эльфийское вино, и есть с кем душевно поговорить. Не желаете выйти во двор? Я гулял здесь недавно, и скажу вам, дворцовый парк – очаровательное ме-

сто.

Людвигу чертовски надоело сидеть и ждать. Поэтому он без колебаний принял предложение Сэрила, и они спустились в парк при дворце.

После огней зала на улице, казалось, слишком темно, но глоток свежего воздуха перекрыл Людвигу все недостатки. Редкие фонари освещали грунтовые дорожки, вдоль которых росли разнообразные кусты и деревья. В начале осени здесь было прохладно, и Людвиг запахнул полы. Они прошли по алее под могучими ивами, дубами и даже пастроном, единственным в этом регионе. Сэрил поведал Людвигу удивительную историю про эти деревья, растущие только в предгорьях далекого Бузгура и Авасаррского королевства.

– Но в этом парке растет еще одно дерево, единственное в своем роде. Оно не менее величественно и прекрасно, чем этот пастрон. Желаете взглянуть?

Людвигу нравилась прогулка. Он знал, что долго задерживаться нельзя и надо вернуться в зал, но все же согласился:

– С удовольствием.

Сэрил повел его к окраине парка. Они постоянно сворачивали на еле заметные тропы, где отсутствовали фонари, и продолжали идти. Людвиг заволновался о времени, но спутник постоянно повторял:

– Почти пришли. Поверьте, оно того стоит!

Они шли дальше и дальше, и в результате забрели в рощу хвойных деревьев. Когда первая колючая ветка хлестанула

Людвига по лицу, он не выдержал:

– Мистер Госринг, нам долго еще идти?

Ему не ответили.

Вампир начал озираться по сторонам и понял, что не видит Сэрила. Он крикнул его имя и пошел вперед, продираясь сквозь ели и стараясь не задумываться, во что может превратиться его фрак.

– Мистер Госринг! Сэрил, где вы?

Людвиг остановился и понял, что если пойдет назад, непременно заблудится. А если вперед...

В результате вампир вышел на небольшую поляну посреди рощи. Ничего примечательного в ней не было: просто кусок газона посреди елей. И ни намек на мистера Госринга. Людвиг начал волноваться и озираться по сторонам в поисках огней дворца.

Внезапно его схватили сзади и зажали рот рукой. Вампир не успел закричать. К шее прикоснулось холодное лезвие острейшего кинжала.

– Тихо, – прошептали на ухо.

Людвиг скосил глаза, и увидел то, отчего волосы встали дыбом.

Черные перья.

Вампир сразу все понял. Охоту объявили на него. Сэрил привел его к Ищейкам.

– Не обольщайся, – прошептал ледяной голос. – Охота объявлена не на тебя, а на ту вещицу, что ты принес.

Рука в перчатке потянулась к его шее. Людвиг отшатнулся, вывернулся, получил порез на шее, но встал перед кей-наром:

– Нет! Я должен отдать это владыке!

И уперся в глаза Ищейки, сжимая в кулаке футляр на цепочке. Людвиг понял, что Сэрил и есть Ищейка. И не кто-то там.

А сам Энгельгардт.

– Ты наконец-то догадался, – промурлыкал Кай. – Отдашь мирно, или тебя попросить?

– Я должен отдать это владыке, – отчеканил вампир, хотя колени подкашивались от страха.

– Владыки больше нет, Людвиг. А скоро не станет и тебя. Язык словно окоченел. Как владыки больше нет?..

– Ты его убил? – прохрипел Людвиг.

– Нет, кто-то из ребят. Но меня интересует не владыка, а твой футлярчик.

Людвиг оглянулся на лес. Он знал, что бежать бесполезно. Он либо заблудится, либо Ищейка его догонит.

– А если я... добровольно ее отдам, то останусь жив?

– Я, по-твоему, похож на ангела? – усмехнулся Энгельгардт.

– Н-нет...

– Тогда делай из этого выводы.

Внезапно глаза Ищейки начали чернеть. Тогда Людвиг сделал то, что делают в полном отчаянии, потеряв всякую

надежду жить дальше.

Он побежал. Но не прошло и секунды, как его сбили с ног. Людвиг упал лицом в землю и тут же поднялся, метнувшись к дереву. Вампир услышал только жуткий смех.

Затем его схватили за руку и сломали запястье.

Боль затопила сознание. Людвиг хотел заорать, но снова очутился на земле. Она заполнила рот и глаза. Вампир подавился ей, когда его ударили в позвоночник.

Перед глазами появилось непроницаемое лицо:

– А ты храбрый.

Из его глаз на Людвига смотрела сама бездна. В этих хищных животных глазах не было и капли света и доброты. Только тьма. Кай по-птичьи наклонил голову и изучил лицо вампира под другим углом. Тот не шевелился. Он просто не мог.

Но Людвиг не собирался сдаваться так просто. Дрожащей рукой он оперся на землю, встал на четвереньки и пополз к лесу, отплеываясь от земли. Он не мог идти и чувствовал, как насмешливый взгляд буравит спину. Казалось, ещё чуть-чуть, и он прожжёт её насквозь. Вампир знал, что все бесполезно. Но собственное достоинство не позволяло оставаться в памяти этого монстра как быстро сдавшийся слизняк.

Медленно нарастающая головная боль давила на череп, грозя разорвать его. Мозг словно сжали в раскалённые тиски. Он видел перед собой лишь смутные пятна деревьев. Они почему-то не приближались.

Через минуту Людвиг не выдержал и со стоном уткнулся

лбом в землю. Кто-то перевернул его на спину. Увидел чёрные глаза, он закричал, но вышел сдавленный хрип. Холодная и сильная рука разорвала воротник, нащупала футляр и одним рывком сорвала его с шеи. Людвиг попытался ударить Энгельгардта здоровой рукой, но промахнулся, за что получил мощный удар в челюсть. Голова откинулась назад. Казалось, вампира ударили не кулаком, а подковой.

– Зачем... тебе это?.. – просипел Людвиг, глотая воздух.

Он смотрел, как Ищейка открыл футлярчик и рассматривал в лунном свете маленький прозрачный кристаллик, внутри которого плясали голубые огоньки. Услышав вампира, он спрятал кристалл в карман и кровожадно оскалился.

– Тебе эта информация уже не пригодится.

– Что, будешь... издеваться надо мной?

– А над кем же ещё? – в глазах мелькнули искорки безумия.

– У тебя нет чести, раз... ты будешь бить безоружного.

– У тебя нож в сапоге, Людвиг.

Вампир вспомнил про нож и потянул здоровую руку... Но Энгельгардт сломал и её.

А затем вогнал кол под подбородок.

...Казалось, Людвиг спал и просыпался. Терял сознание и вновь приходил в себя. Сладостное забытие, а потом полная адских мучений реальность. Он смутно чувствовал, как на его лбу орудуют клинком. Кровь ручейками стекала на глаза, попадала в нос и заливала рот. Вампир не уже

не чувствовал боли.

– «С приветом и наилучшими пожеланиями, К.Э», – прочитал Ищейка свое творение, наконец убрав окровавленный клинок. – Наглядное послание тем, кто найдет твоё тело, Людвиг. Правда, когда они приблизятся, чтобы разобрать надпись...

Вампир смутно почувствовал, как с него сорвали сюртук и рубашку. Кай хлестанул клинком, одним движением вскрыв грудную клетку. Людвиг из последних сил повернул голову и увидел страшную картину.

Ищейка держал бьющееся в лунном свете сердце. Его сердце. Теплое сердце, которое связывало с телом пара сосудов. Энгельгардт заморожено глядел на орган, словно гипнотизируя его. Людвиг зажмурился от пронзившей сознание боли.

– Так вот, – пространно продолжил Ищейка. – Когда они найдут тебя, их ждёт сюрприз. Уверен, им понравится.

Людвиг пришёл в ужас и выдавил едва слышимое:

– Нет!..

Но ему ответил лишь мертвый холод:

– Спокойной ночи, Людвиг.

ГЛАВА 13

Разбудил меня Кай.

Ночь и так прошла не особо гладко. Из-за бури я долго не могла заснуть, а кейнар к тому же ворочался и дергался каждую секунду. И только мне удалось задремать, как Кай резко вскочил и закричал.

Я подпрыгнула и чуть не свалилась с кровати. Сердце бешено стучало, я никак не могла заглушить испуг. Кейнар тяжело дышал, смотря в никуда. Потом резко выдохнул и провел руками по лицу, пробормотав:

– Бездна...

Наконец отойдя от потрясения, я приблизилась и обняла Кая за плечи:

– Эй... Эй! Ты слышишь меня?

Кейнар еще раз выдохнул и прикоснулся к моей руке:

– Кошмар приснился. Слишком... реальный. Понимаешь, там был я. Я, но глазами жертвы, – он замер на секунду и снова закрыл лицо руками: – Кошмар. Бездна, какой кошмар...

Стало холодно.

– Все нормально, – тихо сказала я, нежно поглаживая его по плечу. – Это в прошлом. Все в прошлом.

– Нет, Кори, – неожиданно жестко прохрипел он. – Мы тоже в прошлом.

– Но сны остаются снами. Все хорошо, – я подтянулась

и осторожно прикоснулась к его губам: – Ты не один. Тебе снился этот год?

– Нет. Еще раньше, 1871. Бал в Ардаме. Мы тогда устроили Охоту на одного чиновника, потому что он хранил у себя ценную вещь.

На этом он замолчал. Я не спрашивала дальше, прекрасно представляя, чем все кончилось.

– Сколько времени? – просипел он и устало откинулся на подушки.

– Часа три ночи.

– Надо спать.

– Спи, – я пролезла под его руку и прижалась к груди. – И постарайся, чтобы тебе ничего не приснилось.

Сначала кейнар лежал как истукан, но вскоре расслабился и привычно засопел. Буря постепенно сходила на нет, и оставшаяся ночь прошла тихо.

А утром я проснулась оттого, что в глаза било солнце. Вынув руку из-под теплого одеяла, я тут же сунула ее обратно и передумала вылезать. Зажмурилась на секунду и глянула на панорамное окно.

Дыхание тут же перехватило. Солнце только-только поднялось над белыми вершинами, и снег заблестел, как тысячи алмазов. Холодное белое одеяло укрывало ровным слоем склоны, пики и даже скалы. Только самые обрывистые оставались серыми, уходя в облака ниже. Красотища. Я повернулась, чтобы показать Каю... но кейнара в кровати не оказа-

лось. Полежав еще пару минут, заставила себя вылезти в холодную реальность и спуститься в гостиную.

Кай сидел там, с задумчивым видом читая давешнюю газету. Приглядевшись, я поняла, что он её не читает. Просто смотрит в пространство отсутствующим взглядом.

Я подошла сзади и положила руки на плечи:

– Доброе утро.

Кай вздрогнул, поднял голову и нежно поцеловал меня:

– И тебе доброго.

– Ты видел, какая красота за окном?

– Всю жизнь ее наблюдаю, – с этими словами он встал и направился в столовую. – Я сварил кофе, дорогая, и думаю обойти остальные дома, пока хорошая погода. Может, найду чего... или кого. Потом схожу в лес, на вершину и к границе общины. Ты со мной?

Тут взгляд уперся в градусник на стене. Столбик показывал минус двадцать восемь.

– Ты знаешь... – медленно протянула я, поглядывая на стену. – Я, пожалуй, похожу на площади и попробую найти теплую одежду по размеру. Твоя шуба слишком тяжелая, я утону под ней в первом сугробе.

Кай подумал и кивнул:

– Да, так будет даже лучше. И быстрее.

Мы позавтракали на скорую руку и выпили неплохой кофе. Всем не терпелось приступить к выполнению своей части плана. Кай до последнего надеялся, что в Аскатрале есть

кто-то живой. Я же хотела удовлетворить древнюю человеческую потребность в тепле.

Через пятнадцать минут Кай стоял одетый у двери и натягивал ботинки. Неожиданно он встал как вкопанный, застыв в нелепой позе на одной ноге.

– Кори... иди сюда, – взволнованно позвал кейнар.

Подходя, я наблюдала, как он достает из почтового ящика газету.

Свежую газету.

Но на ней стояло вчерашнее число. 12 января 1894.

В недоумении я оглянулась на кресло, где лежала газета, которую мы достали вчера, и принесла ее.

– Эту газету, – Кай указал на вчерашнюю, – я взял отсюда же вчера, и она от 12 числа. Больше в ящике ничего не оставалось. А эту, – он тряхнул сегодняшней, – я вынул сейчас.

– В них картинки и содержание одинаковые...

– Они абсолютно идентичны. Вопрос: кто ее сюда положил?!

Глаза Кая горели.

– Понятия не имею, – задумчиво ответила я. – Здесь никого нет.

– Есть, раз кто-то принес газету!

– А тебе не кажется странным, что этот призрачный почтальон приносит вчерашние газеты, а не сегодняшние? Должно быть тринадцатое число, а эта – двенадцатого.

– Это странно, согласен. Но я попробую его найти.

Не став спорить, пожелала Каю удачи. Я не особо верила в то, что здесь кто-то есть. Не знаю почему. Вера и надежда кейнара найти кого-то одновременно радовала и опечаливала. Если у него получится – отлично. А если нет... Я знала специфическое настроение Кая, когда у него что-то не получается. Кейнар будет идти к своей цели как упрямый баран, и не успокоится, пока либо не достигнет её, либо не разобьёт об неё голову.

Кай отсутствовал долго. Снова надев здоровенную шубу, которая хорошо отдавала псиной (не хочу думать, из кого она), меховые рукавицы и ботинки размеров на пять больше, я вышла на улицу.

В лицо тут же впились тысячи морозных игл. Моргнув, я зашла обратно в дом, нашла шапку и обмотала лицо шарфом, оставив только глаза. Жаль, солнечных очков не было. Только тогда я снова рискнула выйти наружу.

Огненные кейнары за счет своей стихии плохо воспринимают холод, но я держалась. Чувствовала себя зимней версией колобка. Как раздутый снеговик, я доковыляла до площади, каждый раз жмурясь от яркого солнца и застревая в сугробах. Дорожка легких следов Кая вводила дальше, а я свернула в лавку, где продавалась одежда.

Впоследствии я поняла, что в этих горных магазинах есть все. Будто только что завезли свежий товар и продукты. В мясной лежало свежее мясо, в пекарне остывал аромат-

ный хлеб, в овощной прилавок ломился от зелени и фруктов. На одежде висели ценники, но никто не следил за тем, чтобы товар оплачивали. Да и покупателей, кроме меня, особо не было.

Только обойдя все помещение несколько раз и полностью убедившись, что за занавеской никто не прячется, я скинула нелепый наряд и принялась набирать одежду. Странную, на мой взгляд – старомодную, но теплую, удобную и по размеру. Хотя чего удивляться. Кори, очнись. На дворе девятнадцатый век.

Домой я вернулась через час, догрызая булочку с сыром. Кай ещё не пришёл. Разложив одежду, обследовала погреб, который служил заменой холодильнику, нарезала овощей и сварила макароны (пришлось готовить их в настоящей печи в глиняной посуде). Поняв, что Кай в скором времени не собирается возвращаться, сделала себе бутерброд, взяла книгу, устроилась в кресле-качалке около камина и накрылась пледом.

Книгой стал дневник Кая этого года. Он опять не открывался, и я все сидела и гадала, что там. Почему 1894? Почему январь? И кому вообще нужна эта реалистичная экскурсия с полным погружением в историю?

Я не знала. Не знала, что думают Стени и Толя. Где они вообще, и как с ними связаться.

Слишком много вопросов. И ни одного четкого ответа.

...Вечером погода начала портиться, и стало ясно, что

скоро опять поднимется буря. Я успела слопать еще два бутерброда и свою порцию макарон, а также прочитать половину приключенческой книги на керском... А Кай все не возвращался.

Когда за окном окончательно стемнело, и вьюга завывала, как раненый зверь, я начала всерьез волноваться. И уже собралась идти искать кейнара, как дверь внезапно распахнулась.

Взлохмаченный, весь в снегу, мокрый и расстроенный, Кай встал на пороге и закрыл дверь, глянув разочарованно на весь лежащий за ней мир. Он отряхнул снег с ботинок, скинул шубу и повесил сушиться перед камином. Оставшись в одной футболке с надписью «Я люблю тебя, Москва», кейнар плюхнулся в кресло и уставился в огонь.

Кай не произнес ни слова. Я не спрашивала. И так ясно, что он никого не нашел.

– Ну что?..

Спустя несколько минут тяжелого молчания кейнар мрачно ответил:

– Я не знаю, как называется это место. Что это такое. Кто его создал, или что. Я обошёл каждый дом, абсолютно все сто семь дворов, заглянул в каждый сарай, чердак и подвал. Облазил всю церковь и ратушу. Прочесал весь лес и не встретил ни одного животного. Ни одной птицы. Ни одного следа. В конюшне нет лошадей, она пустая, как и все в этой чертовой дыре, где мы застряли! Границы общины свободно меня

пропускают, хоть какой-то плюс. Потом взобрался на Башню Телепортации, и вот здесь меня накрыло. Она не работает, Кори, – почти с отчаянием Кай повторил: – Она не работает! Одно из моих величайших творений...

– Ее никак не восстановить? – взволнованно спросила я.

Кай покачал головой:

– В создание Башни было вложено много пятой стихии. Мне понадобился месяц, чтобы возвести здание, и еще четыре, чтобы настроить и активировать портал. И полтора года разработок до этого. И что самое печальное – чертежи сожгли в 1930. А в нашем 1894 их еще не написали. Башне чуть больше ста лет.

Я задумалась:

– Интересно, а в человеческом мире кто-нибудь есть? Или в других городах? Может быть, этот демонизм только в Аскатрале!

Внезапно его усталые глаза загорелись надеждой. Кай прошептал:

– Демоны... Кори, точно! – кейнар резко вскочил и чуть ли не бегом рванул в другую комнату. – Демоны!

– Стой, ты куда?! – я побежала за ним. – Я тебе про другие места говорила, а не про...

Мы остановились напротив неприметной дверки в стене. Кай повернулся:

– Есть идея.

И толкнул дверь. За ней уходила вниз лестница, петляя

в темноте.

– Подземелья?... – простила я.

– Пойдем!

Не дожидаясь ответа, Кай помчался вниз по скользким ступенькам. Помедлив немного, я пошла за ним.

Сначала спуск напоминал мне первый самостоятельный опыт полазить в подвалах Аскатрала: страшно, темно и холодно. Но затем, когда мы спустились на первый ярус, подземелья начали освещаться факелами, а еще ниже вводила более широкая и удобная лестница.

– В эти года подземелья освещали никогда не гаснущие факелы, – прокомментировал Кай, на секунду задержав взгляд на низких коридорах и дверях в неизвестные мне помещения. – Потом я понял, что светлячки намного экономнее. И безопасней. Но нам ниже, на второй ярус.

– Куда ты вообще идешь?

Пока мы спускались, а я щелкала зубами от холода, Кай пояснял:

– Раньше, особенно во время войн, когда Ищеек использовали как непобедимую силу, нам требовалось много пятой стихии. Настолько много, что внутренние запасы магии просто не справлялись. Тогда мы придумали выделять и «концентрировать» стихию в специальные «упаковки» – эластичные шарики, которые можно легко взять с собой. По сути, мы наделяли магией что-то, чтобы сохранить ее, перенести и использовать. Как будто наливаешь воду в бутылку, чтобы

потом выпить по дороге.

Мы вышли в зал, потолки которого явно превосходили первый ярус. Здесь стояли сотни стеллажей и подставок под оружие, если не тысячи. От обилия стали разных форм и размеров рябило в глазах.

– И в нужный момент, – продолжал Кай, не обращая внимания на окружение и уверенно шагая сквозь, – любой, кто владел пятой стихией, мог воспользоваться таким шариком. И восстановить силы.

Я спросила, прислушиваясь к странному многоуровнево-му эху:

– А причем здесь демоны? И ты?

Эхо повторило сначала с одной стороны «*Ты, ты, ты...*», потом с новой силой возникло с другой: «*ТЫ! Ты, ты, ты...*»

Кай остановился перед створками, преграждающими путь в следующий зал:

– Иногда я чувствую в себе пятую стихию. Может быть, мне удастся использовать шарик. И с помощью него мы вызовем демонов.

– Я не понимаю.

«*Аю, аю, аю...* – вторило эхо. – *АЮ! Аю, аю...*»

– Демоны существуют вне времени и пространства. Если их задобрить, они скажут, где мы находимся и кто нас сюда забросил.

Я молча кивнула, хотя не особо вникла в смысл его слов.

Мозг слушал только причудливое эхо, раздваиваясь в разные стороны.

Тут Кай толкнул створки, и они громко затрещали. Эхо от треска разнеслось по залу, как органнй гул в церкви. Мое сознание чуть не взорвалось, пытаясь постичь этот необъятный звук. Медленно, сбрасывая с себя многолетние слои пыли, ворота в следующий зал открылись.

Изнутри вырвался холодный ветер, принесся запах сырых камней. Если здесь было хоть какое-то освещение от факелов, то за створками царила крошечная темнота. И ничего больше.

Кейнар обернулся и торжественно произнес:

– Добро пожаловать в святая святых подземелий Аскатрала! Большое магическое хранилище.

Кай исчез во мраке. Только шаги гулким эхом отражались от стен помещения, полные размеры которого скрывала темнота. Каждый след Кая на мгновение вспыхивал ярко-синим, освещая ноги и кончики крыльев.

Помедлив, я шагнула вперед. Здесь было гораздо холоднее, чем в остальных подземельях. Закуталась в крылья, но это не особо помогло.

– Включи свет! – крикнула я синим следам и посмотрела вниз: мои светились красно-оранжевым.

Каждой клеточкой я чувствовала, насколько огромно помещение. Здесь гулял ветер, словно на улице, а не в закрытой пещере.

Внезапно Кай хлопнул в ладоши. Я чуть не подпрыгнула, когда перед глазами вспыхнул яркий свет, ослепив и испугав.

– Кай!

– Ты просила свет, я сделал свет, – невозмутимо ответил кейнар.

Постепенно зрение возвращалось, открывая по кусочкам всю картину.

Возникло ощущение, что я стою в огромном католическом соборе с зеркалом вместо алтаря, и вся длина зала отражается в нем много-много раз, сливаясь в один бесконечный коридор. Хранилище, освещаемое огромными прожекторами (не знаю, какая магия дает столько света), тянулось, куда хватало глаз. Как и в первом зале, здесь стояли стеллажи, забитые книгами, столы с кипами бумаги, перьев и чернильниц, полки для миллионов разных баночек, подставки для камней и кристаллов, песочницы с грунтом, мини-оранжереи и даже аквариумы. Мозг отказался осознавать, сколько всего здесь придумал и воплотил в жизнь Кай за две тысячи лет.

Заметив мой взгляд, кейнар улыбнулся:

– Впечатляет? Я всю жизнь собирал это хранилище. И до сих пор собираю.

– Сколько здесь всего... – прошептала я.

– Пространства для творчества хватает, – весело отозвался он и махнул рукой. – Пойдем, это все бытовая магия. Дальше начинается самое интересное.

– Пятая стихия?

– Все стихии.

Мы шли по коридору между внутренностями зала, и я успевала только открывать рот. Действительно, хранилище разделили на части по стихиям. Мы проходили мимо водной, где в глубине зала шумело целое пещерное озеро с водопадом; мимо земляной с множеством сталагмитов и сталактитов. Проходя мимо стихии воздуха, Кай набрал пару книжек и реактивов, а я задержалась в огненной. Наконец, спустя минут двадцать, когда мои костяшки уже не двигались от холода, мы пришли в раздел пятой стихии.

На секунду я остановилась в недоумении. Я ожидала, что Кай посвятит своей доминирующей стихии все силы. И отдел, посвященный ей в хранилище, будет самым грандиозным.

В реальности, больше всего места здесь занимал стол. За ним стоял шкаф с книгами, количество которых можно было пересчитать по пальцам. А за шкафом вздымалась голая каменная стена. Не хватало только таблички «тупик».

– И почему здесь так мрачно и грустно? – спросила я и повернулась к кейнару.

Тот не ответил, углубившись в левую половину зала, где стояла парочка стеллажей и подставок. На одной из полок лежали в ряд черные шарики, напоминая мини-шары для боулинга.

– Вот они, – Кай осторожно дотронулся до одного.

Ничего не произошло. Тогда кейнар уверенно взял шарик и поднес к свету. Внутри эластичной пленки трепыхался черный дым.

Внезапно прожекторы замигали. Я метнулась к Каю, тот взял за руку. Хранилище на секунды погружалось в полную темноту, потом вспыхивало снова.

– Кори, спокойно, это...

Свет нормально включился...

И погас.

Я перестала что-либо видеть и ощущать себя в пространстве. Только вцепилась в холодную руку Кая и просипела:

– Что это?

«*Это, это, это...* – тут же появилось жуткое эхо. — *ЭТО! Это, это...*»

Стало еще холоднее. Кай что-то пробурчал и раздраженно крикнул:

– Андру!

«*АНДРУ! Андру, андру...* – повторило эхо и вдруг сказало: – *Мое имя, имя, имя...*»

– Кай, что это?! Почему эхо разговаривает?!

– Это Андру, – спокойно ответил он. – Дух подземелий. Иногда ему становится скучно, – и снова крикнул в пустоту: – Андру! Прекрати! И включи освещение!

– *Дитя Бездны...* – прошелестело эхо. Последовал звук, отдаленно напоминающий смех. – *Ты знаешь, что прошлое скоро станет настоящим?*

– Андру! – требовательно повторил Кай. – Я приказываю! – *Азываю, азываю, аю, аю... Глупый.*

– Давай я пошлю светляка, и мы сами выйдем отсюда, – неуверенно предложила я.

– *Глупые,* – продолжил вещать дух. – *Вы заключены в бесконечном дне, ха-ха. Вы все знаете, но не можете понять. Сны говорят ответы, их надо лишь слушать. А вы видите только картинку. Глупые. Ха-ха.*

Кай что-то пробормотал. Андру издал звук, напоминающий скрип двери, и почтительно зашелестел:

– *Слушаюсь...*

Прожекторы мигнули пару раз и включились. Я прикрыла глаза, уже привыкшие к темноте.

– Андру! – позвал Кай. – Андру? Ушел.

– Он один в этих огромных, холодных подземельях. Может, ему хотелось поговорить. А ты его обидел.

Кай улыбнулся и прихватил еще один черный шарик:

– Ему и без компании хорошо. А вот что за чушь он нес, я так и не понял.

Пока мы в недоумении шагали обратно через весь зал, я думала. И решила высказать свои мысли:

– Мне кажется, Андру не так просто сказал. Прошрое уже стало настоящим. А сны... Тебе же снилось что-то?

Кай глубоко задумался:

– Но я не нахожу в этом сне ничего поучительного.

Обратный путь занял минут пятнадцать. Пока мы дошли

до лестницы, я успела согреться.

И уже собираясь поставить ногу на первую ступеньку, заметила еще одну лестницу. Намного уже и опаснее, она уходила на пару метров вниз... и упиралась в замурованную дверь.

– Кай, а что там?

– Третий ярус. Самый нижний.

Он глянул мельком на лестницу, нахмурился и стал подниматься.

– А что там? – спросила я вдогонку.

– Тот, кто передавал в наследство этот дом, говоря о подземельях, строго предупредили не спускаться на третий ярус, если я хочу жить. Но, ты же меня знаешь. Первым делом я полез именно туда. Кори, там... жутко. Очень жутко. Тесно, пахнет разложением. Пока я спускался, кто-то мученически завывал. И когда спустился... я даже толком не помню, как выглядело это место. Но там стоял оборванный старик, больше похожий на блохастую дворнягу. Увидев меня, он пошел навстречу, согнувшись в три погибели и хромая. И пока я думал, откуда он мог взяться, он приблизился настолько, что... – Кай запнулся на одной ступеньке. – У него не было глаз. И нижней челюсти.

Я вздрогнула, представив.

– Жутковатое зрелище. Я выронил фонарь и помчался наверх. Умудрился заблудиться. И когда наконец-то выбрался, решил, что замурую все подземелья. Чтобы всякие жи-

вые трупы не вылезли наружу. Но, вскоре я уехал, побывал на войне. И мне стало уже все равно, какая дрянь водится в подвале. Я просто замуровал третий ярус, и все.

Тем временем я еле дышала, а мы поднялись только до первого яруса.

– Получается... ты так и не знаешь толком, что там?

Кай покачал головой.

Там, где был выход на ярус, я остановилась. В голову внезапно пришла идея.

– Слушай, может, проведем Пророчество?

Кейнар остановился и удивленно переспросил:

– Пророчество? Но зачем?

– Проверим, подвергается ли времени древняя магия.

Кай пожал плечами, и мы пошли по коридору мимо факелов и массивных стальных дверей. На каждой сияли руны и знаки, говорящие, что находится внутри. Я поняла, что с девятнадцатого века первый ярус, кроме исчезновения факелов, особо не изменился.

Вскоре двери кончились, пол стал менее ровным, а факелы появлялись все реже. Последний из них осветил тупик.

Когда кейнар положил руку на породу и прошептал несколько слов, я улыбнулась старым воспоминаниям. Камень замерцал желтым, расплетаясь в стороны от ладони сложным узором. Стена расплылась, замерцала и медленно исчезла.

В круглом помещении по-прежнему стоял огромный

сейф, только более исторического вида. На этот раз он открывался не паролем, а магией. Кай бережно достал сундучок и протянул мне.

– Если бы не эта бумажка, – я подняла глаза на кейнара, – мы бы не встретились.

– За что я ей очень благодарен, – Кай улыбнулся и нежно коснулся моих губ: – Открывай, девочка моя.

В прошлый раз я просто взяла его и открыла. Что собиралась сделать и сейчас. Подцепила ногтями крышку, дернула на себя...

Сундучок не открывался. Я приложила больше силы. Никакого результата.

– Кай... Он не открывается!

Кейнар взял сундучок, поднёс к глазам, попробовал открыть. Безуспешно. И вдруг выдал:

– А, может, там нет Пророчества?

– Как его может не быть?! Попробуй открыть магией.

Кай скептически глянул на меня, потом на сундучок, и прошептал простейшее заклинание взлома.

С громким хлопком сундук открылся.

На деревянном дне лежал маленький прозрачный кристаллик на цепочке.

И ни намёка на Пророчество.

Кейнар смотрел на вещицу со смесью ужаса и искреннего недоумения.

– Я не поняла, – по коже пробежали мурашки. – А где

Пророчество? И почему эта безделушка лежит тут вместо моего Пророчества?!

– Я не знаю... – пробормотал Кай. – Но это не безделушка. Это...

– Мне все равно, что это! Если нет Пророчества, значит, и меня здесь быть не должно, и тогда...

– Кори, – строго оборвал Кай. – Успокойся. Давай поднимемся наверх и все обсудим.

Я молча кивнула.

Первое, что я увидела, выйдя из подземелий – теплый, приглушённый свет огня. И тут же поняла, что нужно больше всего.

Сев на ковер около камина, я сунула руки прямо в огонь. Тепло и тихое ощущение счастья разливались по телу. Оранжевые языки пламени мягко обволакивали руки. Я провела ладонью по гребешку одного языка, и он довольно заурчал, как маленький огненный дракончик.

– Почему там нет Пророчества? – задумчиво прошептала я и обратилась к Каю: – Оно лежало в другом месте в 1894? Или ты перенес его куда-то в 2020?

Кейнар сидел в кресле позади, задумчиво смотря на кристаллик. Медленно он покачал головой:

– Я понятия не имею, где оно. После твоего побега я оставил его в сейфе. А в прошлом даже не доставал.

Вздыхнув, я натянула свитер на колени и укуталась в крылья. Мысленно спросила ответа у огня. Он молчал.

Настало время разложить все по полочкам и составить логичную картину в голове. Энн отправила нас в прошлое, в конкретное место, в конкретный день. Здесь нет ни одного живого существа кроме нас (в отличие от Кая, я была полностью уверена в этом). Почему так? Зачем это нужно Энн? Почему Пророчества, которое лежало кучу лет в подземельях, нет? Почему вместо него лежит какой-то камешек? И главное, как отсюда выбраться?

Количество вопросов катастрофически превышало количество ответов.

Кай же был поглощен изучением маленького кристаллика. Он вертел камень во все стороны, потирал и что-то бормотал. Я тихо попросила:

– Что это за кристалл? Расскажи мне о нем.

Кейнар оторвался на секунду, глянул на меня и снова уткнулся в камень:

– Это кристалл Силы. Древний камень с неизвестной магией, который нашли в руинах на территории Авасаррского королевства. В тех же местах обнаружили клинки с особой рукоятью, с выемкой под этот камень. Факты сопоставили, и выяснилось, что правильно выкованное оружие с кристаллом внутри убивает любого: и вампира, и кейнара, и всех остальных существ. Сразу, без деревянных колов и специфических клинков. Авасарры научились ковать такое оружие, а технологию держали в секрете. В 1871 кристалл выкрали. Каким-то образом это вылилось в массы, и все кому не лень

стремились найти его первыми. Мы тоже объявили Охоту... и выиграла в этой своеобразной гонке. Камень остался у меня, но...

Когда молчание затянулось, я подбодрила:

– Но?

– Сегодня мне приснилась та ночь, когда мы нашли кристалл в Арадаме, – с сомнением ответил Кай и снова взглянул на камешек. – Мне приснился этот кристалл. И мы нашли его вместо Пророчества! Тебе не кажется это странным?

Я пожала плечами:

– Еще одна странность в копилку. Но отсутствие Пророчества меня пугает.

– А меня пугает внезапная реализация ночного кошмара, – пробормотал Кай.

Несколько минут прошло в молчании. Потрескивали дрова, гудел ветер за окном. Я посмотрела туда и вздохнула: снова поднималась буря.

– Интересно, как там Стени? – неожиданно спросил Кай.

– Стени... Одна мысль, что она из кожи вон лезет, чтобы хоть что-нибудь узнать о нас, приводит меня в ужас.

– Возможно, она знает больше нас, – предположил Кай и опустился на ковер рядом: – И что теперь с Толей и нашей гадкой парочкой?

– Ты об Энн и Хатоне?

– Именно.

– Зная Стени четырнадцать лет, могу с уверенностью ска-

зять, что если ей под руку попадётся Энн или Хатон, она вытрясет из них все любимыми способами. И наплюет с высокой колокольни на то, что они её сильнее.

– Может, это Стени сильнее их.

Я вопросительно подняла брови:

– Такое возможно?

Кай улыбнулся:

– Магию Энн мы не знаем. А Стени... людям подвластны все стихии, в отличие от кейнаров. И несмотря на физическую силу, многие человеческие заклинания с лёгкостью покрывают наши. Когда ведьма опытная и у неё большой потенциал, и ей движет что-то...

– Например, жажда мести?

– Или желание узнать, что случилось с лучшей подругой, – весело закончил кейнар. – Когда все складывается, получается немаленькая сила.

Я снова посмотрела в огонь и тихо сказала:

– Она сможет. Я верю в нее.

ГЛАВА 14

Сначала Кори не отвечала на звонки и игнорировала сообщения. Как и Кай, и Толя. У Стени возникло ощущение, что они все вместе провалились под землю.

Но когда наступили вторые сутки полного молчания, она не выдержала и пошла туда, где жили кейнары.

В квартире Кая создавалось впечатление, будто все дела внезапно бросили и убежали. Недорезанный салат на кухне. Немытый ножик. Открытая книга на диване. Над рабочим столом Кори горела лампа, освещающая брошенную студенческую книжку. В кабинете Кая висело в воздухе заклинание. Стени побоялась к нему приближаться, и только взглянула на записную книжку.

И никого. Ни её. Ни его.

В тот день Стени не могла найти себе места. Пропала Кори. Пропал Кай. То, что они исчезли вместе, наводило на мысль: кейнары просто сбежали куда-нибудь. Но Кори бы сказала. Стени слишком долго знала подругу, чтобы не сомневаться в этом.

Вечером девушка бросила все дела и поехала на другой конец Москвы к своей последней надежде – Толе. Но и его дома не оказалось. Она долго вспоминала, где живет Хатон, но и в его свинарнике, кроме мусора, никого не было.

Зашло и взошло июньское солнце. Начался следующий

день. Стени поставила себе четкую цель – найти Кори, Кая и Толю. Чего бы ей это ни стоило.

С утра девушка уже тряслась в метро, снова спеша в квартиру Кая. Солнце мягко освещало вагон в те редкие моменты, когда поезд выныривал из туннеля. Оно еще не успело подняться над самым высоким зданием района, а Стени уже заходила в подъезд.

Наглейшим образом обыскав все шкафы в квартире, она нашла карту Москвы. Сметя нож и салат, разложила все на столе. Вытащила две свечи. Поставила на изголовье карты фотографию Кори. Зажмурилась, надрезала палец и начала читать заклинание поиска.

Капли крови упали на карту и вспыхнули. Но вместо того, чтобы указать местонахождение подруги, они впитались в бумагу, пропав бесследно.

Стени ожидала такое и положила карту России. Она знала, что у Кая много карт, поэтому и ехала именно сюда. Но повторив процедуру, ведьма получила тот же результат.

Руки начинали трястись. Девушка использовала карту мира, но кровь опять впиталась в бумагу.

– Она не в этом мире... – пробормотала Стени, стараясь сохранять спокойствие.

Ничего. Попробуем по-другому...

И она достала карту параллельного мира. Может быть, кейнары и вправду удрали.

Стени устала надрезать себе пальцы. Дрожащей рукой она

провела по коже небольшим лезвием.

Капли крови упали на карту около города Броньска...

И исчезли.

– Чтоб ее!

Девушка стояла, неподвижно глядя на чистую карту. Получается, Кори вообще нигде нет?..

Но как такое возможно?

Стени походила по комнате, стараясь сдержать истерику. Спокойно.

Спокойно, Стени.

Собравшись с силами, она снова постелила карту Москвы и надрезала палец, на этот раз стараясь обнаружить Толю. Кровь вспыхнула, собралась в одну большую каплю и потекла к переулку, где-то недалеко отсюда. Там капля остановилась и снова растеклась.

Отметив нужную точку, Стени оставила все на местах и направилась туда. Хоть кого-то она найдет.

На улице было тепло, но пасмурно. Хмурые тучи лениво ползли по небу, явно не торопясь избавлять город от своего общества. Через десять минут ходьбы по навигатору Стени завернула в нужный переулок.

Сначала девушка прошла мимо, подумав, что около зеленой помойки во дворе спит бомж. Потом, когда стрелочка на экране пошла дальше, а пункт назначения остался позади, Стени присмотрелась. Точнее, прислушалась.

И ощутила остатки магии, витавшие серо-бурой дымкой

над бездомным. Девушка аккуратно подошла... и вскрикнула.

– Толя!

Около помойки лежал Толя. Не потому, что жизнь вынудила, он просто был без сознания. И, похоже, не первые сутки.

И что самое страшное, коричневый плед, как поначалу подумала Стени, оказался крыльями.

Она бросилась к парню, перевернула на спину и приложила ухо ко рту, а пальцами нащупала артерию на шее. Толя дышал, сердце стучало. Но бледное лицо и полная апатия беспокоили.

Пока девушка листала записную книжку с заклинаниями и думала, как доволочь его до дома, в голову закрались подозрения. Кай и Кори исчезли. Толя лежит без сознания в подворотне рядом с домом кейнаров. Стени знала, что парень живет, мягко говоря, недалеко отсюда и делать в этом районе ему нечего.

Он спешил к ним. А значит, Толя что-то знает.

Слава небесам, люди не могли видеть, как они добирались до дома. Стени шла впереди, а позади «плыл» по воздуху невидимый Толя, вытянувшись в струнку и сложив на груди руки. Точно так же парень «вплыл» в квартиру и опустился на диван. Стени заперла дверь и порылась в шкафах кейнара, пока не нашла что-нибудь толковое кроме ядов.

Чем хорош Кай, так это тем, что у него всегда все есть.

Буквально все. Спустя десять минут девушка вынесла с кухни особый отвар. Точнее – зелье злобной ведьмы Стени, заставляющее ожить даже полумертвого.

Осторожно влив горькую жидкость в Толю, она стала ждать.

Через минуту парень резко открыл глаза и закашлявшись опрокинулся набок. Стени невозмутимо наблюдала. После кашля Толя начал давиться:

– Кто... д-дал... эт-т-туу...

– Я дала, – холодно ответила девушка, нагнулась и взяла парня за подбородок.

Толя тут же перестал кашлять. Стени кивнула:

– Все окей?

Он уставился на нее, как на ненормальную. Потом нахмурил брови, задумался... и после короткой паузы вскинулся и завопил:

– Стени! Против Кая заговор! Где он?! Энн, и Хатон... А Кори? ГДЕ КОРИ?! Я должен их предупредить!

– Предупредить о чем? – мигом насторожилась Стени.

Толя оглянулся по сторонам, сел на диван. И, похоже, понял, где находится.

– Стени... – упавшим голосом спросил парень. – А какое сегодня число?

– Да, ты опоздал.

Он застонал и закрыл лицо руками, пробубнив:

– Мы гуляли с Энн. Настало время занятия магией у Ха-

тона, и так вышло, что Энн и Хатон встретились на лестнице. Они знают друг друга, Стени. Энн зашла в квартиру, и мы дружно сделали вид, что не замечаем друг друга. Я занимался своим, а они разговаривали.

– О чем?.. – нетерпеливо спросила девушка.

– Энн сказала, нет... она *приказала* Хатону прийти к Каю и сказать, что их мать жива. Передала ему что-то, чтобы Кай поверил. Хатон согласился, но спросил, не смертельно ли это и вообще зачем.

– И?

Толя отнял руки от лица и посмотрел на Стени:

– Энн рассмеялась и объяснила, что мать – всего лишь приманка. С Каем хочет встретиться один человек. И ему нужны ответы.

– Что за бред, какие еще ответы... А как ты оказался у помойки?

Парень понюхал рукав своей кофты и сморщился:

– Я тут же побежал предупредить Кая, потому что могла пострадать Кори. Меня никто не остановил. Оставалось всего пара домов, как путь преградил какой-то мужик. У него... – тут Толю осенило. – Стени, у него на руке была татуировка в виде змейки, как у Энн. И кулон на шее. Он просто положил руку мне на плечо, и я начал терять сознание.

– Он что-нибудь говорил?

– Знающий. Сказал, что он Знающий.

Повисла тишина. В голове Стени проносились миллионы разных теорий. Девушка встала и рассеянно взяла чашку для кофе:

– Значит, мы имеем секту под названием «Знающие», к которой причастна Энн. И она что-то хочет от нашего старины Кая. Хочет ответов. Но почему бы просто не спросить?.. Мда. Весело, – она обернулась к Толе: – Я надеюсь, ты услышал место, которое назначила Энн?

Парень отвел глаза:

– Нет. Я сразу убежал.

Стени с грохотом опустила чашку на стол:

– Идиот! – и немного отдышавшись, прошипела: – То есть то, что ты сейчас пробубнил – это все, что ты знаешь?

– А что случилось?

– Они пропали, вот что случилось! Оба! Уже два дня от них ничего не слышно, а Кори... Магия показывает, что ее нет ни в одном мире. Как будто бы она умерла.

Толя порывисто встал:

– Стени, не думай о плохом. Она могла свалить с Каем на Бора-Бора и отключить телефон, а Кай сделал барьер от...

Взгляд девушки заставил парня заткнуться.

– Какой к черту Бора-Бора?.. Ты вообще осознаешь, что происходит?!

Стени чувствовала, как ее самообладание быстро улетучивается. Постоянное напряжение и беспокойство за друзей давали о себе знать.

– Осознаю, – неожиданно жестко ответил парень. – Надо что-то делать. Надо подумать...

– Иди вымойся, – вздохнула Стени. – Я буду здесь. Думать.

Под мерный плеск воды в ванной девушка слонялась по квартире, как приведение, отчаянно пытаясь придумать хоть какой-нибудь план действий. Оставалось только спросить Саманту, но вряд ли старая ведьма что-то знает. После того как ее телом воспользовался Хатон, она не выходит из дома, пьет чай и гладит котов.

Стени снова подхватила чашку для кофе, прошлась с ней по всем комнатам и опять вышла на кухню. Единственный, кто может что-то сказать – Энн. Девушка чувствовала, что встреча будет неприятной. Если они вообще останутся живы. Потому что загнать куда-то Кая против воли может если не бог, то кто-то чрезвычайно сильный и безмозглый.

Тут взгляд Стени упал на разложенную карту. Что же. Энн, значит, Энн. Другого выхода у них нет. Ведьма снова зажгла свечи и надрезала мизинец. Единственный палец, оставшийся нетронутым. Отчетливо представляя образ ведьмы, она шептала заклинание поиска.

Кровь упала на карту и тут же покатилась к юго-западу, оставляя красную дорожку. Стени озадаченно нагнулась.

– Что... – прошептала девушка.

Волосы встали дыбом.

– Толя!!! Вылезай, живо сюда!..

Капля остановилась на их доме.

Стени тут же бросилась к незапертой двери, намереваясь надежно закрыть заклиниванием...

Но не добежала. Ноги вдруг осеклись, мир начал темнеть. Сознание затопил страх загнанного в ловушку животного. Затем пришла паника.

Дверь осталась недостижимой целью бесконечно впереди. Кто-то дернул ручку.

А потом мир исчез.

Она проснулась от яркого света и кошмарного ощущения скованности. Конечности будто одеревенели, отекли и покрылись иголками. Голова кружилась даже с закрытыми глазами.

Соберись, Стени. Ты сильная. Соберись и открой глаза.

Взгляд уперся в стену, обклеенную зелеными обоями в цветочек. Девушка села и поняла, что лежала на холодном кафеле. Секунду она соображала, кто она, где и зачем. Потом мотнула головой, так ничего и не вспомнив. И медленно встала.

Все тело болело, словно ее били, а виски нещадно пульсировали. Дождавшись, пока комната перестанет вертеться перед глазами, Стени осмотрелась.

Она стояла напротив окна. Огромного, во всю стену. Девушка заворожено подошла...

И тут же отпрянула, прижавшись в ужасе к противополо-

ложной стене.

Она находилась в одной из высоток Москвы Сити, причем на верхних этажах. Домики выглядели детскими игрушками, а люди с машинами и вовсе казались муравьями. Где-то обзор закрывали низкие облака... ну и слава богу.

Стени жутко боялась высоты. Еще с детства, когда свалилась с дерева и сломала руку.

Трясаясь, девушка отвела взгляд от окна, вот только смотреть было особо не на что. Белый кафель. Безвкусные обои. Стул. Небольшой столик. В углу черной глыбой стоял пустой автомат для еды. Сверху посвистывало из окошка для вентиляции.

И дверь. Огромная, железная дверь. Выход из этого ада. Но Стени уже знала, что она закрыта. В упор на девушку смотрела камера, и в маленькой комнатухе ее объектив казался необъятным. Стени съежилась.

За ней наблюдают. Это чувство не отпускало ни на секунду.

Она опустилась на корточки, обхватив колени руками. У Стени не было телефона и записной книжки с заклинаниями – двух вещей, без которых она чувствовала себя такой беспомощной и неуверенной. Такой... тряпкой. Просто ничем.

Но она не тряпка. Нет.

Она не тряпка! Кого оторвали от родного мира и подруги, заперев в вампирском городе? В кого стреляли, а потом от-

правили на все четыре стороны? Кто был рядом с Кори, когда она пыталась выжить среди людей? Кто сопровождал двух непредсказуемых демонов, стряхивая с них спесь и побуждая идти дальше?! Кто был рядом с Каем, когда кейнар трясся от волнения, пытаясь войти в сознание Кори? Кто холоднокровно готовил лекарство, понимая, что находится на грани катастрофы?!..

Неужели не она, Стени? И она будет убиваться из-за того, что какая-то сектантка заперла ее в комнате?..

Девушка резко встала, почувствовав прилив сил. Да, у нее не было телефона и книжки. Но ее магия была с ней.

Стени подошла к двери и дернула. Не открывается, кто бы мог подумать.

– Эй! Э-э-э-эй! Есть кто-нибудь?!

После тяжелого молчания девушка повторила попытку:

– Я знаю, вы меня слышите, – обернулась к камере. – И видите! Я требую ответа, на каких основаниях я здесь нахожусь! Что вы хотите от меня?! Энн, я знаю, это ты!

Дело в том, что Стени чувствовала людей за дверью. Охрану.

И в голове созрел план.

– Сколько меня здесь продержат?! – обратилась девушка к двери. – Я знаю, что для чего-то нужна вам. Я голодная! Имейте в виду, я могу разбить этот пустой автомат и порезаться осколками! И что вы предоставите вашей госпоже? Истекающий кровью труп?!

У Стени хватило безрассудства и храбрости. Она отошла подальше от автомата и сосредоточилось.

Стекло сначала треснуло. А потом лопнуло, с диким звоном разлетевшись по комнате.

Минуту девушка ждала хоть какой-нибудь реакции извне. Прошло еще две, три. Десять. Стени охрипла, пока орала. Разочарование горьким комом застряло в горле. И что, это все? Она зря старалась?

Силы заметно подкосились. Девушка смачно и громко послала всех подальше, пожелала сладких снов и уселась в углу, вдали от осколков.

Она не знала, сколько прошло времени, когда за дверью раздались первые звуки. Тяжелые шаги. Затем скрежет замков. Стени сидела, как насупившаяся ворона, когда в комнату зашел мужчина. Высокий, крепкий и молчаливый. Невозмутимо пройдя по осколкам, он поставил на стол поднос с едой.

– Зачем я здесь? – прохрипела Стени.

Охранник не ответил и развернулся.

– Отвечай, кретин!!! Где я?!

– Спросишь при встрече, – пробасил мужчина и хлопнул дверь.

Девушка прошипела что-то невразумительное в ответ. Глянула на поднос: кусок чёрного хлеба, какой-то бульон и пюре с рисом. стакан воды. Сначала обрадовалась, но потом задумалась: а вдруг отравлено?

Стени встала, подошла к ароматному столу и сглотнула.
Все плохо. Все очень и очень плохо.

ГЛАВА 15

Прошла ночь. Настало утро двадцать шестого июня, отметив третий день нашего пребывания в безлюдном Аскатрале. Солнце еще не встало, а я уже проснулся. Минут десять смотрел в потолок, потом тихо вылез и спустился в гостиную. Небо начинало сереть.

Я плохо спал, потому что ночью мне пришла идея. Безумная, но руки чесались ее осуществить. Рассвет послужил неким сигналом для действия. Не дожидаясь, пока проснется Кори, я направился в подземелья. И двадцать минут спустя вышел оттуда с кинжалом. Через его хрустальное лезвие просвечивалась мебель и ковер.

Как и все, что лежит в подземельях, этот клинок был необычным. Собиратель Душ, так мы его называли. При попадании в плоть лезвие впитывало в себя душу жертвы, которую потом можно было извлечь и использовать в своих целях.

Мне повезло. Среди частичек белого хрусталя мелькали голубые искорки.

– Что это? – вдруг раздался голос Кори.

Я улыбнулся, не отрываясь от кинжала на столе:

– Доброе утро. То, с помощью чего я надеюсь узнать ответы на большинство своих вопросов.

Девушка подошла и нежно обняла сзади. Я повернул го-

лову и поцеловал ее в лоб.

– Я поставлю чай, а ты рассказывай, – проворковала она и отпрянула.

Кивнув, я сел напротив кинжала и начал:

– Помнишь, вчера, перед тем как спуститься в подземелья, я закричал «демоны»? Мне тогда пришла идея. Сегодня ночью я придумал, как ее осуществить.

– Продолжай.

– Я много знаю о демонах. Так вот, факты гласят, что им не подвластно время, они спокойно перемещаются между эпохами и мирами, а следовательно, могут знать, где находимся мы и кто создал это место. Если вызвать кого-нибудь...

Кори уже собралась грохнуть чайником, но я торопливо продолжил:

– Вчерашний шарик с пятой стихией – мне хватит его, чтобы вызвать демона. А это, – я приподнял кинжал, – Собиратель Душ. Приманка. Демон так просто никогда ничего не сделает. А за вкусняшку...

– Собиратель... Душ? – настороженно спросила Кори, засыпая травы. – То есть в этом клинке заточены души, которыми питаются демоны?

– Они их любят. Это конфетки.

Девушка недоверчиво замолчала и подошла:

– Давай просто свяжемся со Стени?

– Я понятия не имею, как это сделать отсюда, даже если бы

в полной мере обладал пятой стихией! Допустим, мы выйдем на контакт. Думаешь, она что-то знает? Стени в такой же растерянности, если еще жива.

Утреннее очарование быстро таяло.

– Это опасно, – твердо возразила Кори.

– Кому ты это говоришь? – я посмотрел на девушку снизу вверх: – Мне? Я не раз вызывал демонов и прекрасно знаю, как это делать и контролировать. И уверен в том, что они скажут нам больше, чем Стени. Благодаря этой штучке, – и ткнул в кинжал.

– Мне без разницы. Это опасно.

– Кори, в жизни нет ничего абсолютно безопасного. Смысл тогда жить, если боишься всего на свете?

Прошла минута сурового молчания, во время которой девушка разлила чай и положила на стол две упаковки катапакса, только старого вида. Да, он существовал и в девятнадцатом веке.

– И какого демона ты собираешься вызывать? – наконец спросила Кори, жуя появившийся бутерброд. И глянув в окно, пробубнила: – О, смотри, опять солнечно... Кай.

– Что?

Девушка отложила бутерброд и подошла к входной двери. Вынув оттуда газету, она кинула ее в стопку абсолютно таких же. Уже третью с одинаковым числом.

– Здесь никого нет, – загадочно произнесла Кори. – Мы одни, в этом холодном неприветливом мире. Но знаешь, что

еще хуже?

Я догадывался.

– Мы живем в одном дне. Каждые новые сутки – это один и тот же день.

Я перестал жевать. Двенадцатое января 1894, каждый день? Почему именно эта дата, почему именно этот чертов день?!

– Ты так считаешь? – стараясь, чтобы в голосе не скрежетала ярость, спросил я.

Кори села обратно и вздохнула:

– Я наблюдала за погодой эти два дня. Утром солнечно. Ближе к вечеру начинается буря. Ближе к ночи затишье. Ночью буря. Утром опять солнечно. Одинаковая погода. Новая, но одновременно «вчерашняя» газета каждый день. Могу поклясться, что на прилавках лежат свежие продукты.

Один день. Эта мысль не укладывалась в голове.

– И каждую ночь происходит перекрутка... – задумчиво произнёс я.

– Скорее перезагрузка, – поправила она.

– Этого места. Временной ловушки.

– Временного узла.

– Ада.

Кори настойчиво спросила:

– Почему ты называешь это место адом?

Я на секунду закрыл глаза и оставил её без ответа, продолжив:

– Но если остановить перезагрузку, временной узел развяжется. И мы либо попадём обратно в двадцать первый век... Либо исчезнем. Но есть вопрос: что это за магия, способная создавать такие временные узлы? И кто ей владеет?

– Знающие, разумеется. Они берут один день из прошлого, полностью копируют его и переносят в другое место, и обновляют эту копию каждый день.

– И так до бесконечности...

– Но они не копируют живых существ. Хотя Андру ведь... Вот здесь я обернулся:

– Нет, Андру – он... сущность. Это дух. И я, кажется, понял, почему мы не нашли Пророчество.

– Почему?

– Потому что это древняя магия.

Кори медленно захлопала в ладоши. Я улыбнулся:

– Стой. Смотри, что такое древняя магия? Это заклинания, обряды, вещи, которые были созданы в момент формирования общей магии. Тогда первые маги ставили эксперименты, познавая себя и мир, делали ошибки и совершали прорывы. Эпоха древней магии закончилась примерно четыре тысячи лет назад, но ее создания остались. Она – «фундамент», который нельзя перенести или скопировать. Пророчество, сила древних кристаллов и амулетов, граница Аскатрала, магия твоего клинка, который стоит на вершине Аскатрала – все это древняя магия. Поэтому нет Пророчества, вчерашний кристалл Силы не работает, я не чувствую гра-

ницы. А если мы поднимемся на вершину, я спокойно вытащу твой фамильный клинок – а в нормальном мире я не мог даже дотронуться до него, помнишь?

Кори задумчиво кивнула:

– А с Андру что?

– Другое дело – живые сущности и демоны. Они есть здесь не потому, что их «скопировали», как рельеф и погоду, а потому что они не подчиняются времени и... измерениям. Это мои догадки.

– Осталось понять, как Знающим удалось скопировать целый мир.

Я поправил:

– *Если* это сделали Знающие. Но мы не владеем такой магией и не сможем понять, как они создали это место.

Тут Кори коварно улыбнулась:

– Но мы можем спросить у демонов, как его разрушить.

Около получаса мы провели в библиотеке, решая, какого демона выбрать. И после долгих разногласий и споров сошлись на Гремори. Затем Кори укуталась в шубу, я обошелся кофтой, и мы спустились на первый ярус подземелий. Я прихватил с собой пару книг и баночку с черной жижей. Она называлась «коктейль для демона», смесь перегнившей плоти, темной магии и парочки душ.

Мы подошли к самой большой стальной двери. Я прикоснулся к ней рукой. Заскрежетали замки, внешние и внутрен-

ние, заскрипели засовы и защелкали заклинания. Последним я крутанул массивное колесо и толкнул дверь.

Мы попали в алтарь.

Алтарь – не просто сердце Аскатрала. Это его душа.

Большой круглый зал. Куполообразный потолок. Это место является самой важной и неотъемлемой частью в создании любых заклинаний, а особенно – пятой стихии. Я полюбил его еще до того, как построил. Чтобы рабочее место не выглядело зловещим и унылым, по периметру стен стояли статуи высотой до потолка – кейнары с распахнутыми крыльями. Кончиками перьев они касались друг друга. Каждый в руках держал широкий меч, острием упиравшейся в пол. Двенадцать статуй. Они различались только глазами – вместо зрачков в каждой выемке покоился драгоценный камень. Один кейнар смотрел на зал изумрудными глазами, третий аметистовыми, другие – рубиновыми, топазовыми и агатовыми. А также различался текст, выгравированный сверху вниз на каменных лезвиях – письма на каронейском, языке древней магии.

Эти каменные изваяния стояли здесь не бесцельно. Кейнары являлись своеобразными «помощниками». Камни в глазах проводили и отражали магические цепи, создавая «сеть», которая в итоге переходила в испытуемый предмет или человека. Письмена на мечах также были усиливающими заклинаниями, своеобразными «катализаторами» магических реакций.

Под куполом растянулась целая паутина хрустальных прутьев. Они переплетались между собой, отражая дневной свет, лившейся из небольшого окошка, пламя свечей и огненных шаров. Прямо под ними в камне была выбита огромная пентаграмма. На ее острых концах располагались пять обсидиановых столбов, на каждом из которых был начертан белый символ. Он обозначал стихию. А сверху на столбах, в специальных углублениях, располагались Камни.

Таких Камней в мире очень мало. Каждым я дорожил как собственной жизнью. Без них пентаграмма не будет работать. Неизвестно, кто их создал. Камни находили в руинах, песках или заброшенных городах, настолько древних, что никто и не помнит о тех временах. Смесь природного минерала, магии и первобытной мощи. Всего их восемь пятёрок, на восемь полных пентаграмм. Чтобы раздобыть весь набор, мне понадобилась не одна сотня лет. Я бродил по всему миру, пытаюсь найти нужный Камень. Что-то нашёл сам, что-то купил, а что-то украл. Мы даже объявляли Охоты, пытаюсь достать все пять Камней, пять Стихий – Огонь, Вода, Земля, Воздух и Тьма. А под самым куполом, за прутьями, ровно над центром пентаграммы висел связывающий минерал – обсидиан.

Везде соблюдалась строгая симметрия, с точностью до миллиметра. В итоге при правильной работе образовалась сложная сеть, в которой может разобраться только знающий человек. Я достигал сегодняшнего мастерства и чет-

кости действий всю жизнь, и до сих пор учусь.

Над изголовьем пентаграммы стоял сам алтарь – каменное сооружение, похожее на лавку. Туда ложился подопытный. Если же испытывали предмет, то его клали в центр пентаграммы. В алтаре концентрировалась вся сила, там сливались все цепи и сети. На спинке «лавки» располагались пять углублений – туда, опять же, соблюдая строгую симметрию, ложились те же самые Камни – только их маленькие кусочки.

В углу стоял большой дубовый стол, где лежала раскрытая книга. Рядом валялось несколько сломанных перьев, большая банка с чернилами и стопка фолиантов.

Я с интересом взглянул на страницы и узнал собственный почерк. Посмотрел на заголовок: «*Переселение души в другое тело...*, – дальше чернела клякса, – *Опыт номер...*, – жирно зачеркнуло, – 45». Потом шёл рисунок пентаграммы, нужные концентрации, плетения цепей, чертеж получившейся сети... А на следующей странице след от воткнутого в книгу кинжала и жирная надпись: «*Неудачный*».

Да, я помню те нелегкие денёчки. Когда неделями сидел в этом зале, не спал ночами, а получал раз за разом один и тот же результат – «неудачный».

Тут мне в голову пришла мысль. Я доработал это же заклинание в Москве и собирался применить его на практике в Аскатрале. А чем Аскатрал 1894 не подходит? Вот только в кого переселяться?

Взгляд невольно упал на Кори, разглядывавшую огнен-

ный Камень. Я мысленно покачал головой и тут же отбросил эту идею.

Сейчас у меня другое дело.

Я закрыл лежавшую книгу, оставив на потом, а на её место положил *«Демоны от 1-ого до 4-ого кругов»* и принялся листать.

– Здесь так... Красиво, – прошептала девушка. – И атмосферно. Тут есть что-то... не знаю, как описать. Я сейчас будто испытываю священный трепет.

– Потому что это святая святых Аскатрала, не считая моей комнаты, – спокойно ответил я. – Здесь нужно испытывать трепет. Понимаешь, в этом месте все настолько... мощное, редкое и сделанное с душой. Бездна, да о чем я? Здесь открывались порталы в другие миры, ставились самые невероятные и грандиозные заклинания! Как тут можно не испытывать священный трепет?

– Тебя это не страшит?

Я озадаченно поднял голову:

– Что?

– Та сила, которая здесь ощущается. Ты не испытываешь страх перед чем-то неизвестным, чем-то намного выше и древнее тебя?

– Ты говоришь, как глубоко религиозный человек о своем божестве.

Кори усмехнулась и покачала головой. Меня насторожила ее реакция.

– Не знаю, я что-то чувствую в этом месте. Правда, – девушка подняла на меня горящие глаза. – Словно я верю во что-то, и внезапно оказалась в доме и храме этого *чего-то*.

Я перевел взгляд на огненный Камень, около которого она стояла и пожал плечами. Возможно, дело в нем.

– Итак, – я ткнул в нужную страницу. – Давай же узнаем, как нам ее вызвать.

Как я уже сказал, на выборе демона мы сошлись только после долгих споров. Ей оказалась Гремори – пятьдесят шестой дух ада. К нам, простым бессмертным, она является в образе прекрасной женщины на огромном верблюде. Гремори покровитель всего, что связано с деньгами и роскошью, но ее служба состоит в том, чтобы рассказывать обо всех событиях прошлого, настоящего и будущего, а также о скрытых сокровищах и местах, где они лежат. Идеальный вариант.

– Кори, только умоляю тебя, – я поднял глаза на девушку. – Она отнюдь не слабый демон. И если Гремори разозлится, я вряд ли с ней справлюсь – даже с шариком пятой стихии. Я думаю, Собирателя Душ взамен на ответы хватит, но... Если она попросит меня сделать что-то, что покажется тебе неприемлемым... Не ревнуй, пожалуйста. И не лезь, ради твоей же безопасности. Я все еще надеюсь выбраться отсюда.

Кори оперлась на стул и многозначительно улыбнулась:

– Ты знаешь, это звучит интересно. Очень интересно. Я,

пожалуй, посижу здесь.

Против воли на губах появилась улыбка. Я загадочно протянул:

– В любом случае не мешай. Говорить буду я.

Она кивнула и уселась поудобнее.

Шарик. Банка с душами. В ножнах хрустальный клинок. Я встал в изголовье пентаграммы, взял черную сферу в руки и... проглотил. Как таблетку.

Прошло не больше десяти секунд, как я ощутил пятую стихию. Давно забытое чувство охватило сознание, укрепило его и всколыхнуло. Нет, стихия не возродилась заново... она была во мне всегда, просто в состоянии тлеющей лучины.

А сейчас она пробудилась. И вспыхнуло пламя.

Концентрация двадцать шесть целых две десятых. Сто четыре целых, восемь сотых. Семь...

Первая цепь, двадцать пять градусов, пятьдесят девять минут. Вторая цепь...

Создание цепей требовало предельной четкости и опыта. Цепь за цепью срывались в воздух, отражались в глазах статуй и летели в пентаграмму. Каждая цепь была разной, требовала разной позы пальцев, разной концентрации, имела разный градус и стояла разных слов.

Наконец, двадцать пять цепей заняли свои места. Они образовали кристальный узор паутины и связали нужные потоки.

Глаза кейнаров и письма на их мечях вспыхнули. Камни налились светом, а сама пентаграмма замерцала.

Одно слово. Одна фраза.

И полученная сеть слилась и рухнула на пентаграмму.

На мгновение зал потонул в яркой вспышке света. Звезда на полу дымилась и чернела, воздух заполнил острый запах озона.

Из пентаграммы медленно поднимался комок теней, клубок самой тьмы, перетекающий, как вода, из одного состояния в другое. Сменив парочку форм и размеров, демон застыл и начал приобретать цвет.

Перед нами медленно появлялась прекрасная девушка в длинном зеленом платье. Она опиралась на огромного белого верблюда, ее верного мохнатого спутника. Двугорбое животное задумчиво жевало, осматривая помещение темными и одновременно сверкающими глазами.

С демоном было иначе. Я смотрел на нее и видел общие черты: изумрудный шелк, роскошный пояс со знаком духа и золото украшений. Со смесью интереса и хитрецы меня рассматривали темные, мудрые глаза, по восточному раскосые. Но стоило присмотреться, как образ демона расплывался, словно рябь на воде.

– Гремори, – громко позвал я и коротко поклонился: – Благодарю, что откликнулась на мой зов. Нам нужна твоя помощь.

Демон с верблюдом вышли за пределы пентаграммы, мед-

ленно двигаясь вдоль круглой стены.

– Сын Бездны, – проворковала женщина, склонив голову. – Неужели тебе понадобилась моя помощь? Удивительно... Либо ты слишком юн, либо произошло что-то очень серьезное.

Я не особо понимал, о чем она говорит.

– Я слышан о тебе как о великой герцогине, которая знает прошлое, настоящее и будущее. Твоя жажда познания таинств неопределима. Мне нужны ответы на вопросы.

Гремори подходила ближе, но я все равно не мог разглядеть ее, сколько не пытался:

– И что же ты предложишь взамен?..

Я поставил на пол банку с черной жижей.

Верблюд презрительно фыркнул. Женщина звонко и как-то замогильно рассмеялась:

– Ты думаешь, я, я, Великий Герцог ада, куплюсь на *это*?..

– Двадцать душ. Этого мало?

– Я знаю, какие вопросы сидят у тебя в голове, – улыбнулась Гремори. – Ответить на них можно, но сложно. Этого *слишком мало*.

Я вздохнул. Она права, торговаться дальше бесполезно, только раздражать ее.

Звякнув ногами, я медленно вытащил Собиратель Душ.

Раскосые глаза округлились.

– Здесь полторы тысячи. Они все твои. За неограниченное количество вопросов. Если я узнаю, что ты врала...

– Ты недооцениваешь меня, Кай Энгельгардт. Я *всегда* отвечаю честно, на то я дух ада Гремори.

– Ну так?

– Идёт.

Верблюд медленно повернул голову и минуту пристально смотрел в мою сторону. Демон замерла в ожидании, как притаившаяся в кустах зеленая змея.

– Сначала ответы, – твердо произнес я. – Потом плата.

Перехватив хрустальное лезвие двумя руками, я ясно дал понять, что сломаю его при первом же ослушании. И тогда демон останется ни с чем, а накопленные столетиями души улетят в бездну.

С лица Гремори исчезло всякое подобие улыбки. Красивые глаза наливались темнотой.

– Спрашивай, кейнар, – прошептала она.

– Первый вопрос. В каком мы времени и измерении?

– Петля, ловушка, узел, третья грань... Это место можно по-разному называть, но смысл один. Существо выбирает любой день из цепи времени и копирует участок рельефа, погоды, города... или всего мира. И регулярно обновляет петлю, чтобы она продолжала своё существование.

– Какие существа способны на такое?

Гремори склонила голову и стала медленно приближаться. Шаг за шагом за хозяйкой следовал верблюд.

– Не люди, не волки, не вампиры, не эльфы и не люди драконов... – задумчиво перебирала женщина. – Это должно

быть сильное существо... Очень сильное.

– Ты не назвала кейнаров. Они способны на такое?

– Крылатые? – Гремори глянула на Кори. – Вряд ли.

В прошлом вы умели делать подобное, а сейчас для всеобщего понимания это знание утеряно.

– Для всеобщего понимания?

– А для не всеобщего ты не обязан знать, кейнар. Узнаешь сам, если...

Я сжал лезвие кинжала и грозно сказал:

– Твои души могут остаться со мной, демон! Отвечай на вопрос.

Гремори на секунду вся потемнела. Верблюд оскалился.

И тем не менее женщина ответила:

– Когда-то у кейнаров было государство, но потом оно распалось и перестало существовать. Так думало большинство. На самом деле страна до сих пор существует. Мне запрещено говорить, где она находится, и сломай ты хоть тысячу таких кинжалов, я не отвечу. Но я могу сказать, что жителей там немного, хотя они сумели сохранить былые знания. И, возможно, умеют создавать петли, – Гремори замолчала на секунду и задумчиво добавила: – Но не в таких масштабах, как эта. Вряд ли это они.

Я не ответил и продолжил, тщательно скрывая удивление:

– Что будет, если остановить процесс обновления временной петли?

– Она исчезнет.

– А что будет с теми, кто там находится?

Внезапно я понял, что демон стала намного ближе, чем раньше. И мохнатый белый верблюд уже возвышается над головой на добрые два с половиной метра.

– Они растворятся... – ледяная рука Гремори коснулась щеки. – Растворятся в пустоте. И не останется ни душ, ни плоти...

Я не стал отворачиваться. Хотя очень хотелось.

– Как выбраться отсюда, не уничтожая себя?..

Она ответила мне в самые губы, обдав ледяным дыханием подземелий:

– В каждой петле есть уязвимое место – точка, в которой находилось существо, когда создавало её. Через нее можно выбраться в своё время, но как – уже другой вопрос. Каждый создатель придумывает свою закономерность, при которой врата открываются. Это все, что я могу сказать.

Я мягко отстранился:

– Последний вопрос. Кто такие Знающие?

Гремори замерла на секунду. И неожиданно рассмеялась:

– Кай, не пугай меня! Уж что что, а это *ты* обязан знать!

– Почему?.. – с искренним недоумением спросил я.

– Мальчик, ты Сын Бездны. И если не понимаешь сейчас, то обязательно поймешь потом. Не мне тебя просвещать в таких делах.

– Запрещено?

– Запрещено.

Я вздохнул и обернулся на Кори – может, она хотела спросить что-то ещё.

Но девушка лишь кивнула.

Тогда я протянул демону кинжал рукояткой вперед:

– Ладно. Спасибо, Гремори. Ты свободна.

Она приняла его почти с трепетом. И, отступив в центр пентаграммы вместе с верблюдом, кивнула.

В следующий миг черная тень растворилась на полу. Сеть разрушилась, и портал погас. Врата закрылись.

Только сейчас я позволил себе расслабиться. И тут же понял, насколько был напряжен. Я подошёл к Кори и сел прямо на пол, устало ответив на ее вопросительный взгляд:

– Ты все слышала. Делай выводы.

Девушка молча уткнулась в стену. Я тоже размышлял, чувствуя себя как выжатое раза два, смятое, мокрое полотенце.

Если верить Гремори (а ей стоило верить), наши догадки относительно ловушки подтвердились. А информация, что здесь есть уязвимое место и выбраться отсюда возможно, радовала. Но была проблема.

Каким образом мы узнаем кто, как, когда и в каком месте создавал эту петлю и какой именно способ открытия врат он придумал?

Вот и все. Единственное, что вызывало недоверие – это слова про государство кейнаров. Об этом говорила и Энн.

В нашем мире есть одна закрытая территория. Аван-

кар-Хачит – архипелаг на востоке, у людей называемый Японией. Он окружен бесконечными ураганами, поэтому «без приглашения» туда попасть просто невозможно. Были смельчаки, но они не возвращались. Распространен миф, что там живут кентавры. Но, по словам демона и Энн... кейнары? И у них там собственное государство. И знания, что были до Раскола, не утеряны. И пятая стихия когда-то была доступна всем, а не только Ищейкам.

Я не удивлён, что это знает демон. Но откуда это известно Энн?

– Почему все называют тебя Сын Бездны? – впервые за долгое время спросила Кори. – Андру. Гремори. Все, кто имеет доступ за пределы мира, называют тебя так.

Я ответил не сразу, медленно подбирая слова:

– Я стараюсь не думать об этом. Понимаешь... я должен быть кем-то, и должен знать то, о чем не ведают обычные жители наших миров. Но кому это надо, почему Сын, почему Бездна... я ничего не знаю. Ничего! – и повернувшись к девушке, сипло добавил: – Это... это меня пугает, Кори.

Вместо ответа она прижалась ко мне, положив голову на плечо. Мы сидели в молчании. Я вцепился в Кори, как в последний оплот разума и надежды в этом непонятном мире. Она не спешила делиться своим мнением, а у меня просто кончились мысли. Смысл перебирать в голове одно и то же, если и так все ясно как пень? Мы все знаем, но не знаем ничего. Конец.

И тут на меня что-то нашло. Рот открылся и больше не закрывался. Я начал рассказывать Кори, как устроен и работает Алтарь. Про каменных кейнаров, про Камни и их силу, про пентаграмму, магические сети и цепи... Захотелось просветить человека, показать что-то новое. Она задавала короткие вопросы, я отвечал. И нас обоих этот диалог вполне устраивал.

– Отсюда можно выбраться, – после недолгой паузы сказал Кори. – Остановить перезагрузку узла – не выход, иначе от нас ничего не останется. В первую очередь надо найти место, где этот мир создали. Других идей у меня пока нет. Возможно, нам помогут книги, какие-то находки, или... чьи-то кошмары.

Я прекрасно понимал, о чьих кошмарах она говорит.

– Подумай, создатель узла мог находиться в любой точке мира! А он большой.

Внезапно глаза девушки расширились:

– Кай! А ведь есть ещё и человеческий мир! Возможно, он не входит в узел...

Я задумался:

– Считаешь, если мы пересечем границу, то окажемся в нормальном мире?

– 1894 года, в прошлом. Или там будет так же безлюдно.

– В любом случае надо проверить, – после секундной паузы я добавил: – Но ведь отчего-то мы появились именно здесь, в Аскатрале. Может, и уязвимое место где-то рядом?

Она вздохнула:

– Я не знаю. Надо просто найти его, – Кори встала и потянула меня за руку: – Пойдём наверх. Здесь холодно.

Я не представлял, как искать это место. Только если его адрес однажды не приснится кому-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.